

ТРИ ПОДРУГИ И РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГРЕТА РАШ

18+

Грета Раш

Три подруги и разбитое зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318015

SelfPub; 2024

Аннотация

Ди и Ниса приложили много усилий, чтобы найти свою подругу, и, казалось бы, встреча не за горами, но всё пошло не так, как ожидалось. Девушки обнаруживают раненого мужчину в лифте, а муза вновь исчезла в неизвестном направлении. Сразу после этого похищают зачарованное зеркало, которое оказывается уничтоженным в результате ошибки. Ди вынуждена отправиться домой к отцу, а тем временем по городу бродит известный убийца по прозвищу Чума, от которого ещё никто не уходил живым. Кто его следующая жертва? Почему легендарного мстителя так не любит Совет? И как с ним связан главный вампир города? В третьей книге вскрываются тайны прошлого, выходят из-за кулис настоящие злодеи и мир оказывается на грани разрушения. Вас ждет самая неожиданная развязка, потому что... всё не то, чем кажется на самом деле. И доверять нельзя даже себе. Третья часть серии, продолжение книги "Три подруги и древнее зло".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	71
Глава 8	80
Глава 9	96
Глава 10	106
Глава 11	124
Глава 12	136
Глава 13	151
Глава 14	156
Глава 15	172
Глава 16	181
Глава 17	190
Глава 18	196
Глава 19	206
Глава 20	216
Глава 21	230
Глава 22	242
Глава 23	253

Глава 24	265
Глава 25	272
Глава 26	281
Глава 27	292
Глава 28	301
Глава 29	314
Глава 30	324
Глава 31	334
Глава 32	346
Глава 33	357
Глава 34	398
Глава 35	409
Глава 36	420
ДОПОЛНЕНИЕ	435

Грета Раш

Три подруги и разбитое зеркало

Глава 1

– Откуда ты знаешь, где живет Романов? – спросила Ниса, немного нервно оглядываясь на следовавшие за нами в потоке машины.

– Подвозила его как-то домой, – ответила я, глядя прямо перед собой и крепко стискивая пальцы на руле.

– Прямо до квартиры, что ли? – фыркнула подружка и с опаской покосилась на меня.

– Нет, до подъезда, – не оценила я шутку. – Но знаю, как вычислить его апартаменты. Романов недавно обмолвился, что решил переделать балкон. Хочет поставить большие раздвижные окна.

– И что? – не сообразила подруга.

– А то, что Мишка под ноль снес все три стены. Будет не трудно найти балкон с одним лишь полом.

– Может, он уже поставил окна? – нерешительно предположила банши.

– В любом случае, вряд ли в его доме полно балконов,

полностью состоящих из стекла, – процедила я, прибавляя скорости.

– Я понимаю, что ты на взводе, – Ниса выпрямилась в кресле, наблюдая за спидометром. – Но зачем так гнать?!

– Спешу устроить казнь, – прорычала я, стискивая челюсти до острой боли в скулах.

– Главное, чтоб не нашу, – вновь попыталась пошутить Ниса, но юмор получился натужным и мрачным.

Подружьино веселье быстро потухло.

– Не переживай, умирать не собираюсь, слишком много невыполненных дел! – сообщила я, вновь вжимая педаль в пол и вынуждая стрелку измерителя скорости преодолеть отметку в 80 км.

– Да, да, я помню, – забормотала Ниса, хватаясь за ручку двери. – Музу в клетку сунуть, следаку голову отвинтить. Пряма целая охапка забот!

– И что не так? – глухо проронила я, бросив быстрый взгляд на подругу.

– Нет-нет, всё так! – замахала свободной левой рукой банши с деланно беззаботным видом. – Всё просто прекрасно!

– Да ладно тебе, – с раздражением закатила я глаза. – У меня нет ни времени, ни сил, ни желания ковыряться в чужих поведенческих мотивах! И ты прекрасно знаешь, что я ужасна в понимании намеков! Говори прямо! В чем дело?

– Просто..., – замялась Ниса, почесав переносицу. В последнее время моя любимая блондинка чесалась с такой

интенсивностью, словно это она была блохастой, а не Гриша, которого подружка упорно именовала таковым. – Может быть, прежде, чем влетать к ним с шашкой на голо, попробуем хотя бы поговорить? Ну, для начала.

– Мы уже пытались, – холодно отрезала я. – Помнишь? Когда сбежали от толпы оборотней, засевших в моей квартире, заодно прихватив с собой бессознательную музу.

– Помню я, помню, – проворчала банши себе под нос, нахохлившись обиженным воробушком.

– А помнишь, что нам ответила Руся? – вновь начала заводиться я.

– Она попросила дать ей время, – с печальным вздохом промолвила подруга.

– И мы, такие добренькие и понимающие, согласились! – с ядовитым весельем провозгласила я и от злости ударила ребром ладони по ни в чем не повинному рулю. – Зря! Надо было прямо там за жабры её схватить и заставить всё рассказать!

– Я не уверена, – слова Нисы я едва расслышала.

– В чём?

– В том, что она предательница, – подруга еще ниже опустила лицо, разговаривая с собственным пупком. – Может быть, она действительно не желала нам зла?

– Она пыталась тебя убить, – напомнила я. – Подсунула китайскую наркоту и натравила ягуаретта! Думаешь, вы просто так с ним столкнулись? Случайно? Нет! Он за тобой сле-

дил. И не вдруг, а по наводке, чтобы по итогу подстроить всю эту эпическую встречу в библиотеке!

– Ну, то что Эмиль знал, кто я такая еще до нашего официального знакомства мы уже выяснили, – решила внести ясность Ниса. – Я была в списке Лозовского, который он составил для ягуаретт. Как подходящая пара для зачатия маленького, миленького, зубастенького блохастика!

– Вначале, – твердо поправила её я. – Ты была в нем вначале, так сказать, в его первой редакции. А после Лозовский решил, что ты – в качестве наемной силы для него гораздо выгоднее, чем ты – обвешанная пеленками да распашонками. И всё равно тебя попытались использовать в качестве живого инкубатора. Как и попытались убить! А сам Лозовский всё это время делал такое честное лицо, что хоть икону с него пиши... И продолжает делать!

– Если верить словам Гриши, Лозовский действительно ничего не знал. Не знал, что пятнистые пошли против его воли.

– То есть, гибель им же лично отобранных девушек при очень странных обстоятельствах не навела мужика ни на какие размышления? – зло расхохоталась я. – Не бывает настолько глупых людей!

– Ну, – протянула Ниса. – По новостям о таком не передают, в газетах не пишут. Не хотят народ пугать и волну недовольства в обществе не поднимать. И вряд ли братец Макса каждый день отслеживал, чем его «дрим тим» занят. Он

действительно мог быть просто не в курсе. А по поводу китайских таблеток... Клим сказал, что получил их от Захара, а не от Фирусы. Может быть, в данной ситуации этот специалист по паршивым раскраскам действовал за спиной у нашей подруги? А признать это в присутствии оборотней, когда нас троих силком собрали в твоей квартире, Руся не захотела. Или побоялась. Обстановка тогда откровениям не способствовала. Гриша свои намерения демонстрировал очень откровенно и никому не позволил бы прервать своё выступление, цель которого – заставить тебя поверить, что вокруг одни враги.

– Если всё так, то почему она не рассказала правду потом? Когда ей уже ничего не угрожало? – тихо спросила я, вздохнув.

– А действительно ли не угрожало? – с созвучной моей грустью ответила Ниса. – Мы же точно не знаем. Допустим, она приложила руку к гибели тех девушек, но то, что случилось со мной... Это был совсем другой случай. И наша муза захотела сперва сама во всем разобраться. Разобраться с Захаром, узнать, кто еще оказался втянут в эту игру со смертью. Вдруг не все в этой истории всегда были жертвами, а порой отыгрывали и роль палачей.

– Ладно, допустим. Допустим и Димка не знал о некоторых действиях своих котят, – угрюмо согласилась я, припоминая нашу первую встречу с принцем Джэханом. – Но это незнание долго не продлилось. Придя в мой сон он сам за-

явил, что будет еще одна жертва нападения, но на кого именно нацелились – Лозовский понятия не имел. И если исключить вариант, что он мне наврал, то получается, что к моменту нашей второй беседы он уже был в курсе проделок ягуаретт...

– Ага, и его прозрение произошло твоими стараниями, – вставила Ниса. – Не заявись ты к нему, он мог еще не скоро обо всем узнать.

– ...но конкретные подробности ему были не известны, – продолжила я, проигнорировав слова банши. – По крайней мере, тогда. И если исключить из списка подозреваемых самого Лозовского, которому всё случившееся, вроде как, не выгодно, потому что он первый претендент на роль козла отпущения, то остается... кто-то из кошачьей стаи. Фируса не могла действовать в одиночку, даже с учетом помощи Макса. Хотя я уверена, что он ей вообще не помогал, только платил и давал указания. Значит, был еще кто-то. Кто-то изнутри закрытого общества ягуаретт, кто помогал ей организовывать нападения на девушек. Так сказать, хвостатый серый кардинал, разыгрывающий собственную партию.

– Захар? – моментально предложила Ниса. – Он – идеальная кандидатура. Допускаю даже, что он и на Фирусу как-то повлиял.

– Повлиял на музу? Seriously? – недовольно скривилась я. – Я бы скорее поверила в то, что это она на него как-то повлияла, если бы не знала, что магия Руси кратковременна

и действует только в её присутствии. А с такими, как мы ей особенно трудно. Она сама об этом говорила.

– Мы знаем, что умеет муза. Но мы не знаем, что умеет Захар, – проворчала Ниса.

– Как-то не складывается, – с сомнением протянула я. – Художник – злодей? Не тянет он на герцога Ришелье. Это должен быть кто-то хитрый, умный и... способный выходить из-под контроля – Лозовского, вожака, других доминантов стаи.

– Может быть, этот загадочный «он» сам доминант? Про вожака ничего не скажу, не знакома, но вот по поводу Лозовского у меня есть подозрение, что пятнистых парень не шибко-то контролирует, – заметила Ниса. – Или контролирует, но не полностью. Как думаешь, так бывает?

– Откуда мне знать, – вспыхнула я. – Я же не оборотень! Но если бывает, тогда версию заговора следует принять как основную. Некто действовал за спиной у Лозовского. Возможно даже целенаправленно ему во вред.

– В подчиненной ему стае есть предатели! – рубанула рукой воздух Ниса. – Это Захар! Захар предатель! И предал он не только Лозовского, но и Руську! Я уверена! Он подсунил мне «сияние» и подстроил всё так, чтобы мы спустили на неё всех собак, а о нем даже не вспомнили! И ведь сработало! Мы действительно вспомнили только сейчас! Вот зачем нужно было на меня нападать! Мы нашли ответ!

– Погоди, – попыталась я охладить её пыл. – Муза во всем

созналась, помнишь?

– Может быть, у неё не было другого выхода, кроме как взять вину на себя? – Ниса всеми правдами и неправдами пыталась найти подруге оправдание. – Вдруг её шантажировали?

– Чем её могли шантажировать? – с недоверием покачала я головой. – Она – единственная и обожаемая дочь своих родителей. Детей у неё нет, мужей тоже, домашние питомцы – и те отсутствуют. Работа – интеллигентная, связанная с искусством и богачами, любящими в это искусство вкладывать большие деньги. Из всего имущества – квартира в здании бывшей швейной фабрики да машина, которая пылится на парковке. Счет в банке есть, кредитов нет. Её жизнь – почти идеальная.

– Слушай, – вдруг выпрямилась Ниса так, словно ей в макушку кол воткнули. – А ты давно Марису и Артура видела?

Мы всегда называли родителей Фирусы по имени и обращались к ним на «ты», во-первых, потому что они сами об этом просили, а во-вторых, потому что сложно «выкать» людям, которые выглядят практически как твои одногодки.

– Последний раз – зимой, – поморщилась я, припоминая. – Когда ходили к ним Рождество отмечать. А ты?

– И я тогда же, – кивнула банши и с тревогой уставилась на меня. – Как ты думаешь, с ними могло что-то случиться? Может, их похитили?

– Да вряд ли, – ответила я, но беспокойство уже начало

скрести душу. – Возможно, их даже в стране нет. Ты же знаешь, они постоянно во Францию мотаются.

– Кто-то мне совсем недавно уже говорил что-то про Францию, – сосредоточенно заморгала подруга, закусывая засунутый в рот палец.

Я не выдержала, и выдернула её руку изо рта.

– Как маленькая, честное слово! Руки грязные, а ты их в рот тянешь!

– Они чистые, – упрямо заявила Ниса. – Я их с утра мыла!

– Ага, с утра мыла, а после успела облапать едва ли не половину города!

– Ты мне мешаешь! – не дала мне Ниса закончить нравоведения. – Ну, вот! Сбила с мысли! Я ведь почти вспомнила, от кого слышала про Францию!

– «Почти» не считается, – пробурчала я и начала сбрасывать скорость.

Мы добрались до дома Мишки Романова.

– Слушай, а давай Грише позвоним? – загорелась новой идеей неугомонная банши.

– Зачем? – скептически выгнула я бровь, съезжая с основной дороги и заруливая в узкий переулок. – Поинтересоваться, когда он последний раз был во Франции? Не думаю, что он скажет тебе правду, даже если буквально вчера жевал круассан, глядя на Сену, и швырял крошки местным голубям.

– Нет, – нетерпеливо мотнула головой подруга. – Спро-

сим, может ли быть стая подчиненной не полностью. А? Давай?

– Ага, спросим и заодно вызовем у него ненужные подозрения, – трясась на кочках и выбоинах мы доехали до конца переулка, свернули за угол, преодолели еще с десятков метров отвратительного асфальтового полотна, проложенного между двумя пятиэтажками, стоящими друг напротив друга, и оказались перед круглым высотным домом с глухим внутренним двором, въезд в который преграждали ворота. – Всё, приехали.

Я припарковалась. Мотор затих.

– погоди, – схватила меня за руку Ниса, когда я уже отстегнула ремень безопасности. – Ну, давай поговорим с Гришей. Хуже всё равно не будет. А если ты боишься, что он помчится с докладом к твоему недоделанному жениху, так не бойся.

– В смысле? – приподняла я брови.

– Я тебе говорю-говорю, а ты не понимаешь. Ты ему нравишься, Ди, – Ниса растянула губы в улыбке, глядя на меня со снисходительностью. – Как можно было этого не заметить? Встречаясь с тобой он всегда одет с иголочки, благоухает дорогим парфюмом и всю демонстрирует собственные достоинства. Не знаю, насколько их у него много, ревизию не проводила, но, думаю, достаточно, чтобы составить конкуренцию даже твоему любимому клыкастому.

– Ты нос с пальцем-то не сравнивай! – возмутилась я. –

Ян...

– Да, да, да, – и глаза подружки укатились куда-то под череп. – Самый лучший кровосос на свете! Я в курсе! И знаю, что между вами двумя драма с бесконечным количеством актов, и конца и края этому нет. Но! Гриша – лучше Макса. Мало того, что сам парень заинтересован в тебе, так еще и не прочь избавиться от власти принца над собой и своими волками. И это резонно! Вот сама подумай, зачем он ему? Должность главного хвостатого Гриша уже получил. А если не будет Максика, то оборотень получит еще и тебя.

– За языком следи, – рыкнула я на подругу.

– Ну, или не получит! – развела руками Ниса, быстро перестроившись. – Но его симпатию можно и нужно использовать. Мы уже сами запутались, кому можно верить, а кому нельзя, и кто у нас следующим во вражеский список попадет!

Я отвела глаза, устремив взгляд сквозь лобовое стекло на пронзительно голубое небо.

Нужно было принять решение.

– Ладно, я ему позвоню, – и протянула руку.

– Уже набираю! – просияла радостью банши. Её телефон оказался в моей руке в тот момент, когда на другом конце прерывисто-сдавленно откликнулись:

– Алло.

– Надеюсь, ты занимаешься не тем, о чем я подумала, – произвольно вырвалось у меня.

Глава 2

– А о чем ты подумала, Ди? – спросил Гриша и я услышала скрытую улыбку в его всё еще шумном дыхании.

– Не важно, – почему-то смутилась я.

– Ты фантазируешь обо мне? – жарко выдохнул он и рассмеялся так, как умеют смеяться только очень опытные мужчины.

– Делать мне больше нечего! – громко фыркнула я. – У меня дел знаешь сколько?

– Знаю, – с многозначительным подтекстом согласился Гриша, задышав ровнее, но не менее выразительно. Так, чтобы я слышала. – Ты у нас очень деловая.

– Не у вас, – поспешила поспорить я. – К вам я вообще не имею никакого отношения!

– Так, зачем ты звонишь, Ди? Да еще и с телефона своей надоедливой наглой подружки?

– Откуда ты знаешь, чей это номер? – всколыхнулась моя природная подозрительность.

– Она тебе не говорила? – хмыкнул вожак местных оборотней, перестав пыхтеть в трубку. – Я звонил ей, после того, как пришел в себя... с кровью в ушах.

– Зачем звонил? – свела я брови у переносицы, не реагируя на яростную, но совершенно непонятную жестикуляцию подружки, размахивающую руками в полуметре от моего носа

и едва этот самый нас не задевая.

– Хотел узнать, всё ли с тобой в порядке, – вдруг очень серьезно промолвил оборотень. Так серьезно, что у меня мурашки промчались по затылку в стиле заядлых марафонцев. – И не довела ли тебя твоя гиперактивная подружка до потери слуха. Знаешь, я бы тебя сам отпустил. А к стулу привязал, потому что хотел, чтобы ты выслушала меня от начала и до конца. Но потом заявили эти двое...

И он умолк, кажется, чтобы удержаться от ругательств.

– Тому, кого ты выберешь придется носить с собой ружье, – вдруг заявил он.

– Зачем? – растерялась я.

– Чтобы отстреливать всех тех, кто захочет забрать тебя себе, – произнес Гриша то, что я совсем не ожидала от него услышать. – И я – один из таких. Я очень хочу тебя заполучить. Завоевать. Захватить...

– Я, по-твоему, кто? Победное знамя? – беседовать в таком ключе с вожаком местных волков было... немного абсурдно.

– Нет, потому что если я получу тебя, то уже никогда не отпущу, – произнес оборотень так, как будто это было чем-то нормальным. Чем-то естественным и легко прогнозируемым.

– Полное безумие, – пробормотала я и это было ответом на мои собственные мысли.

– Почему же, – не согласился Гриша. – Я вполне могу

представить тебя рядом с собой. Ты бы стала моей парой, моей леди.

– Спасибо, не надо, – быстро отказалась я. – Пробежки голышом, конечно, очень романтичны, но очень негигиеничны.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – резко пресек мою болтовню оборотень. – Ты ничего не знаешь о нас. Но могла бы узнать, если бы захотела. Я бы положил весь свой мир к твоим ногам.

Мне стало окончательно неловко. Этот разговор перетек в слишком откровенное русло.

– Мне нужно кое-что узнать, – выдохнула я глядя на подругу, чьи глаза округлились и выпучились, как если бы ей вдруг резко приспичило в туалет. – Возможно ли такое, чтобы тот, кто подчинил стаю, всё равно не контролировал оборотней до конца?

Гриша некоторое время сохранял молчание, а после произнес:

– Решила сунуть свой прекрасный носик в дела Лозовского, верно?

– Как ты догадался? – искренне удивилась я.

– Это было не трудно. Из всех твоих знакомых только двое имеют подчиненных зверей – Макс и его старший братец. Если бы проблема была с первым, ты бы мне не звонила. Остается только Лозовский, а вместе с ним и небольшой шанс, что я не побегу к Максусу с доносом.

– Какой ты умный! – ехидно восхитилась я.

– Ты немного неверно представляешь себе процесс подчинения зверя. Это не что-то, что дает полный и всеобъемлющий контроль над оборотнями. Всё... несколько сложнее.

– Объясни! – потребовала я.

– А что мне за это будет? – быстро сориентировался и решил воспользоваться ситуацией вожак.

– Хочешь денег? – выбрала я самый очевидный вариант.

– Что? Денег? – не поверил своим ушам главный мохнатый. И расхохотался. – Нет, деньги мне не нужны! Своих хватает за глаза! Но есть кое-что, от чего бы я не отказался.

– Например?

– Например, я хочу, чтобы ты отдала мне свое время.

– Чего? – поставили меня в тупик его слова.

– Давай поужинаем. Это мое условие. Я дам тебе ответ на каждый вопрос, который ты задашь, если проведешь со мной вечер.

– Один ужин? – уточнила я.

– Один ужин.

– Ладно, – легко согласилась я. – Это допустимое условие. А теперь скажи, насколько плохи дела у Лозовского? Что происходит в стае ягуаретт?

– Раскол. Подчинение стаи идет через вожака, потому что именно в его руках сосредоточена вся власть. Вожак – это центр. Сломаешь вожака – ослабишь стаю. Призовешь – и следом придет каждый, кто с ним связан. Подчинишь – и по-

лучишь в свое распоряжение всю группу. Мы не говорим о контроле каждого действия или даже каждой мысли, а, скорее, о превращении оборотней в персональное боевое оружие. Стая выполнит любой приказ, который поступит от вожака... просто не сможет не выполнить. Но порой бывает так, что кроме вожака появляется еще один лидер. Не просто доминант, этих выделяет только сила и умение внушать страх, а такой, который помимо силы имеет высокий авторитет и уважение среди оборотней. Такой, который может повести их за собой. Появление сильного конкурента приводит к внутренним разногласиям. И вожак теряет контроль, а вместе с ним контроль теряет и тот, кто подчинил стаю.

– Из-за чего может появиться второй лидер?

– Из-за болезни вожака, чаще всего, ментальной. Или если он стареет, а на смену рвется молодой да резвый, способный предложить альтернативу в виде более благополучного будущего. Это особенно актуально, если стая находится в плачевном состоянии, не имеет достаточно средств для существования или давно не охотилась из-за каких-то запретов. Вторым лидером не обязательно должен быть кто-то свой. Случалось, что к расколу приводили пришлые оборотни, прибывшие из других городов или даже из других стран и еще даже не успевшие вступить в стаю.

– И? С каким из вариантом столкнулись ягуаретты?

– Можно сказать, со всеми тремя вариантами сразу, объединенными в одном оборотне. Нынешний признанный

вожак ягуаретт немолод, имеет значительные проблемы с управлением гневом и является приверженцем старых традиций. Ну, знаешь, такой типичный консерватор, который направляет все усилия на то, чтобы сохранить «то, что есть и так, как есть» и боится любых перемен. Это болезнь всех изрядно поживших людей, они как будто бы находят укромный безопасный уголок и замирают в нем. Лозовскому стоило огромных усилий убедить этого старого оборотня сняться с насиженного места и отправиться на другой конец света. Вожаку в нашем городе не понравилось практически всё, а поэтому он редко покидает своё жилище. Но еще меньше ему не понравилось вливание, так сказать, «новой крови» в виде призванного в стаю молодняка. Подробности не знаю, там какая-то мутная история с неким интернатом, закрытым много лет назад, воспитанники которого, на удивление всем, оказались ягуареттами. Они жили в обычных семьях, как люди, и никогда не взаимодействовали друг с другом и с себе подобными, но знали, кем являются. У них были кураторы. На каждого куратора приходилось по пять-семь детей, за которыми приглядывали годами. После переезда ягуаретт был брошен клич и бывшим воспитанникам интерната приказали оставить ненастоящие семьи, чтобы присоединиться к своему истинному племени.

– Где-то мы это уже слышали, – одними губами прошептала Ниса.

Я кивнула, показывая, что тоже помню разговор с Князем.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросила я у Гриши. – Вряд ли Лозовский тебе отчеты каждый четверг носит.

– Не будь наивной, Ди, – со смешком одернул меня вожак. – В этом городе даже у камней вдоль дороги есть уши и глаза. А молодняк кошаков настолько пещерный, что выдает себя на каждом шагу. И в этом нет ничего удивительного, они понятия не имеют, как это – быть оборотнем. На протяжении нескольких месяцев они съезжаются сюда один за другим.

– Погоди, – начала соображать я. – Не хочешь ли ты сказать, что второй лидер – это кто-то из интернатовских?

– Ага. Я же сказал, молодой да ранний. Кстати, ты с ним уже успела познакомиться.

Я прикрыла лицо рукой.

– Это...

– Да, тот самый оборотень, который напал на вас с музыкой. Эмиль, кстати, тоже был из числа призванного молодняка.

– Нападение на Нису чьих мохнатых лап дело? – обменявшись с подругой взглядами, спросила я.

– А ты подумай, – пропел Гриша. – Вспомни классика – «ищи, кому выгодно».

– Выгодно было Максу, – холодно ответила я. – И тебе, соответственно, тоже.

– Максу, на самом деле, было всё равно, кого пустить в расход. А я в этой истории вообще принимал минимальное участие.

– Так ли уж минимальное? – не поверила я.

– Через бармена «Кролика» я передавал твоей музе сведения, которые она запрашивала. Например, подробности биографии Ольги Егоровой и где она жила до удочерения. Потому что Макс распорядился помогать вашей третьей во всем. Он ведь думал, что Руся целиком и полностью на его стороне, в том числе, из-за того, что верил в мстительность её натуры.

– Руся? – громко фыркнула я. – Мстительная?

– На самом деле, ты очень плохо знаешь ту, которую держала рядом с собой столько лет.

– Или мы просто знаем её с разных сторон, – возникло острое желание уронить голову на руль и побиться об него лбом. Чем больше новой информации поступало, тем сильнее она меня душила. Я как будто оказалась внутри стеклянного шара, из которого постепенно выкачивали весь кислород.

– После того, как Лозовский бортанул твою подружку, она захотела отыгаться. Ну, или она заставила всех так думать, будто хочет отыгаться.

– То есть, ты, как и мы, тоже не понимаешь, что происходит? – дошло вдруг до меня и это показалось настолько невероятным, что я громко расхохоталась. – Ты же правая рука Макса! Он что, не посвятил тебя в подробности? Или... он как раз находится в стадии поиска этих подробностей? Ищет виноватых или назначает их?

– Я не могу судить об истинных мотивах твоей подружки, – оборотень демонстрировал спокойствие, но по напряжению в голосе я почувствовала, как непросто ему это давалось. Вспыльчивая натура рвалась наружу. Возможно, рвалась, чтобы вцепиться кому-то в глотку. – Поэтому могу посвятить только в то, что знаю сам. А мне известно следующее – после разговора с тобой Лозовский отправился к Захару.

– Почему именно к нему? – удивилась я.

– Потому что Захар – вожак, – просто ответил Гриша. Так, как будто я должна была обо всем сообразить еще в начале разговора.

Ниса негромко всхлипнула и закрыла рот двумя руками. Но не долго она пребывала в позе интенсивно моргающей статуи. Очень скоро начала беспокойно почесывать бок, потом щеку, потом шею. Когда предводитель волков-оборотней продолжил свой рассказ, она громко и свирепо скребла ногтями по плечу.

– Я не знаю, о чем они разговаривали, моему информатору не удалось поприсутствовать, но что сделал Лозовский дальше ты уже в курсе. Ничего. И какие можно выводы из этого сделать?

– Он не захотел вмешиваться, – ответила я на вопрос Гриши, но обращалась преимущественно к самой себе. – Но почему? Допустим, ему не жаль было погибших девушек, но ведь есть и другие. Я уверена, что четыремя именами список Лозовского не ограничивается. Все эти смерти – неспроста

и Димка не мог об этом не догадываться!

– Он догадывается. Я думаю, он всё понял лучше и раньше нас, – легко согласился Гриша. – Но в борьбу двух братьев вмешалась борьба двух ягуаретт, двух лидеров – старого и молодого. Знаешь, в чем главная дилемма? Стая Захара не выживет без своего молодняка, который когда-то был оставлен здесь, в нашей стране, в качестве подпольной ячейки. Пятнистые знали, что даже брошенное и выросшее в чужой среде потомство будем оставаться верным своим корням и своей стае. Мы, оборотни, руководствуемся в первую очередь инстинктами, главный из которых – быть вместе со своей семьей, с теми, кто с тобой одного вида. Наш образ жизни – коллективный, строящийся на отношениях доминирования и подчинения. Но не всегда доминирует тот, кто старше. Если оборотень, чья власть и сила укрепляются с каждым днем, жаждет изменений, эти изменения произойдут. Сбор котят еще продолжается, кто знает, что будет дальше.

– Подросток рвется к власти, – кивнула я, по- няв, куда он клонит.

– И рвет тех, кто встает у них на пути, – с многозначительным подтекстом, который буквально был прописан между строк огромным буквами, закончил Гриша.

– Оборотни, напавшие на Ольгу Егорову, Элли Ивановскую и Ирину Горбатову – это молодняк?

– Да, – слово было простым, но весило так много. – Бывшие воспитанники закрытого интерната не верят в старо-

го вожака, не подчиняются доминантам стаи. Для них есть только один закон – их молодой лидер. Он им близок, потому что такой же, как они сами. Он из их рядов. Но ягуаретты очень молоды, очень наивны, очень неопытны. Они заметили, что один старый, закаленный десятилетиями у власти оборотень решил походить ими как пешками в шахматной партии только после того, как местный морг начал регулярно пополняться загадочными трупами.

– Все подставляют всех, – вывод, который должен был прийти мне в голову раньше, если бы я задала правильные вопросы правильным людям. – Макс Лозовского, Захар – нового лидера, Фируса – Захара, Захар – нашу подружку.

– Захару нужно было не допустить битвы за верховный титул. В смене власти не заинтересован и Лозовский. Если появится другой вожак, то это окончательно ослабит его контроль над ягуареттами, практически сведя его на нет. В интересах Лозовского сохранить кошачий трон за Захаром, вот только сам Захар в это не верит. Никому не верит. И, бросаюсь из крайности в крайность, отправил сторонников молодого лидера к девушкам под предлогом необходимости увеличения стаи. Они знали про эту их генетическую неисправность и потенциальную опасность только в теории и не верили, что может случиться что-то плохое. Захар же в свою очередь понятия не имел, что это за девушки. Муза ведь не поделилась. Думаю, она изначально задумала всё таким образом, чтобы выполнить черное дело чужими руками, свои-

то марать не хотелось.

– Так вот, почему Лозовский остался в стороне, но всё же настойчиво пытался найти Фирусу, – прошептала я.

– Ему нужно притащить её на допрос к Совету и заставить свидетельствовать в свою пользу. От этого зависит, так сказать, доказательная база Лозовского и лояльность Совета.

– Совет уже давно не лоялен, – сквозь зубы процедила я. – А куплен и продан много раз. Какая разница, кто им и что скажет? Зачем весь этот фарс?

– Ты права. Но старикам нравится поддерживать устоявшийся образ. Им важно соответствовать ожиданиям тех, кем они руководят. Хотя бы внешне. Это залог стабильности. И их власти. До тех пор, пока всё выглядит правильно и законно Совет будет всеми силами прикрываться этой ширмой. Пусть даже она фальшивая.

Ниса сидела молча, лишь водила из стороны в сторону своими голубыми глазами и чесалась то тут, то там, оставляя на теле красные полосы.

– К чести Лозовского, он пытался спасти ситуацию, когда всё вскрылось. Не убил тебя, а лишь слегка потрепал, чтобы выиграть время. Старался не подпустить тебя к ягуареттам, а ягуаретт – к тебе. Одновременно важно было не подставиться самому, чтобы не преподнести братцу такой шикарный подарок на сверкающем праздничном блюде. Поверь, у мужика было полно забот. И они лишь с каждым днем увеличивались. Макс ведь тоже не сидит без дела, он усиливает

свои позиции. Ищет дополнительных союзников. И ты никогда не угадаешь, где именно он это делает.

– Остался последний вопрос: за чью команду играет Фируса?

– А это уже у подружки спрашивай, – недовольно отрезал Гриша. – Что мог я рассказать, в остальном разбирайтесь сами. Но есть еще одно, о чем следует упомянуть.

– И? – с замирающим сердцем спросила я.

– Лозовский не справился. Второй лидер крепнет с каждым днем. И последнее... Когда ты позвонила, я бегал. А не упражнялся в сексуальных играх, как ты подумала. Моя постель пуста и холодна, и в ней меня давно никто не ждет.

И он отключился, не попрощавшись.

Я убрала от уха телефон и с удивление уставилась на экран.

– Ну, и вот зачем мне такое сообщать? – громко воскликнула я, заорав на умолкнувшее устройство.

Глава 3

– Ты о ком? – не поняла подруга, запустила пальцы в волосы и поскребла череп.

– О Грише, – зашипела я, борясь с желанием перезвонить и нахамить. Но я была воспитанной девушкой, внучкой своей бабушки. Её бы такое поведение огорчило, а я ненавидела расстраивать бабулю.

– Да хрен с ним, с Гришей! – заорала Ниса. – Делать-то что?

– А что мы можем? – устало пожалала я плечами, возвращая телефон подруге.

– Ну, что-то же мы можем! – не сдавалась Ниса.

– Например? – раздражённо всплеснула я руками. – Влезть во внутренние разборки ягуаретт? Не дать новому лидеру спихнуть с нагретого насеста старого?

– У них же подобные вопросы вроде в драке решаются. Кто победил – тот и следующий король мохнатых, – напомнила Ниса.

– Да, но что делать, когда власть отдавать не хочешь, как не хочешь и драться, ведь знаешь, что проиграешь? – спросила я и сама ответила: – Искать другие способы повлиять на ситуацию.

– Все совершившие нападения мохнатые были из того интерната, о котором говорил Ян? – Ниса еще раз продемон-

стрировала, что без стеснения подслушала весь наш с Гришей разговор.

– Скорее всего, – подтвердила я. – По крайней мере, именно на это так рьяно намекал Гриша. И его слова выглядят очень правдоподобно, по крайней мере, понятно, почему в критический момент, а именно после принятия таблеток, оборотни не смогли справиться с собой, потеряли контроль и напали на любовниц. Мы долго не могли понять, в чем же дело, но теперь всё встало на свои места. Они знали, что оборотни, но росли как люди, а потому понятия не имели, как нужно справляться с собой в подобных ситуациях.

– Вряд ли они все были девственниками до сих дней, – скривилась Ниса, продолжая чесаться.

– Нет, но раньше они были одиночками, оторванными от семьи, а после воссоединения они стали частью стаи. Помнишь, Ян нам рассказывал. Сила каждого ягуаретта сливается с сородичами в общий поток и замыкается на вожаке.

Я умолкла и отвернулась.

– Второму лидеру придется наказать тех, кто убил девушек. Если он еще этого не сделал. Наказание должно быть равноценно преступлению. Смерть за смерть. Ему придется убить тех, кто был верен ему.

– Пострадавшие из-за любви...

– Но где же все-таки Руся и что она пытается сделать?! – яростно сверкнула глазами подруга и с еще большей интенсивностью начала чесать спину. – Чего добиться?!

– Вот пойдем сейчас к ней и спросим, – решила я и выбралась из-за руля.

Обойдя машину спереди, остановилась, приставила ладонь ко лбу козырьком и осмотрела фасад дома.

– Ты об этом говорила? – спросила присоединившаяся ко мне банши, указывая вправо. – Вон там от балкона осталась только нижняя плита... Вид жуткий.

Действительно, балкон на восьмом этаже выглядел так, как будто строители забыли его доделать, пока строили. А потом достроили все, кроме него. Но я знала, что Мишка самолично выковырял все кирпичи из трех стен, и теперь, когда выходил покурить, цеплялся ногой за косяк, чтобы случайно рыбкой не соскользнуть вниз. Его затея сделать остекление собственными силами с самого начала показалась мне некоторой формой садомазохизма, но, как говорится, каждый развлекается по-своему. Если Романову нравится испытывать приступ акрофобии каждый раз, когда он открывает форточку, то, кто я такая, чтобы его осуждать.

– Говорит, у него там голуби гнездо свили, – сообщила я и направилась к въездной арке, ведущей внутрь двора. – И яйца отложили.

– И что? – спросила у меня Ниса, догоняя.

– И ничего, – пожалала я плечами. – Скоро Романов станет счастливым отцом голубиноного семейства. Если я не прикончу его раньше...

– Если ты не прикончишь его раньше, я пришлю ему кор-

зину с фруктами, – бодро пообещала подруга и потянулась к шее, чтобы вновь породить этот жуткий шкрябающий звук.

– Ты что, болеешь? – не выдержала я, покосившись на подругу с опаской. Видимые участки кожи Нисы были покрыты светло-розовыми полосами, которые оставляли её же ногти.

– Нет. Не знаю, что со мной, – пропыхтела подруга, пытаюсь разными путями дотянуться до лопаток. – Может, нервное?

– Ты бы к врачу ходила, – посоветовала я, направляясь к центральному из трех подъездов, возле которого как раз копошилась крохотная пожилая женщина. Несмотря на погоду, она была укутана в просторную вязаную кофту, длинные и широкие рукава которой не позволяли ей справиться с туго открывающейся и всё время норовящей захлопнуться обратно дверью. Ловкости не способствовало и полное отсутствие мышц в иссохшем теле.

– Давайте я вам помогу, – оживилась Ниса и поспешила на помощь бабуле, чей безобидный вид так и стимулировал желание о ней позаботиться. – Вот, проходите.

Подруга легко распахнула металлическую створку, запирающуюся на электромагнитный замок, позволяя пожилой даме и самой выйти и вытащить за собой хозяйственную сумку на колесиках. Сумка подскакивала на неровностях и звонко тархтела содержимым.

– Ой, спасибо, милая, – завздохала бабуля, поправляя редкие светлые и собранные в тонкую косу волосы. – Дверь

такая тяжелая, а я уже совсем слабой стала...

– Да не за что, – просияла улыбкой моя добросердечная и крайне сообразительная подруга, не спеша отпустить дверь.

– А вы кто? – вдруг догадалась спросить дама преклонных лет. На морщинистом лице появилась легкая тень сомнения, быстро сменившаяся подозрением.

– А мы к Мише Романову, в семьдесят пятую, – подскочив, бодро отрапортовала я и бочком начала протискиваться в подъезд. Ниса стойко держала дверь, не забывая озарять мир своей улыбкой, уже ставшей немного натужной.

– Так, – медленно пронаблюдала за моими маневрами старушка, вновь поддергивая рукав норвящей соскользнуть с плеча кофты. – Миша Романов в восемьдесят четвертой живет. Я знаю, его квартира прямо над моей.

– Ой, точно! Восемьдесят четвертая! – радостно подхватила Ниса, одним ловким движением аккуратно оттеснила местную жительницу в сторону, чтобы не задело закрывающейся дверью, и следом за мной шмыгнула внутрь.

– Фух! – выдохнула подруга, а после с облегчением и уважением покосилась на меня: – А ты это ловко придумала! Бабули – недооцененный клад полезных сведений. Всегда на страже и всегда готовы поговорить!

– Ага, главное вовремя отделаться от местной стражи, не вызвав опасного желания начать орать «полиция!», – безрадостно хмыкнула я и подошла к шахте лифта.

В этом доме было предусмотрено два подъемника. Один

был пассажирским, другой – грузовым. Но оба почему-то застряли на восьмом этаже и не желали трогаться с места. Сколько бы я ни тыкала, над кнопкой вызова мигал белым цветом символ ожидания.

– А на каком, говоришь, этаже квартира Романова? – уставившись на раздвижные хромированные двери, которые по-прежнему не желали реагировать на наше присутствие, задумчиво поинтересовалась Ниса.

– Если судить по балкону, то на восьмом, – глядя в том же направлении проговорила я.

Секундная заминка и мы синхронно сорвались с места.

– Там! Там должна быть лестница! – притормозила меня на повороте подруга, указывая на белую пластиковую дверь в противоположной от лифтов стороне.

По ступенькам мы неслись долго, по крайней мере, так показалось. Возможно, я была слишком уставшей и не выспавшейся, утомленной событиями, на которые были так щедры последние дни.

Когда мы ступили на общий внутриподъездный балкон, соединявший изолированную лестницу и непосредственно пролет с квартирами, мои ноги мелко подрагивали, а сердце тяжело билось о ребра. Впереди на всех порах мчалась Ниса, и я бежала за ней, пытаюсь не отставать.

Мы ворвались на этаж, дверь за нашими спинами с грохотом ударилась о дверную раму.

– Там, – слабо прохрипела я, указывая на дверь слева,

украшенную цифрами «84». – Эта квартира.

– Ди, – замирая посередине, протянула подруга, не оборачиваясь. – Там дверь приоткрыта.

– Опять?! – едва не падая на пол, простонала я и схватилась за стену. Кажется, еще одну плохую новость мой организм просто не вынесет. Нужна была передышка. Всё происходило слишком быстро. И я теряла контроль. – Почему везде, где мы появляемся не заперты двери?!

– Что будем делать? – Ниса решила предоставить мне право выбора. – Пойдем или...?

– Пойдем, – с трудом выпрямилась я. – Хуже уже не будет. Либо мы найдем там Русю, либо...

– Либо? – повторила подруга, чье лицо застыло, превратившись в маску. Кажется, она испугалась. Возможно, впервые в своей жизни она по-настоящему и очень сильно испугалась.

Ей было страшно заглянуть за эту дверь и столкнуться с тем, что скрывалось за ней.

– Либо мы пойдем искать её в другом месте, – проговорила я и первой подошла к квартире. – Но мы её найдем.

Внутри стояла неколебимая тишина, такая, которую ожидаешь услышать в заброшенных деревенских домах, где жизнь, кажется, остановилась вместе со смертью последнего жителя.

– Ты когда-нибудь была в квартире Романова? – зашептала мне на ухо подруга, следуя по квартире след в след, словно

нам нужно было избегать капканов и ловушек как в фильмах про Индиану Джонса.

– Да, конечно! – шепотом огрызнулась я. – Регулярно на борщ с пампушками заглядываю!

– Борщ – это вкусно, – кивнула подруга, чье умение понимать сарказм, кажется, экстренно собрало чемоданы и удалилось, не прощаясь. – Я бы сейчас не отказалась от пампушек.

– Домой вернемся – напечешь, – щедро разрешила я, заглядывая в первое попавшееся нам на пути помещение, которое оказалось кухней. Обстановка была чистой, чинной, каждая вещь находилась на своем месте. Даже грязные кружки в мойке отсутствовали, что казалось совсем уж нетипичным для одиноко живущего мужчины.

– Почему это я? – начала возмущаться подруга.

– Кто хочет пампушек, тот их и готовит!

– Я хочу поесть пампушек, но я совершенно точно не хочу их готовить! – выдала она и добавила, углядев на обеденном столе вазочку со сладостями: – О, конфетки!

Хотела было запустить пятерню в конфетницу и набрать пригоршню вкусняшек, но была остановлена моим резким:

– Куда?! – я покачала головой. – Еще неизвестно, почему квартира пуста и дверь не заперта, а ты намылилась здесь отобедать?

– А что? – надула она щеки.

Но на конфеты больше не покушалась.

Я двинулась дальше. Романов оказался счастливым обладателем трехкомнатных апартаментов, весьма со вкусом обставленных.

Обойдя скромную спальню, лаконичную гостиную и еще одну комнату, отведенную под домашний спортзал, я с неутешением сделала два вывода. Первый: Мишка оказался патологическим чистюлей, который даже зубные щетки выстраивал в шеренгу. Второй: квартира была совершенно точно и абсолютно пуста.

– Ни следов борьбы, ни крови, ни вообще каких-либо намеков на недавнее вторжение посторонних. Или хотя бы на присутствие хозяев, – развела я руками, замирая посередине оборудованного Мишкой тренажерного мини-зала.

Справа от меня покрывалась пылью скандинавская стенка, слева болтались мужские спортивные штаны на велотренажере, в углу аккуратной кучкой радовали глаз гантели, рядом лежала скакалка и стояла бутылка с водой.

– Твой знакомый мог куда-то уйти, – предположила Ниса, подходя к окну и выглядывая в него. – У него есть машина? Тут под окнами стоянка.

– Откуда мне знать? – я оставалась раздраженной. – Может есть, – потерла лицо и попыталась размышлять логически: – Ладно, допустим, Мишка ушел. А Фируса куда делать? Она ранена! Не разгуливает же муза по городу с дыркой в боку!

– Откуда ты знаешь, где у неё дырка? – фыркнула Ниса,

облокачиваясь о подоконник.

– Гриша сказал, что после ранения она скрылась, оставляя за собой лужи крови. А Зонтиков нам с тобой сообщил, что Фируса явилась к нему позапрошлой ночью вся в бордовых разводах. Может её и не в бок подстрелили, но в том, что куда-то подстрелили – сомнений нет!

– Если стреляли обычными пулями, то рана могла уже затянуться, – вздохнула Ниса, складывая руки под грудью. – А если она смогла доехать до журналиста, которого сделала таким себе связным, то всё не так уж и плохо.

– Хочешь сказать, что еще двое суток назад она пулю словила, а сегодня уже скачет горной козой? – скривилась я, опираясь рукой о велотренажер.

– Не знаю, Ди, – подруга пождала губы. – Мы блуждаем в трех соснах, ориентируясь на догадки. У нас даже нет никаких доказательств, что Руся была в этой квартире! Может, мы не так поняли намек? Не знаю, как ты, а я заметила здесь исключительно мужские вещи. Если она не возвращалась в наше укрытие, то где ночевала две ночи подряд? У родителей?

– А смысл? – махнула я рукой с ощущением полной безнадеги. – Там бы искали в первую очередь. Кроме того, представь себе лицо Марисы, если бы единственная ночь заявилась в её идеальную квартиру, больше похожую на музей, роняя капли крови на дорогой паркет? Да её удар бы хватил!

– Это да, – согласилась Ниса. – Помнится, однажды я слу-

чайно пролила на скатерть красное вино. Мама Руськи так глянула, что мне захотелось заползти под этот самый стол и остаться там навсегда! Я даже гостевой уборной боюсь в их доме пользоваться. Вдруг не с той стороны на стульчак пристроюсь!

– Да уж, – согласно вздохнула я. – Мариса чудо, но в её доме не хочется не только шевелиться, но даже дышать. Я уверена, что Руся там не появлялась. Она четко дала понять, где находится. Мы пришли, а её нет!

– Ну, на самом деле, – громко поскребла за ухом Ниса, морщась то ли от боли, то ли от удовольствия. – Мы пришли сюда из-за цветка, в котором ты углядела большой смысл!

– Цветка, который оставила нам Руся, – с нажимом произнесла я. – Мы здесь, потому что она хотела, чтобы мы были здесь! Иначе всё произошедшее вообще не имеет никакого смысла!

– И дверь была открыта, – пробормотала Ниса, обводя глазами пространство вокруг себя. – Тебе не кажется, что всё это выглядит так, словно...

– ...словно нас сюда специально заманили? – договорила я за неё.

Мы переглянулись, одновременно застыв как по приказу.

– Как думаешь, – одними губами проговорила подруга, – здесь может быть бомба?

– Если здесь бомба, то где тогда Мишка? – стараясь не шевелиться, а лишь водить глазами, ответила я.

– Не знаю, – гулко сглотнула Ниса, её рука дернулась к шее, желая вновь почесать кожу, но замерла на полпути. – Руся его убила? Или его убили те, кто пришел за Русей? Если мы догадались, где она, то и другие могли! Или за нами следили!

– А труп куда дели? – указала я на очевидный недостаток подружкиной теории. – В квартире его нет!

– С собой забрали? – моргнула Ниса, выглядя так, словно её заморозил злой волшебник.

– А смысл? По городу с трупом особо не погуляешь. Мертвый мужик слишком заметная ноша, да и вонять очень быстро начинает! И почему мы не шевелимся?! – не выдержав, всплеснула я руками и шумно выдохнула.

– Потому что мы боимся, что здесь бомба, – пискнула Ниса, удерживая руку приподнятой.

– Если бы здесь была бомба, то она бы взорвалась сразу, как только мы вошли. Её бы активировал тот, кого оставили следить за квартирой, – я подошла к велотренажеру и приподняла спортивные штаны, пояс которых был еще влажный, пропитанный потом. Кому бы они не принадлежали, в них совсем недавно интенсивно занимались спортом. – Сами собой взрываются только те устройства, у которых установлен таймер, но их действию никак не помешает отсутствие движения с нашей стороны.

Едва договорив, я осознала – нет никаких гарантий, что в квартире не установили именно такую бомбу, отсчитыва-

ющую в обратном порядке оставшиеся нам секунды жизни.

– Пошли-ка отсюда, – взлетевшим к потолку тонким голосом предложила Ниса. – Всё равно мы здесь вряд ли что-то найдем, а мне как-то очень беспокоит.

– Да, – быстро согласилась я. – Пойдем.

И мы торопливо направились к выходу. Тихо, словно две мышки, выскользнули из квартиры. Я на всякий случай плотно притворила створку и кивнула подруге в сторону площадки с лифтами.

– Давай на этот раз без забегов по ступенькам.

Но стоило нам приблизиться к пассажирской кабине, как сразу вскрылась причина, почему подъемный механизм не желал спускаться на первый этаж.

Глава 4

На грязном пыльном полу лифта лежал мужчина. Лежал лицом вниз, руки его были беспомощно разбросаны в разные стороны, длинные волосатые ноги торчали поперек, не давая регулярно оживающим створкам лифта закрыться. Сверху парень был полностью обнажен, а низ закрывали лишь черные трусы-боксеры.

Мужчина казался сильным, молодым, тренированным. И всё же он почему-то позволил не только зашвырнуть себя в лифт, но еще и избить. На подтянутом теле тут и там наливались чернотой синяки, кровоточили ссадины, а под головой в ярком желтом свете ламп блестела кровь. Ею же были измазаны хромированные стены подъемного устройства.

– Миша? – вырвалось у меня, и я бросилась в лифт.

Протиснувшись в кабину, что было непросто, ведь Романов занял собой практически всё пространство, я приподняла его голову... чтобы увидеть вместо знакомого лица практически месиво. Парня избивали. Долго и со знанием дела. Возможно, ногами. Возможно, даже приложив пару раз об угол чего-то твёрдого.

Пощупав влажную шею, я попыталась найти пульс. И продолжала пытаться на протяжении нескольких минут, но уловить желанное биение под кожей всё никак не удавалось. Поднесла раскрытую ладонь к носу – и опять ничего.

– Черт, – всхлипнула я. – Кажется, он не дышит!

И только склонившись к груди молодого мужчины, практически прилипнув к ней ухом я услышала стук.

Короткий, слабый, будто бы прощальный.

– Ниса, помоги мне!

Аккуратно придерживая голову несчастного одной рукой, другой я перехватила парня поперек плеч и потянула на себя. В то же время подруга ухватилась за голые ступни внушительных размеров, сложила ноги Романова и вместе с ними втиснулась в лифт.

Двери с возмущенным шипением закрылись.

– Нажми единицу! – потребовала я. От волнения дыхание срывалось, а руки ходили ходуном.

– Что ты задумала? – ткнув в нужную кнопку, Ниса прижала к груди пятки Романова.

Лифт с тихим гулом ехал вниз.

– В больницу его отвезти, что же еще! – заорала я.

– И что мы там скажем? – подруга пребывала в не меньшей растерянности, чем я. – У врачей будут вопросы!

– Скажем правду. Что пришли в гости и нашли без сознания. Его сильно избили. Смотри, – я чуть повернула Мишку, который в ответ слабо застонал, и указала пальцем в область ниже грудины, где буквально на глазах увеличилась гематома, испещренная красными, тугими, какими-то аж заворачивающимися прожилками. – Думаю, у него повреждение печени. Если не оказать помощь, он умрет!

– Кто ж его так? – задалась вопросом Ниса, на который и я хотела бы знать ответ.

Но вот лифт остановился, двери распахнулись и на нас уставились две пары удивленных глаз.

– Ой, здравствуйте! – громогласно поприветствовала Ниса ошарашенную супружескую чету средних лет.

Женщина, узрев практически голого мужчину, лежащего в моих тесных объятиях, попятилась. И пятилась пока не уперлась попой в стенку. Её супруг, размерами ненамного обогнавший цыпленка, сделал шаг в бок и попытался загородить впечатлительную вторую половину.

– Да вы не пугайтесь, – принялась успокаивать граждан Ниса, отпустила пятки Романова и смело вышагнула из кабины. – Мы не буйные, у нас просто другу плохо стало...

– Ниса! – рявкнула я, намекая, что неплохо было бы отстать от людей, всё еще глядящих на нас с молчаливым ужасом, усердно втискиваясь в стенку, и помочь мне.

Подруга поторопилась обратно, вместе со мной отскребла Мишку от пола, одну его руку мы закинули ей на плечо, а вторую взгромоздили на моё.

Так, приобняв друга за голую поясницу мы и вырулили из лифта, продолжив пугать людей, но уже на улице.

Одна женщина невнятного возраста, но очень выразительной наружности, завидев нашу живописную компанию судорожного перекрестилась.

Другая, не менее выразительная, но менее верующая под-

хватила своего назойливо твякающего шпица и торопливо сошла с тротуара.

Молодая мамочка, едва успевшая поравняться с нами, резво развернула детскую коляску на сто восемьдесят градусов и вместе с ней побежала в обратную сторону.

Последним отреагировал дедок, который с пустым, раздувающимся на ветру пакетом бодро шагал в сторону булочной.

Он громко плюнул нам вдогонку:

– Тьфу! Стыдоба! Девки голого мужика на себе тащат! Со всем страх потеряли! Вот в моё время...

Что там было или не было в его время, мы слушать не стали, а посемили к въездной арке. Оставив Мишку болтаться на плече подруги, я рванула к машине, чтобы открыть дверцу заднего сидения. Ниса могла бы управиться с бесчувственными Романовым и самостоятельно, без моей помощи, но наша троица и так слишком сильно бросалась в глаза, без блондинки, несущей на руках крупного мужчину.

Запихнуть Мишку на сидение стоило нам больших трудов. Вывод, который я успела сделать, пока собирала все его конечности в кучу – бесчувственные мужчины очень плохо помещаются в небольших женских машинках.

Утерев выступившие на лбу капли пота, я прыгнула за руль.

И мы помчались в больницу.

Доехали быстро, а в приемный покой влетели так, слов-

но за нами гналась сборная чертей по гандболу. Я громко пыхтела, Ниса орала, Миша был стабильно в отключке, но вдруг начал интенсивно заливать кровью из носа собственную грудь.

К нам моментально подскочило несколько людей в белых халатах, замельтешивших вокруг с такой скоростью, что в себя я пришла лишь спустя какое-то время, обнаружив, что сижу в коридоре на стуле, сжимая в руках пустой картонный стаканчик, уже изрядно потрепанный.

Вздрогнув, вышвырнула стаканчик в урну, и встала, чувствуя, как по спине растекается боль. Все-таки, такой спорт, как скоростное перетаскивание мужиков не для меня.

В коридоре стояла непривычная тишина, только где-то вдалеке слышались приглушенные голоса и периодически надрывался телефон.

Нисы рядом не было. И вообще никого не было.

Несколько минут я оглядывалась, нервно переминаясь с ноги на ногу, а после решила найти выход из этого пропитанного лекарствами коридора, где гнетущая атмосфера и странное отсутствие людей давили на мозг, заставляя нервничать с каждой секундой всё больше.

Но только я достигла выхода, как мне на встречу вылетела взлохмаченная подруга, на чьем лице горел очень нездоровый румянец.

– Ой, вот ты где! – заорала она, уходя от столкновения и сохраняя непролитым дешевый кофе из автомата.

– А ты где была? – хрипло спросила я и закашлялась.

– Ходила вниз, в туалет и кофе взять, – немного неуверенно ответила Ниса так, словно вдруг начала сомневаться в собственных словах. – Подумала, может, тебе от него лучше станет. Как Мишку забрали ты в какой-то ступор впала. Села на стул и уставилась в одну точку. Местные эскулапы даже предлагали вкатить тебе успокоительное, но ты их послала, а я – поддержала заданное направление.

– А где Мишка? – прервала я рассказ подруги, принимая из её рук напиток. Кофе вонял пережженными зернами и отходами нефтепромышленности, но даже за это я была сейчас благодарна.

– На операции, – вздохнула Ниса, понутив голову. – Ты была права, у него внутреннее кровотечение. Это мы еще вовремя успели, врач сказал, пролежи он так еще час и всё могло бы закончить куда печальнее.

– Кому-нибудь о нем уже сообщили? – пригубив обжигающий напиток, спросила я.

– А кому? – растерянно повела плечами банши. – Родственникам? Я никого не знаю. И в каком отделе он трудится, чтобы сообщить на работу, тоже без понятия. Это ведь твой знакомец!

– Ладно, – я устало потерла щеку, пытаюсь хоть как-то простимулировать мозговую деятельность. – Дай свой телефон.

– Ты что, все номера на память знаешь? – проворчала по-

друга, но покорно передала мне свой смартфон.

– Нет, но я знаю номер своей фирмы, – ответила я, набирая заветные цифры и прикладывая устройство к уху.

Спустя три гудка трубку сняли и вяло протянули:

– Агентство «Тоши», слушаю вас.

– Это я, – коротко сообщила я. – Дай трубку Стасу.

– Ой! Конечно! Сейчас, – засуетилась Инга и заорала куда-то в сторону: – Стасик, подойди!

– Да, – через мгновение ответил чуть запыхавшийся Стас.

– Привет, записывай. Михаил Иванович Романов, двадцать восемь лет, живет на улице..., – и я продиктовала Стасу адрес Мишки. – Мне нужно, чтобы ты узнал, есть ли у него родственники. Если есть, свяжись с ними и скажи, что Романов сейчас находится в седьмой клинической больнице. То же самое сообщи по месту его службы.

– Ди, – встревоженно начал мой подчиненный. – Что-то случилось?

– Пока сама не знаю, – ответила я, не вдаваясь в подробности. – Как всё сделаешь, сообщи.

– Окей, – и Стас отключился.

Я вернула Нисе телефон и сделала глоток кофе.

Наше молчание нарушило громкое урчание её желудка.

– Серьезно? – поморщилась я. – Мы в больнице, где даже стены воняют медикаментами, а ты хочешь есть?

– Ну, что я могу поделать!?! – подскочила подруга, вспыхнув праведным возмущением. – У меня быстрый обмен ве-

ществ! И мне нужно регулярно и качественно питаться, чтобы поддерживать силы!

Не успев перевести дыхания, вновь заняла:

– Поехали домой, а? Нам обоим нужен отдых.

– А как же Мишка? – мотнула я головой в сторону отделения интенсивной терапии.

– Мы ему всё равно ничем сейчас не поможем, – терпеливо начала втолковывать мне Ниса. – Потому что мы с тобой не врачи и не умеем лечить людей. Не лучше ли поискать того или тех, кто этот сделал? Но на это нужны силы. Нам требуется если не поспать, то хотя бы поесть. Поехали, а?

– Ладно, – не выдержала я. – Но не домой, заедем в ресторан, а после... посетим кое-кого.

– Ух, ты! – с удовольствием потерла ладошки Ниса. – Наметилось нечто захватывающее! Предвкушаю разборки! Если что, нос Максу ломаю я!

– Отлично, а я в свою очередь устрою ему масштабный заплыв... в раковине!

Сидя в машине Ниса спросила:

– Почему ты назвала свою фирму «Тоши»? Только не говори, что у тебя во времена ношения подгузников был друг по имени Антоша, о котором ты не можешь забыть до сих пор!

– Нет, – хмыкнула я. – Я росла в королевском замке и у меня не было ни подгузников, ни друзей, только прислуга. Потому что принцессам друзья не полагаются.

– Так, и? – потеряла переносицу Ниса. – С чего вдруг такая оригинальность?

– Я назвала своё агентство в честь Дейва Тоши, легендарного американского детектива, который был известен своей дотошностью и экстравагантностью.

– Твой пример для подражания? – захихикала подруга в кулачок.

– У меня нет примеров для подражания, – отрезала я. – Дейв Тоши занимался расследованием дела Зодиака – одного из самых известных серийных убийц в истории США. Его, кстати, так и не поймали. Даже личность установить не смогли. А многие зашифрованные письма, которые Зодиак слал в местные газеты, так и остались загадкой.

– Фиговый, выходит, из этого Тоши коп, – сделала вывод подруга. – Если маньяка поймать так и не смог.

– Поймать не смог, но у него был подозреваемый, который по общему мнению и был Зодиаком. Просто Тоши, несмотря на всю свою легендарную дотошность, так и не смог собрать достаточно доказательств, чтобы отправить преступника за решетку. Вот такая вот история. Но я – лучше Тоши, потому что всегда довожу начатое до конца...

Для обеда мы выбрали небольшое уютное кафе, которое в это дневное время было практически пустым. Лишь стайка подростков нависла над столом в углу, что-то самозабвенно рассматривая, и молодая парочка обменивалась милыми улыбками за столиком у окна.

Мы с Нисой устроились практически в самом центре, быстро сделали заказ и стали ждать, пока нам принесут еду – салат для меня и мясная пицца для подруги.

– Думаешь, это Макс? – спросила Ниса, когда нам принесли напитки. – Он напал на Романова за то, что тот укрывал у себя нашу музу?

– Вряд ли, – откидываясь на спинку плетеного стула, ответила я, уводя взгляд вдаль, поверх голов склонившейся друг к другу парочки, сквозь тщательно намытое стекло, и останавливаясь на сверкающих на солнце крышах припаркованных вдоль тротуара машин. – Если бы Макс хотел устранить нашего общего знакомого, то не стал бы заморачиваться с избиениями, а просто убил бы его. С другой стороны, это мог сделать не он сам, но по его приказу. Например, кто-то из его волков.

– Точно, точно! – закивала Ниса. – Они могли выбивать из Мишки какие-то сведения!

– Имеются и другие претенденты. В частности, Лозовский и вожак пятнистых. Только пока непонятно, какой конкретно из двух – Захар или пришлый котик, метящий на должность главаря. Мы, кстати, так до сих пор и не выяснили его имя. А хорошо было бы знать.

– И каким образом нам это сделать? – печально откликнулась Ниса, вертя в пальцах бумажную салфетку, быстро превращая её в комок. – Заявиться в его стаю с вопросами? Боюсь, это может плохо кончиться.

– Ну, почему же сразу в стаю? – протянула я.

– Ага, то есть, предлагаешь приставать с вопросами к людьми на улице?

– Не перегибай, – отмахнулась я от подруги, которая приобрела привычку утрировать всё, что попадалось под горячую руку.

– Мы знаем о нем только две вещи, – и она принялась загибать пальцы. – Он оборотень-ягуар. И в нашем городе без году неделя.

– А еще он напал на нас с Фирусой, – добавила я. – Да, не густо.

– Что-то мне подсказывает, – издалека начала подруга, – что зря мы Максика в главные враги записали. У нас появился новый лидер рейтинга.

– Думаешь? – вскинула я бровь со скепсисом.

– Ну, по крайней мере, насчет Макса мы можем быть уверены – он не станет тебя убивать, – рассуждала подруга. – А вот по поводу пятнистого у меня большие сомнения.

– Если Фируса у него, то её либо уже нет в живых, либо станет таковой очень скоро, – произнесла я, стараясь не думать над собственными словами, а просто сказать это, будто говорю о ком-то постороннем, не имеющим ко мне никакого отношения. – Он просто казнит музу на глазах у других оборотней, чтобы очистить репутацию свою и своих юных последователей, которую так старательно марал Захар.

– А если у Макса? – спросила Ниса, хотя сама прекрасно

знала ответ.

– В этом случае наша подруга готовится поделиться своим телом с древней гадиной, которая всё никак не подохнет, – даже думать о подобной участи было мерзко. – Получается, самый удачный вариант из всех – Лозовский. Он продемонстрировал отсутствие кровожадности и умеренный сволочизм. Ему единственному Фируса больше нужна живой, чем мертвой.

Ниса подняла взгляд от стакана, по краю которого водила пальцем, размазывая капли воды. Её глаза округлились, а рот изумленно приоткрылся.

– Рад, что мне удалось впечатлить тебя, – прозвучал за спиной приятный баритон.

Глава 5

Я постаралась не заорать, не застонать и удержать на лице выражение вежливого безразличия.

Выступивший из-за моего плеча Лозовский расстегнул пуговицы на дорогом пиджаке темно-синего цвета, выдвинув стул и уселся за наш столик.

– Привет, – это мне, а после повернулся к Нисе, которая, несмотря на череду попыток, всё никак не могла захлопнуть рот, и приветливо произнес: – Здравствуй, Ниса. Давно не виделись.

Подруга рвано дернула головой, что могло означать все, что угодно, от «и тебе привет» до «гори в аду в полиэстере». А после схватила за стакан с водой.

– Кажется, это наша первая встреча за долгое время, – продолжил демонстрировать идеальные манеры старший брат Макса. Всё остальное в нем тоже было идеальным. Наглаженная одежда стоила больше, чем весь мой гардероб вместе взятый, включая нижнее белье и носки. Приятное лицо выдавало в нем человека, знающего цену себе и своему времени, а потому не забывающего отдыхать и отдыхать качественно. Волнистые темно-каштановые густые волосы еще до недавнего времени были короткими, а теперь прикрывали уши, легкими изящными прядями падая на лицо и превращая Лозовского в идеальное олицетворение романтиче-

ского героя.

– Твоя прическа стала длиннее или мне кажется? – пода-лась вперед Ниса, внимательно рассматривая шевелюру то-го, с кого однажды почти стянула брюки.

– Да, – легко улыбнулся Лозовский, а в синих глазах, кото-рые так хорошо оттенял деловой костюм, заискрились хит-ринки. Повернувшись ко мне, он заявил: – Мне показалось, что тебе больше нравятся мужчины с длинными волосами.

Ниса громко фыркнула и поперхнулась водой. Закашля-лась, заколотила себя кулачком в грудь, а после сдавленно проговорила:

– Куда-то ты не туда смотрел! Чтобы тебе это помогло на-до было еще перекраситься в блондина!

Мужчина сузил глаза, его взгляд похолодел и ужесточил-ся.

– Ниса, – начал он, всем корпусом поворачиваясь к моей подруге и закидывая ногу на ногу. – Ты всё так же хороша, как и в нашу последнюю и единственную встречу.

Ниса комплимент не оценила, её перекосило так, что аж скрючило.

О том, что у подружки с Лозовским имелось какое-ни-какое общее прошлое я прекрасно знала. Сама же Ниса и рассказала. Но без подробностей. Подруга умудрилась уло-житься в одну фразу, которая звучала как: «В баре оказалось слишком много алкоголя, а на пляже – слишком мало лю-дей». Что у них там такого случилось, из-за чего знакомство

закончилось, толком не успев начаться, я спрашивать не стала, потому что понимала – о некоторых подробностях чужой личной жизни лучше не знать.

– Не думала, что ты запомнил детали нашего общения, – перестала изображать лицом урюк подруга.

– Я запомнил практически всё, потому что был гораздо трезвее, чем ты, – «обрадовал» Нису Лозовский, чем вверх в состояние потрясения.

– И...? – начала она с сомнением, а во взгляде, тем временем, умирала надежда.

– И это тоже, – подтвердил Лозовский, одернув рукав рубашки, украшенный запонкой. Я успела обратить внимание на наличие кольца с кошачьей головой на среднем пальце правой руки. – И то, как ты, покачиваясь, ушла за новой порцией коктейлей, но не дошла, потому что рухнула в бассейн. А когда тебя вытащили, ты умудрилась моментально уснуть, обняв надувного фламинго.

Я вопросительно уставилась на подругу, но взгляд перехватил Лозовский, который с улыбкой змея-искусителя заявил:

– Что сказать? Я не настолько благочестив, как могло бы показаться. И иногда посещаю вечеринки специфической тематики. Порой я даже сам их устраиваю.

Ниса нервно хихикнула, вскинула голову и обрадованно завопила:

– О, еда!

Кажется, подруга еще никогда так не радовалась появлению официанта с подносом.

После того, как наши заказы оказались перед нами, а Лозовский при помощи пары милых улыбок умудрился уговорить приготовить ему стейк, которого не было в меню, мы возобновили наш разговор.

– Где Фируса? – прямо спросила я.

– Разве вы двое не те единственные, кто знает ответ на этот вопрос? – спросил мужчина с видом человека, который открыт всему миру и верит, что мир открыт ему. Но я знала, что это не так. Никому он не верил. И нам тоже не верил.

– С некоторых пор – нет, – повертев вилку в руках, ответила я.

– Да ладно! – воскликнул Димка и скривил губы, как бы призывая прекратить ломать комедию. – Без вашей помощи муза в этом городе и сутки не продержалась бы. Я знаю.

– Потому что спал с ней? – в лоб заявила я, но брата Макса было не так трудно смутить.

– Не только поэтому, – растянул он губы в улыбке. – Но и потому, что знаю – других таких сумасшедших, которые рискнули бы, приютив у себя опальную музу, пойти одновременно против всех и смело нажать себе орду врагов, нет.

– Может быть, ты просто не всех учел, – сладкоголосо пропела Ниса, не глядя на Лозовского, с которым её связывали очень интимные и при этом очень обрывистые воспоминания.

Лозовский проигнорировал банши и спросил у меня:

– Ты же понимаешь, что ходишь по краю? – он в одно мгновение стал необычайно серьезным, растеряв не только любезность, но и обольстительность, которой пытался сразить наповал всех вокруг последние минут пятнадцать. И у него это получилось. Частично. Официантку, например, проняло. Как и девушку, которая до появления Димки, смотрела исключительно на своего спутника, а теперь часто косилась в нашу сторону, словно её взгляд притягивало сюда магнитом. Ниса стойко держалась. Возможно потому, что упрямо на Лозовского не смотрела и даже не слушала, странно подергивая головой. Похоже, подруга вела какой-то внутренний диалог с самой собой. – Если бы ты не была нужна Максусу, то давно потерялась бы где-нибудь в овраге.

– Знаю, – коротко ответила я. – Поэтому овраги обхожу стороной.

– В любовь его не верь, – продолжил Лозовский. – Не умеет он любить. И никогда не умел. Зато притворяется отлично.

– А ты? – провокационно просила я.

Лозовский некоторое время пристально и холодно рассматривал мои глаза, губы, шею.

– Ты даже не представляешь, какой ценностью обладаешь, – с чувством проговорил Лозовский, не замечая, как с него не сводит горящего взгляда девица, сидящая на расстоянии нескольких метров. – Вопрос в том, на что ты готова

эту ценность обменять?

Ниса встрепенулась, подругу слова бизнесмена возмутили до глубины души. Настолько, что она прекратила периодически невпопад «угукать».

– Выживание – вот, что самое главное, – мне было плохо. Запуталась я в этой огромной паутине липкой лжи и опасных игр, которую затеяли серьезные дяди с не менее серьезными намерениями. И как выпутаться уже с трудом понимала.

– Пойми, Ди, у Фирусы всё равно немного шансов выбраться из этого дерьма. Слишком много тех, кто хочет открутить ей голову. Мы все хором угодили в поганую ситуацию. И каждый будет выбираться из неё так, как сумеет. Если вы свернете свою спасательную операцию, то в первую очередь поможете самим себе. По крайней мере, сведете к минимум возможность попасть под перекрестный огонь.

Мы с Нисой обменялись взглядами.

– Я не знаю, где она, – невозможно врать вечно. Ради разнообразия приходилось хотя бы иногда говорить правду.

– Всё еще держишься за неё? Знаешь, что девчонка может пожертвовать тобой, пожертвовать вами обоими ради собственной выгоды, но не отступаешь? – голос Лозовского был переполнен ироничностью, но в глазах накалялась злость.

– Тебе не понять, – я окончательно потеряла аппетит, отложила вилку и отодвинула в сторону тарелку. Один только вид еды вызывал раздражение. – И личные характеристики Фирусы сейчас не играют никакой роли.

– Да, ты права, – хохотнул Лозовский, взгляд его оставался неприятным. – Ценности в них меньше, чем в ржавом пятке.

– Знаешь, – я наклонилась вперед, поставив локти на стол. Увидь это моя благовоспитанная бабуля, отхлестала бы шелковым платком. – Ты заявился сюда не просто так. Очень вовремя заявился. Из чего следует только один вывод – ты за нами следил.

– Приглядывал, – не согласился с формулировкой Лозовский.

– Слова разные – смысл одинаковый, – пробурчала Ниса, яростно пережевывая кусок пиццы, тупо уставившись в одну точку. – То есть, Гришин «хвост» мы стряхнули, а о наличии второго не подумали.

– Я не настолько примитивен, чтобы таскаться за вами по всему городу, тем более, что вам на месте решительно не сидится, – с отвращением поморщился Лозовский. К вожаку местных волков-оборотней он светлых чувств не питал и это было еще мягко сказано. Интуиция подсказывала, что если эти двое сойдутся где-нибудь в темном переулке, то рассвет сможет встретить только один из них. – Нет, я использую более современные и продвинутые методы слежения, чем мой привыкший переть напролом братец.

Я с непониманием выгнула бровь.

– Камеры, – снисходительно вздохнул бизнесмен. – Знаешь, сколько их понатыкано? И у меня есть доступ к каждой

в этом городе. А еще есть команда ребят, способных очень шустро шлепать пальцами по кнопкам.

– Личный отряд хакеров? – невесело рассмеялась Ниса, с ненавистью рассматривая перечницу и не забывая активно орудовать челюстями. Чем подруге насолила перечница я размышлять не стала, но на всякий случай отодвинула её подальше, вдруг подруге захочется поупражняться в метании приправ, целясь в одно конкретное и весьма привлекательное мужское лицо. – Какие нынче осовремененные боги пошли!

– Я больше не бог, – сверкнув застывшими в глазах льдинками, пресек любые попытки обозначить его верховный статус Лозовский. – Я перестал быть богом, как только меня изгнали из собственного дома, лишив власти над законно принадлежащим мне царством. Я скорее... иммигрант.

Жалобы на судьбу, тем более, от того, кто никакой жалости не вызывал в принципе, слушать совершенно не хотелось. А хотелось поскорее завершить эту встречу, поэтому я упрямо произнесла:

– Если ты следил за нами, то знаешь, где мы были. А если знаешь, то должен прекрасно осознавать – музу мы и сами потеряли. Она оставила нам записку, но почему-то покинула своё последнее пристанище раньше, чем мы его вычислили.

– Я знаю каждый угол, в который вы ткнулись, – согласился бывший принц, а нынче представитель частного сектора экономики. – Но я не знаю, что вы там делали.

– То же, что и ты сейчас! – лопнуло терпение банши. – За музой носились, спотыкаясь на колдобинах! Но похоже, что она не только вас с Максом провела, но и нас с ней!

Подруга ткнула в мою сторону здоровенным куском пиццы и сразу же сунула его в рот, набив полные щеки и став похожей на бурундука с крайней степенью запасливости.

– Вы сегодня встречались с ней, – внезапно выдал Лозовский и угрюмо уставился на меня. – И в этом я абсолютно уверен.

Ниса замерла с раскрытым ртом, а после промычала сквозь непрожеванный кусок пиццы:

– Шо-о-о?

– Да, – поддержала я подругу. – Хотелось бы чуть больше конкретики!

Глава 6

– Камера, – цокнул языком Лозовский, – позволяет увидеть то, что не видно глазами. А еще, техника не поддается манипуляциям эмоциями. Ты в курсе, что способности Фирусы – это некая разновидность телепатического воздействия? Как муза, она силой мысли генерирует дополнительные электрические импульсы, которые вносят изменение в деятельность головного мозга. Заставляя испытывать определенные эмоции, она одновременно может заставить и видеть то, чего нет, потому что наше восприятие реальности зависит от того, как мы к этой реальности относимся. Руся как бы подменяет «картинку» в чужой голове.

– Молодец! – громко выдала Ниса. Периодически прислушивавшаяся к нашему разговору девушка за столиком у окна от неожиданности едва не свалилась со стула. – Ты доказал, что знаком с биологией в объеме школьной программы! Что дальше?

– Помните, старушку с которой вы столкнулись у входа в подъезд? – спросил Лозовский, удостоив внимания не только меня, но и мою быющую все рекорды по язвительности подругу. – Которой вы еще с такой готовностью бросились помогать, потому что... А почему, Ди?

– Потому что она выглядела слабой и беззащитной, вызывала желание помочь, позаботиться, – пробормотала я, вспо-

миная развернувшуюся у входа в дом сцену.

– Ага, – с удовлетворением кивнул Лозовский. – Вот только эти чувства вас вынудили испытать. Силой. Силой музыки.

– То есть..., – начала Ниса, выпрямляясь. – Бабуля – не бабуля, а...

– ...Руся, – выдохнула я.

– Зараза волоокая! – завопила Ниса, грохнув кулаком по столу и пробив в нем дыру.

Демонстрация силы пришлась на очень неудачный момент. К нашему столу как раз подошла официантка, принесла Лозовскому стейк. Сотрудница кафе застыла, не дойдя пары метров, и уставилась на пролом в крепкой деревянной столешнице.

Я подскочила, схватила Нису за запястья, убирая её руки подальше от чужого имущества и затараторила:

– Она у нас чемпионка по армрестлингу! А за стол мы заплатим! – а дальше уже шепотом Нисе: – Возьми себя в руки.

– Не могу, – дернула губой подруга.

– Почему? – процедила сквозь зубы я, посылая улыбку официантке. Та отмерла, быстро поставила перед Лозовским блюдо и умчалась, несколько раз тревожно обернувшись.

– Потому что меня в руки за руки уже взяла ты, – зашипела банши, чьи запястья я продолжала удерживать, прижимая по швам к туловищу.

Я отпустила подругу, сделала шаг в сторону и устало при-

крыла ладонью глаза.

– С тобой всё хорошо? – прозвучал вопрос Лозовского. Приоткрыв веки, я увидела, как он встает из-за стола, намереваясь подойти ко мне.

– Да, всё нормально, – поспешно заверила его я, а после сделала многозначительный вывод: – Значит, Руся у тебя?

Секундная заминка, а после Дмитрий громко расхохотался, возвращаясь обратно на стул.

– С чего ты взяла, что она у меня? С чего вы вообще так уверены, что мне нужна муза? Боец из неё никакой. Что она может? Нагнать тоску? Навеять скуку? Ниспослать вдохновение? Так мне и без него великолепно живется. В Гогены я не мечу, тем более, что все великие по традиции заканчивают плохо. Не самая светлая перспектива – повторить их судьбы.

– Она тебе нужна, чтобы сунуть под нос Совету и доказать попытку Макса подставить тебя, – прожевав оливку, смело заявила Ниса, глядя Лозовскому в лицо. – А еще ты с ней спал.

Я вернулась за стол и попыталась так расставить посуду на столе, чтобы прикрыть дыру, чувствуя, как на нас продолжают коситься перешептывающиеся посетители. Им совершенно точно не нравилось обедать поблизости с девушкой, кулаками ломающей мебель. Даже в глазах заинтересовавшейся Лозовским девицы любовный жар снизился сразу на несколько градусов.

– Пусть так, – не стал отпираться бизнесмен, чем только усилил мои подозрения. – Допустим муза у меня. Но что я тогда здесь делаю?

И он широким жестом обвел зал кафе, декорированный в приятных бежево-сиреневых тонах.

– Действуешь нам на нервы? – с милой улыбкой предположила Ниса.

– Мне нужно в туалет, – очень некстати заявила я.

– Зачем? – занервничал Лозовский.

– Монетку на память в унитаз бросить, чтобы вернуть-ся! – смело встряла подруга. – Ты совсем идиот? Есть еще какие-то причины из-за которых посещают туалет, кроме очевидных?

– Ну, мало ли, – мужчина казался сбитым с толку.

– Действительно, мало, – заворчала подруга, кивнув мне, мол, иди, куда собралась. – Мало мозгов у кое-кого в башке! Тебе никто не говорил, что вот эта штука, болтающая у тебя на шее, не только для того, чтобы пироги в неё запихивать? Мясо твое, кстати, уже остыло.

Прислушиваясь к голосу подруги, я направилась в другой конец зала, где располагались выходы к уборным.

Пройдя по узкому коридору, добралась до двери с изображением девочки в юбочке и вошла внутрь, где пространства было побольше.

Подойдя к раковинам, я остановилась, выдохнула и без сил оперлась руками о края умывальника, взглянув на свое

отражение в зеркале. В последние дни я делала это крайне редко, мешала поселившаяся в моей квартире злобная тварь.

Вспомнились слова ведьмы, которая, как выяснилось, была вовсе не ведьмой: «В зеркало не смотришь, иначе быть беде. Звать тебя будет – не откликайся». Интересно, на какие расстояния способна отправляться тень убитой жрицы? И стоит ли ждать её появления в зеркале уборной ресторана?

– Ч-ч-ч-черт, – выругалась я сквозь зубы. – С тенью нужно срочно что-то решать. Как же не вовремя Руся создала проблемы...

Я схватилась за голову, чувствуя, что меня вот-вот погребет под проблемами, которые сыпались, словно из рога изобилия.

Скрипнула дверь. Приподняв голову, я пронаблюдала за появлением той самой девушки, которая последние полчаса не сводила глаз с Лозовского. Томное выражение на худощавом лице сменилось на холодное и отстраненное. В тусклом свете ламп блеснули ухоженные короткие блестящие волосы, подстриженные под каре. Цокая каблуками по плитке, она подошла и встала рядом. Выдавлив на ладонь изрядное количество жидкого мыла, девушка начала мыть руки. Сделав лицо нейтральным, я выпрямилась и принялась делать то же самое, а именно – намыливать ладони. Когда уже начала смывать взбитую мыльную пену, послышался тихий свист.

Я обернулась в сторону ряда кабинок, в которых, как мне казалось, никого не было и моментально на мою голову об-

рушился потолок.

Ну, или мне так показалось.

Меня никогда раньше не били по затылку, поэтому ощущения были для меня в новинку. На глаза как будто опустилась шторка, ноги подкосились, и я рухнула вниз, растянувшись на ледяном полу. Но отключилась не сразу, успев услышать слова нападавшей:

– Давно мечтала это сделать. Как же ты нас всех достала!

И мой мозг, решив, что я услышала достаточно, отключился.

Обратно меня вернул мужской голос, назойливо твердящий в ухо:

– Эй, просыпайся! Давай, приходи в себя! Хватит валяться бестолковым мешком! Ди! Слышишь меня? Очнись!

С трудом приподняв железобетонные веки, я пронаблюдала танец огоньков перед своими глазами. Огоньки были мутно-желтыми и кружили по кругу в такт шуму в моих ушах, сквозь который продолжал прорываться всё тот же голос:

– Ну, наконец-то! Очухалась! – что-то теплое и мягкое скользнуло на шею и подхватило под голову. После неясная сила приподняла моё тело над полом и вынудила сесть.

Спиной меня прислонили к чему-то твердому и ледяному настолько, что очень скоро холод начал пробираться внутрь, запуская мерзлые щупальца под кожу. Я задрожала, непроизвольно сотрясаясь. Меня колотило, как в сильной лихорадке, и я ничего не могла поделать с перестуком зубов. По-

что сразу явилась ужасная головная боль, затошнило, во рту появился металлический привкус крови.

А огоньки продолжали кружить, вот только теперь они находились не надо мной, а чуть в стороне. Они двигались по невидимой оси и совсем не спасали от тьмы, в которую было погружено всё вокруг. Я мало что видела, больше слышала. И прислушивалась изо всех сил, игнорируя шум в ушах.

Тишину прорезал протяжный скрип, как будто приподняли крышку старого проржавевшего сундука. Раздались тяжелые шаги, которые сообщили о приближении чего-то.

Кого-то.

– Наконец-то ты пришел, – заговорил всё тот же голос. Его владельца я не видела, потому что он находился вне моего поля зрения, а повернуть голову направо, туда, откуда он говорил, казалось невыполнимой задачей.

Напротив меня зашевелилась фигура. Было очень трудно сконцентрировать взгляд на её очертаниях. Они постоянно размывались и словно разрывались, как если бы я смотрела фильм, записанный на поврежденную киноплёнку. Хотя, скорее, повреждение было у меня в голове.

– Мне не нравится её состояние. Кажется, Неля слишком сильно приложила её по голове. Перестаралась.

Я дрожала от макушки до пят. Но упрямо пыталась сфокусировать взгляд на замедливших свой танец огоньках, кожей ощутив чье-то близкое присутствие.

– Нужен врач, – продолжил убеждать голос.

На этот раз ему ответили.

– И где ты найдешь врача, способного поставить диагноз нереиде?

Что-то щелкнуло, выплюнув пару крохотных искр и перед моим лицом вспыхнуло пламя, показавшееся таким ярким, что я зажмурилась, застонав.

– Привет, радость моя, – с удовлетворением пропел Макс.

Знакомое лицо подсветила зажигалка, которую он держал почти у моего носа.

– Какая же ты сволочь, – пролепетала я, едва ворочая языком в пересохшем рту.

С жесткой, какой-то взрывоопасной улыбкой Макс покачал головой и заявил:

– Ты еще даже не знаешь, какой я. Но скоро узнаешь.

– Где я? – просипела я, вновь приоткрывая больные глаза.

Желтые огоньки в углу окончательно замедлились, сделали последний оборот, мигнули и соединились в одно целое – в слабо работающую, готовую вот-вот перегореть лампочку, болтающуюся на хлипком, перевязанном изолентой сразу в нескольких местах проводе.

Макс выпрямился, держа голову так, чтобы не удариться ею о низкий потолок, покрытый черными разводами.

– В «Шанхае», – ответил бывший друг, вновь чиркая зажигалкой.

Глава 7

– «Шанхай»? – переспросила я с сомнением и не удержалась от колкости: – Это что, название твоего гастролирующего цирка?

– Нет, любовь моя ехидная, – он рассматривал меня так, словно видел впервые.

В его глазах больше не было привычного дружеского тепла, как не было вообще ничего хотя бы отдаленно человеческого. Передо мной стоял бог, пусть и потерявший власть, пусть находящийся в изгнании вдали от дома. Но с таким взглядом он больше не мог быть ни кем иным, кроме как высшим существом. Очень злым высшим существом, одним из тех, кого боялись не только люди, но и мы.

– «Шанхай» – это мой ночной клуб и мой главный офис по совместительству. Здесь я веду все свои дела.

– В подвале? – я закашлялась. – И кто твои главные партнеры – крысы и тараканы?

– Подвал находится под «Шанхаем», – спокойно ответил Макс. – Здесь тебя никто не найдет, и никто не услышит. Призывать свою магию также не пытайся. Всё обтянуто серебряной сеткой в несколько слоев. Сквозь неё никому не пробиться.

– Пить хочу, – потребовала я, упираясь затылком в стену. – И мне холодно.

– А принцессы очень капризные, не правда ли? – хмыкнул бывший друг, убирая зажигалку.

Справа вновь кто-то завозился и Макс бросил в его сторону:

– Не надо, я сам. Ты свободен.

Тот, другой, ничего не сказал, молча нас покинув.

Дверь открылась и захлопнулась.

Мы остались вдвоем.

Макс отошел, чем-то зашуршал в самом дальнем углу наискосок, а после вернулся и присел напротив меня на корточки.

– Я знаю, что тебе очень плохо, – начал он, скривив губы в улыбке. Каждое его слово звучало как издевка, но хотя бы в любовь больше не пытался играть.

– И чем дольше я с тобой разговариваю, тем хуже мне становится, – слабость была такая, что хоть сейчас вырубайся, но я держалась как могла. – Ты как яд. Как отвар из мухоморов.

– Тебе никто не говорил, что нельзя дерзить и раздражать человека от которого зависит вся твоя жизнь? – деланно вежливо поинтересовался Макс, но я слышала, как постепенно накапливалась его ярость, готовая вот-вот выплеснуться за край.

Он взялся за предмет, который принес из угла, потянул за верхнюю часть и по глазам резанул резкий белый свет.

Это включился кемпинговый фонарик.

Поставив его на пол, Макс удовлетворенно вздохнул.

– Так лучше? – любезно поинтересовался он.

– Да мне и в темноте было неплохо, – пробормотала я.

Бывший друг покачал у меня перед глазами бутылкой с водой, а после убрал её, поставив в отдалении, на таком расстоянии, чтобы я не могла дотянуться, не вставая. А подняться сил не было, и он это знал.

– Давай поговорим! – с задором предложил он.

Несмотря на всю сложность ситуации, во мне проснулась Ниса, а точнее её вредность. Вредность человека, который умел договариваться исключительно с детьми.

– Иди, с бродячими псами общайся, может, научишься у них чему-нибудь, например, доброте.

– Мне нужна Фируса, – очень серьезно произнес Макс, проигнорировав моё наставление. – И нужна не просто очень, а конкретно сейчас.

Я зло расхохоталась и попыталась вытянуть затекшие ноги. К дрожи и холоду почти привыкла, но вот сидеть в неудобной позе становилось с каждой секундой невыносимее.

– Ты сегодня не первый и даже не второй, кто пришел ко мне с этим вопросом, – прекратив смех, простонала я, запрокидывая голову. – Братец тебя опередил. Опять.

– Знаю, – без проявления каких-либо признаков тревоги откликнулся Макс. – Вас заметили мои волки. Поэтому и пришлось действовать кардинально.

– Парочка у окна? – поморщилась я, припоминая посетителей кафе, из которого меня унесли без спросу.

– Ага, – не стал скрывать Макс. – Они доложили мне о вашем появлении, и я отдал приказ в срочном порядке тебя забрать. Неля зашла следом за тобой в туалет, оглушила, а после вынесла через черный ход. Её в том кафе хорошо знают и вопросов лишних не задают.

– Надо же! – с надрывом воскликнула я. – Угораздило же притопать на обед к твоим мохнолапыми! И кто же она такая, эта твоя Неля? Еще одна постельная игрушка? Не перебор ли? Всех баб не перетрахаеть, Максик. Побереги себя.

Пожелания остались не услышанными.

– Неля – это Соль.

– Кто? – слабо прыснула я со смеху. – Приправа?

– Соль – воплощение солнца у древних скандинавов, – решил взяться за мое просвещение Макс. Очень вовремя. – Есть еще Мани – олицетворение луны. Согласно мифу, Соль и Мани бегут по небу, вечно преследуемые двумя волками, сыновьями Фенрира. Когда волки догонят и проглотят солнце и луну наступит рагнарёк, конец света.

Я подумала, что тема конца света слишком часто всплывает в разговорах в последнее время.

– И при чем здесь эта дамочка, из-за которой у меня теперь невыносимая головная боль? – вяло оскалилась я.

– У волков-оборотней Соль и Мани – это что-то вроде должностей, почетные звания, обозначающие принадлеж-

ность к доминантам стаи и приближенность к вожаку. Соль – женский пост, Мани – мужской. Вожак может сам выбрать Соль и Мани, а может назначить бои. И тогда победители, мужчина и женщина, займут позиции по правую и левую руку вожака. Станут его помощникам. При недееспособности вожака право руководить стаей переходит в их руки до тех пор, пока вожак не вернется. В этом есть некоторая метафоричность, не находишь? Если так подумать, то получается, что конец света наступит тогда, когда будут уничтожены носители законной власти.

– То есть, эта паршивка – главная у вервольфов? – заключила я.

– Она третья в иерархии стаи, – уточнил Макс. – Мани выше её, потому что мужчина.

– И здесь всё сексизмом пропитано, – я приложила руку к животу, решив проверить целостность ребер, под которыми болело так, словно эта самая Неля от души попинала мою бесчувственную тушку и только после этого приволокла в подвал.

– Мужчина всегда будет сильнее женщины, – заявил Макс. – Например, я всегда буду сильнее тебя. И ты, как бы не старалась, всё равно не сбежишь от меня.

– Да, конечно, – горько усмехнулась я. – И сидение на холодном полу в окружении сырости и плесени это подтверждает.

– Хватит болтать, – Макс выпрямился. – Рассказывай всё,

что знаешь. Или, – он вытащил из кармана складной нож и выщелкнул лезвие, холодно блеснувшее металлом в свете фонаря. – Мне придется вытащить эти сведения силой.

Мои челюсти дрогнули и сомкнулись, да так, что аж зубы заболели.

Стало страшно. Очень страшно. Потому что я видела – он не шутит. Макс действительно был готов применить пытки.

Вот только имелась некоторая загвоздка...

– Мне нечего рассказывать! Правда нечего! Мы спрятали Руську в квартире моей дальней родственницы. Когда позвонил Гриша и намекнул, что её подстрелили, мы рванули к ней, но по пути твои ручные волчата нас сцапали, о чем ты не можешь не помнить! Сбежав, мы добрались до укрытия, но её уже там не было.

– Дальше, – холодно приказал Макс, поигрывая ножичком, остроту которого мне отчаянно не хотелось проверять на себе.

Я сглотнула вязкую слюну и покорно продолжила:

– Я решила, что Фируса сбежала с любовником...

– Почему ты так решила? – требовательно перебил меня Макс.

– В квартире были некоторые признаки... эм... присутствия мужчины. Поднятый стульчак, разложенный диван, винный колпачок, – перечислила я. Макс покивал, вслушиваясь в мои слова, а после жестом показал продолжать рассказ.

– Потом мы отправились в квартиру Руси, чтобы проверить на месте ли её документы.

– И как? На месте? – он насмешливо выгнул черные брови.

– Мы забыли проверить, – признаваться в собственной глупости было неприятно. И в другой ситуации я бы его послала, но сейчас в руке Макса был нож, а я сидела на полу, борясь с дрожью и слабостью, и пытаюсь сотрясаться не совсем уж сильно.

– Тебе надо проводить меньше времени с подружками, – презрительно выдохнул Макс. – Тупеешь на глазах.

Я замялась, но честно ответила:

– Мы забыли обо всем, когда обнаружили записку.

– Любовное послание? – предположил Макс, но быстро опроверг собственные слова. – Хотя нет, вряд ли. Эта дрянь не способна поддерживать стабильные отношения с тем, кому хватит душевных сил ваять ей любовные послания.

– А ты способен? – обиделась я на его слова. – Ты, который признавался мне в любви, а до этого долгие годы изображал моего лучше друга, сидишь передо мной с ножом в руках! Ты обо всем забыл? Забыл, как помогал мне с проектами в университете ночами напролет? Как врал моей бабушке, чтобы мы с Нисой могли пойти на вечеринку? Как ехал ко мне через весь город в четыре часа утра, чтобы забрать после плохого свидания? Как хранил мои секреты? Как утешал, когда я провалила своё первое самостоятельное дело,

подставив клиента? Это всё было ложью? Неужели можно так виртуозно притворяться? И для чего? Для того, чтобы по итогу закончить вот так?! В подвале?! Да чем ты лучше Фирусы?!

Макс промолчал. И молчал несколько минут, пока я переводила дух от своей пламенной речи. А после склонился и выразительно прошептал:

– Не сравнивай меня со своей подружкой. Я – гораздо хуже. Я – бог. А она – мелкая сошка, на побегушках у Совета.

– Ты не бог, пока нет собственной территории, – автоматически поправила его я, но потом до меня дошло услышанное. Я взволнованно приподнялась, но осела обратно, хватаясь за ребра. – Что? Какое отношение Руся имеет к Совету?

– Муза тебе не сказала? – лживо удивился Макс, послав мне сочувствующую улыбку. Хотя по едкому, будто разъедающему всё на своем пути взгляду было очевидно – он прекрасно знал о степени моей осведомленности. – Её семья служит Совету уже десять поколений, выполняя поручения разной степени важности.

– Не может быть, – затрясла я головой. – Этого не может быть, она бы мне сказала.

– Справедливости ради замечу, что до недавнего времени она была отстранена от семейных дел. Но рано или поздно всё заканчивается.

– Да, – поддержала его я, а после с ненавистью заявила, глядя в некогда родное лицо: – Терпение. Пули. Средство от

насекомых. Хотя таких, как ты ничем не вытравить. Проще дом сжечь.

Макс резко поднялся и посмотрел на меня сверху вниз, как смотрят на улитку, ползущую под ногами, думая раздавить моллюска или дать возможность безобидному созданию спокойно уползти.

– Знаешь, что меня удерживает от того, чтобы воспользоваться этим ножом? – и он продемонстрировал мне тонкое стальное лезвие с зубринами по центру и выемкой у рукоятки.

– Знаю, – скрывая боль за улыбкой, ответила я. – Ничего.

– В точку! – кивнул бывший друг и метко швырнул нож.

Глава 8

Особо не целился. Кажется, ему было абсолютно всё равно, куда вонзится лезвие. А вонзилось оно, распоров кожу, в переднюю часть бедра, погрузившись в мышцу практически полностью.

Крик вырвался из горла, потому что лезвие было серебряным, и оборвать его я смогла только тогда, когда осознала, что ору во всю глотку.

Тяжело задышав, я начала ругаться сквозь зубы, припоминая все известные мне ругательства. Значительную их часть я почерпнула от Нисы.

Макс подошел и не глядя мне в лицо вынул нож. Отер лезвие от крови о брючину и вновь начал демонстративно крутить орудие пытки в руках.

– Что было в записке? Которую вы нашли в квартире подружки? – спросил он с непререкаемым спокойствием.

– Дождь, зонтик и орхидеи, – покорно ответила я.

– Что? – свел он брови у переносицы, встретившись со мной взглядом. – Что это значит?

– Что у Руси большая фантазия, – я попыталась взять под контроль дыхание. Вдыхала размеренно и не глубоко, но это не очень помогло. Мне становилось хуже. Рана сильно кровоточила. Кажется, Макс задел крупные кровеносные сосуды. Тело больше не тряслось от холода. Наоборот, чувстви-

тельность падала и нестерпимо захотелось спать.

Мой палач это заметил, вновь присел, положил ладонь на щеку и заставил приподнять голову, которая уже падала вниз, упираясь подбородком в грудь.

– Эй! – требовательно затормошил он меня. Сперва легонько, а после с силой затряс. – Приди в себя! Слышишь? Не смей отключаться!

Его последние слова донеслись до меня, подобно удаляющемуся эху, взлетающему над остроконечными вершинами гор и исчезающему в глубинах неприступных пещер. В ушах зашептало море, пальцы ощутили под собой сыпучесть нагретого солнцем песка, а ноги нащупали жесткую многообразную текстуру кораллов.

Повторно пришла в себя резко, быстро сообразив, что по-прежнему нахожусь в ненавистном подвале. И Макс рядом. Сидит чуть в стороне, скрестив длинные ноги перед собой.

Первым порывом было желание притвориться, что я всё еще пребываю в отключке, но номер не прошел.

Макс подбросил нож в воздухе и приказал:

– Даже не думай устраивать спектакль. У меня нет на это времени. Я и так слишком долго с тобой вожусь.

– Так приказал бы своим волкам мной заняться, – хихикнув, щедро предложила я.

– К тебе никто не подойдет, кроме меня, – кажется, он уже всё решил. И я знала – то, что он решил мне категорически не понравится.

– А если кто-то все-таки осмелится? – на всякий случай решила поинтересоваться я, переворачиваясь с левого бока, завалившись на который очень неудобно лежала, нарушив кровообращение в плече, а после падая на спину.

– Нет таких идиотов, – Макс вновь подбросил ножик, ловко поймав. Он казался собранным, деловитым и в то же время, не производил впечатление человека, который куда-то спешил. – А если и найдутся, то в мире станет на несколько идиотов меньше. Итак, на чем мы остановились?

Безразличные глаза пронаблюдали, как я, стараясь не пропускать сквозь крепко сжатые челюсти стонов, поднялась, опираясь на руки и вновь заняла сидячее положение. Болтать с ним растянувшись на полу было крайне неудобно и ощутимо било по моей гордости.

– На том, что ты гад распоследний? – радушно предположила я.

Ножик подлетел над рукой, несколько раз перевернулся в воздухе и был легко подхвачен владельцем.

– Эффектно, – оценила я, потому что именно этого от меня и ждали. – Я так не умею.

– Тебе и не нужно, – пожал плечами Макс.

– Боишься, что прирежу однажды ночью? – зло хмыкнула я, наблюдая за Максом. Он сидел на коробке, используя её в качестве табуретки.

– Нет, не боюсь, – поигрывая ножом, легко ответил он. – Потому что знаю – сколько бы не строила из себя крутую,

на самом деле ты не такая. Давеча ты пыталась надавить на мои чувства, взывая к воспоминаниям прошлого. И была не права. Я помню. Я помню каждый день, который мы провели вместе. Я помню каждую нашу встречу. Помню каждый твой наряд и каждый аромат, которые ты использовала. И поэтому знаю – ты меня не убьешь.

– Зря, – выдохнула я сквозь боль, опоясывающую ребра. – Зря ты в этом так убежден. Убежден в моих высоких моральных качествах. Кто знает, вдруг я вообще не такая, как все думают? В любом случае, какой бы я ни была, тебя прирежу с большим удовольствием.

– Почему именно меня? – он удивленно выгнул бровь, как будто действительно не понимая. – Чем я так сильно отличаюсь от других?

– Твоё предательство было самым болезненным, – просипела я и закашлялась. Покосилась на бутылку воды, но решила, что нет. Не сделаю я Максусу такого подарка и не поползу на коленях ради пары глотков. Пусть подавится своей водой. – То как ты притворялся... годами! А я сидела в первом ряду на этом представлении длиною едва ли не в полжизни! И я отомщу тебе за это.

– Возможно. Когда-нибудь, – сухо рассмеялся бывший друг, в очередной раз подбросив ножик. – Но не сегодня, любовь моя. А когда тебе представится такая возможность, то ты больше не будешь стремиться к моему умерщвлению.

– Это почему же? – прищурилась я с ненавистью. Сидеть

вот так вот и как старые друзья болтать о всяком тоже было разновидностью пытки, гораздо более изощренной, чем пытка жаждой или ножом.

– Потому что к тому моменту, когда я позволю тебе быть самостоятельной, ты уже полюбишь меня, – просто ответил он.

И от этих слов у меня мурашки побежали – по рукам, по спине, по затылку, а дальше, судя по ощущениям, прямо в мозг.

– Шутишь? – постаралась я спросить насмешливо, а получился жалкий всхлип.

– Нет, потому что мне сейчас совершенно не до не сме-ха, – с некоторой долей грусти вздохнул Макс, а когда заговорил снова, от грусти и следа не осталось: – Куда вы с Нисой ездили вчера?

– Иди лесом и не сворачивай, – пожелала я от души. – Где-то там, впереди, тебя родной стог сена ждет. Постоишь, пожуешь, может быть, зачатки совести проснутся.

Макс в ответ выдал беспощадную улыбку, которой только людоедов отпугивать, замахнулся и отправил нож в полет. Полет закончился быстро. Нож воткнулся в моё плечо.

На этот раз я была готова и не тешила себя надеждами, что парнишка попугает-попугает, да и успокоится. А потому лишь громко замычала сквозь крепко сомкнутые губы, чувствуя, как новая порция боли разливается по телу жгучей волной.

Когда дышать стало чуть легче, а организм принял неизбежность мук, я подняла вспотевшее лицо и встретила с Максом взглядом.

Он наблюдал. Просто сидел и смотрел безучастно, как если бы всё происходило не по-настоящему, не с нами и не с его помощью.

– Что ж так мелко-то? – запинаясь через слово, спросила я. – Метил бы сразу в шею. Или в висок.

– Я не собираюсь тебя убивать, – выпрямил спину Макс. – И ты это прекрасно знаешь.

– Зато собираешься основательно помучить, – уже пребывая в откровенной истерике, засмеялась я.

– Мы бы закончили всё быстро, если б не пришлось вытягивать из тебя каждое слово, – он потянулся ко мне и нарочито медленно вынул из плеча нож.

Пришлось сцепить зубы и терпеть боль, за которой быстро явилась уже знакомая слабость. Однако не успела я выдохнуть с облегчением, как он вернул нож на место, воткнув его обратно в кровоточащую рану.

– Как же меня воротит от тебя, – прохрипела я, чувствуя, как в руке начинают дергаться мышцы, предвещая о скором приступе судороги.

– Ничего, скоро твои чувства изменятся. Ну, или я заставлю их измениться. Знаешь, как говорят: от любви до ненависти один шаг.

– Ага, – согласилась я, вложив всю злобу в кривую ухмыл-

ку. – Но, как выяснилось, и в обратную сторону топать недалеко.

– Намекаешь, что любила меня? – не поверил Макс, замирая так близко, что я чувствовала тепло его дыхания на своей коже. Из-за холода, с которым мое тело уже даже не пыталось бороться, оно ощущалось особенно остро. – Думаешь, я в это поверю? Я всегда был для тебя просто другом и никем больше. Сколько раз я пытался завоевать тебя! Сколько раз я делал первый шаг, надеясь, как мальчишка, что ты шагнешь мне навстречу! Но нет! Ты лишь еще выше возводила стену между нами!

– Потому что нельзя портить дружбу любовью, – улыбнулась я. И впервые за долгое время улыбалась ему по-настоящему. – Если бы ты действительно умел любить, ты бы это знал.

На лицо Макса набежала тень.

Он всегда казался мне привлекательным. Обладателем классической мужской красоты. Мужчины называли Макса «первоклассным», и это была почти что характеристика дорогого вкусного коньяка. Женщины же, чувствуя в нем лютую неукротимость, безоговорочно были готовы разбиться о него, как корабль о скалы, лишь бы он пообещал их подхватить.

Но сейчас, в этот момент в этом подвале, его лицо окутывал ореол силы, которой он наслаждался, которую смаковал, из-за которой считал себя выше других и которая будто ис-

кажала его природную красоту.

Это была чужая сила, не его.

Бывший друг мрачно оглядел меня и ответил:

– Ты должна была быть со мной, – его кадык дернулся, словно ему трудно было говорить, но в глазах царило нечто такое, что ни к одной из известных мне эмоций не приписать. Возможно, я была слишком молода для понимания его чувств. – И в любви. И на войне.

– А мы на войне? – лично я для себя всё решила много лет назад, но всегда полезно знать актуальную позицию противника.

– Да.

– Тогда ты должен знать, что на войне часто так случается.

– «Так» это как? – напрягся Макс, почуяв неладное.

– Когда кому-то приходится закрыть собой амбразуру, – собрав остатки сил, я оттолкнулась от пола, рванув вперед. Занесла ногу для удара, как меня когда-то учила Ниса, но донести до цели не успела.

Макс отреагировал, как и должен был. Быстро, четко, метко. Первый удар блокирующий, второй атакующий. Ослепительная вспышка – и я рухнула без чувств. Было почти не больно, как я и хотела.

Третье по счету пробуждение оказалось куда приятнее предыдущих двух. Скорее всего, потому что я больше не валялась выброшенным за ненадобностью ботинком на грязном пыльном полу, а возлежала на чем-то мягком, уютным,

укутывающем.

Глаза открыла смело, наверное, потому что не ощутила запаха сырого подвала и решила, будто все предыдущие события мне просто приснились. Но узрев суровое лицо Гриши и поняла – нет, не приснилось.

– Зачем нужно было играть в геройство? – спросил оборотень, заметив, что поднадзорная, то есть, я пришла в себя.

Прикоснувшись ко лбу, нащупала мокрое полотенце. Сдернула его с себя и зашвырнула в сторону. Поднялась, чутко прислушиваясь к собственным ощущениям. Оставленные Максом порезы внешне хоть и затянулись, но всё ещё были воспалены, покрыты коркой свежеспекшейся крови и саднили при каждом движении. Ещё ныли ребра, гудела голова и тянула спина, но в целом, чувствовала я себя лучше. По крайней мере, смертоубийственные порывы поутихли.

Осмотревшись, я удивленно присвистнула, вернее, попыталась это сделать, но лишь закашлялась.

Гриша со вздохом поднялся с кресла, на котором восседал в позе барина, подошел и подал мне стакан с водой. Осушила до дна за пару глотков и глазами потребовала еще. А пока он наливал, быстро осмотрелась.

– Чья это спальня?

– Твоя, – скупой ответил вожак, всучивая мне в руки полный стакан и возвращаясь к голубому креслу на фактурных ножках, к которому он, судя по всему, успел прикипеть всей душой.

– Моя? – удивлению не было предела. Потому что свою спальню я помнила хорошо, и она ни единой мелочью не походила на ту, в которой я так внезапно очнулась.

У меня не было такой огромной кровати, с которой надо было слезать как с горы. Как не было алых шелковых простыней, создающих впечатление, будто здесь готовились снимать фильмы для взрослых. И я ни за что на свете не стала бы устраивать спальню в комнате без окон.

– Что-то ты попутал, Гриша.

– Эту комнату для тебя оборудовал Макс. Не лично, конечно. Но она целиком твоя.

– Какая щедрость, – с ехидством отреагировала я, подползая к краю постели. – Едва сдерживаюсь, чтобы не рассыпаться в благодарностях.

– Но тебе отсюда не выйти, – огорошил Гриша. Я застыла, успев спустить с кровати лишь одну ногу. – А к тебе могут входить только двое – я и Макс.

– А здесь есть еще кто-то?

– Ну, да, – Гриша поправил зачесанные наверх волосы. – Здесь постоянно кто-то есть. Днем – сотрудники. Официанты, повара, уборщики. Почти все они оборотни из моей стаи. Вечером приходят еще танцовщицы, массажисты, крупье и прочая наемная сила для проведения досуга. Ближе к двенадцати часам подъезжают гости – публика специфическая, кого только не встретишь. Есть даже те, которые по телеку регулярно мелькают. Так что, в «Шанхае» редко бывает за-

тишье.

– Погоди, – я потрясла головой, словно пустым бидоном. – Мы всё еще в ночном клубе?

– А ты думала, повыпендриваешься перед Максом в стиле солдата Джейн и он с легкой душой тебя отпустит? – рывкнул на меня вожак да с такой силой, что я испытала едва контролируемое желание заползти обратно под шелковое одеялко. Оно, по крайней мере, на меня не орало. – Зачем нужно было так рисковать? Он давно не тот парень, с которым ты дружила в университете. Сейчас Макс готов на всё.

– Да уж, заметила, – пробурчала я, содрав с плеча кусок пластыря, который был необходим, чтобы удержать края раны вместе. – Вот только непонятно – зачем ты здесь? – и я заглянула оборотню в глаза. – Макс оставил сторожить? Но если мы в «Шанхае», значит, из подвала меня унесли недалеко. И шансов сбежать немного.

Парень молчал, не сводя с меня глаз и даже не моргая.

– Тебя оставили отыграть положенную по сценарию роль? Макс был плохим полицейским, а ты явился, чтобы продемонстрировать доброту, сочувствие и пробудить во мне желание сотрудничать?

– Ты не понимаешь, – с неожиданной страстью начал Гриша, но был самым неблагоприятным образом перебит.

Мной.

– Да всё я прекрасно понимаю! Вам нужна Фируса! Мне она тоже нужна, поверь! Как минимум, для того, чтобы по-

орать и высказаться! Но только ни ты, ни Макс не хотите меня услышать – я понятия не имею где она!

– Что случилось? – собрал бровки у переносицы мой персональный спальнехранитель.

– Ничего, – буркнула я, спустила вниз вторую ногу и поболтала ими в воздухе. Кровать была такой высоты, что мне придется с неё спрыгивать. – Руся намекнула нам, где скрывается. Мы пришли. Но её там уже не было! Зато имелась незапертая дверь квартиры и избитый полуголый мужик в лифте!

– Надо же! – с плохо скрытым злорадством отреагировал главарь волков и сложил ручки на груди. – Неужели муза смогла справиться с Мишкой? Он же вроде парень не хилый.

И я поняла, что провалилась. Все мои старания по защите Романова и вообще не причастного к этой истории журналиста пошли прахом.

Они уже всё знали.

А ведь я так старалась...

– Откуда? Откуда ты знаешь?

Гриша устроился поудобнее и заявил:

– В день, когда твою подругу подстрелили, она выбралась из своей норы, чтобы встретиться с Романовым.

– Ты стрелял? – прямо спросила я.

Гриша в ответ расхохотался, запрокинув голову назад.

Хорош, гад, очень хорош. И знал это, и показывать не боялся. Макса тоже не боялся, признавал за ним право руко-

водить, но не командовать.

Эти двое находились практически на равных, и всё же, Гриша уступал, оставаясь на шаг позади. То ли намеренно, то ли нет. Вычислить было сложно.

Да, прав был Ян, в моей жизни слишком много мужчин.

– Нет, стрелял не я. Мне было не до твоей подружки. Я был занят. У меня, знаешь ли, есть и другие дела, помимо вас троих.

– Удивлена и шокирована! – округлив глаза, кивнула я. Но быстро перестала дурачиться и спросила: – Если не ты, то кто тогда?

– Точно не знаю, – нехотя признался вожак. – Я сперва думал на ягуаретт, но это не их методы, не привыкли они стволами махать. Может, твоя подружка еще кому дорогу перебежала?

Я пожала плечами.

– Она по-твоему кто, черная кошка?

– В общем, где-то муза свою мордаху засветила, раз пулю поймала, – он почесал ухо и осторожно поглядел на меня исподтишка. – До тебя не доходили слухи про нанятых Лозовским людей?

– Под «людьми» ты подразумеваешь в буквальном смысле людей? – я была удивлена.

– Да, – подтвердил Гриша. – Не слышала? Помимо ручных котят у него появились и ручные громилы. Среди них кого только нет – бывшие военные, незадачливые спортсме-

ны, продажные менты и просто товарищи, готовые за большие деньги сделать всё, что прикажут. Для какого-нибудь мастера спорта по стрельбе не большая трудность продырявить музе голову.

– Мастера спорта редко промахиваются, – проворчала я.

– Промахиваются даже снайперы, – не согласился со мной оборотень. – И в том-то и дело, что стрелявший в голову не целился. А пытался подстрелить, но так, чтоб без летального исхода.

– Руся нужна была живой, – протянула я. В этом случае Лозовский действительно подходил лучше всех.

– Да, когда мои волки подъехали, муза уже скрылась, оставив на память о себе лишь кровавые пятна на асфальте. Она оказалась смышленной, воспользовалась отсутствием у преследователей знаний местности. И улизнала. Там, где за ней гонялись дворы такие, что даже для обитателей района добраться домой – целый «Форт Боярд».

– То есть, там падают монеты и гуляют тигры? – не удержалась я от ехидного замечания.

– Голубиное говно там на голову падает! – сурово отрезал Гриша. – А гуляют бомжи и круглогодично озабоченные коты, метящие всё подряд. Остановишься на улице дольше, чем на пару секунд и тебя тоже пометят!

– Очаровательно, – выдохнула я с восхищением во всем организме, но дальше уже серьезно: – Думаю, я знаю, как нашли Руську. Лозовский приобщился к современным тех-

нологиям и начал активно использовать городские камеры. Но, – я сделала задумчивый вид, – как об этой вечеринке с огнестрелом прознал ты и твои пёсики?

– Ты ведь уже поняла, что у меня есть свои каналы для получения информации, – выдал очень широкую и очень искреннюю улыбку оборотень.

– Называй вещи своими именами, – скривилась под многозначительным взглядом Гриши. – Среди ягуаров есть кто-то, кто работает твоим доносчиком. И он же сообщил тебе, что ребята Лозовского засекли Руську.

Гриша кивнул и заулыбался еще шире.

А потом склонился близко-близко и прошептал, глядя мне в глаза с расстояния меньше полуметра:

– Там были мои волки. Там был Лозовский и его сподручные. Вот только... все дружно заявляют, что ни один из них не стрелял. Стрелял кто-то третий.

Дверь широко распахнулась и через порог переступил Макс. Я успела заметить, как за его спиной мелькнуло чье-то мощное туловище, затянутое в черную форменную одежду. Макс оглянулся через плечо и дверь прикрыл, распорядившись в сторону вервольфа:

– Ты свободен. Оставь нас.

Гриша подчинился не сразу. Сперва он вопросительно взглянул на меня. Я в ответ развела руками, мол, ничем не могу помочь и понятия не имею, чего вам двоим от меня нужно. Оборотень глаза отвел и с тяжелым вздохом поднял-

ся. Сунув руки в карманы, мужчины замерли друг напротив друга. Роста они были почти одинакового, разве что Гриша чуть повыше, да и в телосложении один другому не уступал.

– Ты хочешь мне что-то сказать? – с вызовом приподнял бровь Макс, не отворачиваясь от вожака.

– Да, – без страха и колебаний ответил Гриша. – Но скажу потом, когда будем наедине.

– Жду, не дождусь, – равнодушно бросил мой бывший друг, обошел оборотня и приблизился к кровати, на которой оставалась сидеть я. – А теперь можешь заняться своими делами.

– Не сомневайся, займусь, – кивнул вожак, поглядел на меня с мелькнувшей на дне зрачков затаенной тоской, такой, что хоть вместе с ним на луну вой. А потом ушел.

Как только дверь за ним захлопнулась, Макс вернулся и провернул ключ в замочной скважине.

Стало жутко. Впервые в жизни рядом с ним мне стало чертовски страшно, до такой степени, что затряслись руки и перехватило дыхание.

Глава 9

– Что ты задумал? – вырвалось у меня.

– Ничего такого, – спокойно повернулся он ко мне, – чему бы ты смогла помешать. Так что, нервничать и беспокоиться не имеет никакого смысла.

Перемены в нем невозможно было не заметить. И пусть мне регулярно приходилось сомневаться и задаваться вопросом, а знала ли я вообще настоящего Макса, всё же хотелось верить, что невозможно притворяться полностью. Невозможно создать новую личность с нуля. Любая роль всегда имеет под собой в основе самовоспроизведение. Сколько ни старайся, а истинная натура вылезет наружу, проступит как ржавчина из-под слоя неправильно нанесенной краски.

Макс присел на край кровати, желая быть поближе ко мне, а я наоборот – отползла подальше, уткнувшись лопатками в металлическую спинку кровати.

– Тебе нравится комната? – любезно улыбнувшись, начал он, обведя рукой пространство вокруг.

– Нет, – честно выдала я.

Его присутствие нервировало так, как нервирует затяжная реклама или песня с назойливым мотивом, повторяющимся снова и снова. В какой-то момент начинает казаться, что в мире больше не существует другой музыки, и конкретна эта заполнила собой всё.

– Почему? – он был искренне обескуражен моим ответом. Ждал, что я кинусь ему на грудь с благодарственным воплем?

– Потому что я не декоративный хомячок, чтобы меня в клетке держать, – с яростью зашипела я на него.

– Я знаю, что ты не хомячок, – не меняясь в лице, ответил Макс. Сделал одно стремительное движение и оказался рядом со мной, так близко, что я ощутила движение его груди, вздымающейся в такт потяжелевшему дыханию. – Ты – моя любимая женщина, ты та, которую я буду ждать у алтаря.

Он скользнул взглядом вниз по моему лицу, сосредоточившись на губах. А вскоре к взгляду присоединились и руки. Его пальцы аккуратно притронулись к моей щеке, будто бы пробуя, будто не веря, что я здесь и я – настоящая.

– Я что, похожа на призрака? – невольно сорвалось с моего языка. – Ты так на меня смотришь...

– Не могу поверить, что ты рядом. Полностью в моей власти... Наконец-то.

Я попыталась отодвинуться, но сзади была стена, а спереди – он, весь какой-то чужой, массивный...

– Ты меня боишься? – он провел пальцем по линии челюсти, остановившись на подбородке и начал поглаживать его, немного растерянно, немного задумчиво.

– Тебя это удивляет? – мне стало смешно, но это был больной смех с горьким привкусом потери.

Хотелось плакать. Я вновь погружалась в так ненавист-

ное мне ощущение... беспомощности. Чувство, которое я ненавидела больше всего на свете. Чувство, которого я больше всего боялась. Я так много сделала, чтобы избавиться от него, но оно по-прежнему оставалось со мной. Так было в детстве, так продолжалось и сейчас.

– Это приводит меня в ярость, – с губ Макса сорвался смех, тихий и зловещий, словно крадущийся под руку с чем-то, что готово было рвать, грызть и выгрызать.

– Рада, что тебе весело, – а вот мне было совсем не до веселья. Наоборот, покрывающейся потом кожей я чувствовала, как подбирается паника.

– Дdiamанта, – с наслаждением, как будто прокатывая мое имя по языку проговорил Макс. Ласково так, нежно. Ничего подобного я в жизни от него не слышала. Было всё – насмешки, подколки, споры, ссоры. В последнее время угрозы и даже, как показали недавние события, насилие, но чтоб вот так, с придыханием глядеть, будто на мне весь мир клином сошелся, будто он готов был убить всех, лишь бы я жила... Такого я никогда не видела, и более того – никогда не хотела увидеть. Не любила я подобную одержимость, потому что... фанатики – они самые опасные.

На всякий случай попыталась состряпать вежливую улыбку, чтобы как-то стабилизировать ситуацию, но неожиданно добилась обратного эффекта.

В глазах Макса мелькнуло то, что я никогда раньше не видела.

В нем.

Но видела в кое-ком другом.

Невольно отшатнувшись, я дернулась в сторону. Проехалась попой по шелковым простыням, которые были такими скользкими, что хоть санки доставай, и едва не грохнулась с кровати. Макс сориентировался мгновенно. Рванув вперед, он в последний момент подхватил меня под спину, останавливая падение.

Мы замерли.

Я – у него на руках, словно большая игрушка, вцепившись в воротник тонкого светлого пуловера. Он – нависший надо мной, словно утес над морем. И так же, как и каменная гряда останавливает движение воды, он остановил меня.

Глаза Макса вспыхнули и засияли, подобно небольшим солнцам, вот только эти солнца слепили голубым. Цвет был таким ярким и таким насыщенным, наполненным огромной силой, что я закрыла лицо ладонью, а когда убрала её, на меня глядело человеческое лицо с двумя вертикально вытянутыми змеиными зрачками, демонстрируя чужую личность и чужую волю.

– Не отводи взгляд, – приказал он и в его голосе послышалась далекая мелодия, навевавшая мысли о давно истлевшем и обратившемся в прах древнем городе, который ныне – лишь пара десятков строк в учебниках по истории. – Смотри внимательно.

Дрожь ужаса прокатилась по телу.

– Значит, – с трудом вымолвила я, еле размыкая челюсти. – Морин недалеко уехала?

– Верно, – величественно кивнул Макс. – Она меня предала. И поплатилась за это...

– Где она? – мои руки помимо воли стиснулись, отчего ткань под пальцами угрожающе затрещала.

– Мертва, – равнодушно проронил Макс, приближая свое лицо к моему. Но пугало не это. Пугало то, что он смотрела на меня, а ощущение было будто заглядывает в самое сердце и видит то, кто до него никто не видел.

Я еще не успела начать воспринимать Морин как часть своей семьи, а уже потеряла её.

Стало грустно. Она не должна была умереть. И всё же её больше не было, потому что в словах Макса, а может быть и самого Змея, который теперь сидел в моем бывшем друге, я не сомневалась.

– И что? Вы теперь мыслите вместе или по отдельности? – я не могла не задать этот вопрос, слишком давно хотела получить на него ответ.

– Когда как, – качнул головой бывший друг и ловко переложил меня на подушки, лежать на которых было несравнимо удобнее, чем болтаться в воздухе на одной лишь мужской руке. – Иногда вместе, а иногда по отдельности.

– А идея покровсать меня на куски принадлежала Максиму или Змею? – прямо спросила я.

Взгляд его потемнел и наполнился чем-то очень нехоро-

шим. Прикоснувшись к моему плечу, где кожа вокруг разреза до сих пор была красной, припухшей, вздутой, он нежно пробежался кончиками пальцев по кровавой корке.

– Мне жаль, что пришлось причинить тебе боль. Мне невыносимо видеть раны на твоём теле. Я этого не хотел... ни один из нас не хотел. Но ты не оставила нам выбора.

– Выбор был, – выплюнула я ему в лицо. – И ты выбрал неправильно!

Его пальцы, лежащие на моем плече, с силой сжались, вспарывая не успевшую зажить плоть, которая была повреждена не просто абы каким клинком, а серебряным. И возможно даже заговоренным.

Застонав, я попыталась оттолкнуть его от себя, но это было всё равно, что пытаться бороться с Годзиллой.

Решив повторить предыдущую неудачную попытку, я согнула правую руку в локте, отвела назад и замахнулась, метя Максу в кадык. Одновременно левой попыталась перехватить его запястье, чтобы выкрутить в болевом приеме.

В какой-то момент мне даже показалось, что всё получилось. Ровно до той секунды, когда он легко перекинул меня через себя, мы еще раз перекатились на постели, ширина которой позволяла играть на ней не только в такие игры, но даже в прятки, и упал сверху, вздернув мои руки вверх.

Я задрожала с прежней силой, сама поражаясь такой реакции.

– Тебе страшно, – словно прочитав мои мысли, произнес

Макс с улыбкой, которую можно было бы назвать загадочной и даже где-то сочувствующей, но всё портил внимательный и безоговорочно жестокий взгляд. – Но это всего лишь эмоция. И это пройдет. Со временем ты успокоишься, привыкнешь и увидишь во мне то, что и должна видеть.

– И что же я увижу? – мои зубы громко стукнули.

– Свою судьбу. Ты увидишь во мне мужчину. Своего мужчину, – он провел рукой вдоль виска, поправляя мои волосы и наслаждаясь каждым прикосновением. – Мужа и повелителя. В твоём мире останусь только я. А все остальные, даже Князь, исчезнут. Будем только мы. Ты и я. Это то, чего я хочу больше жизни. И я готов отдать всё, что имею – за любовь. Твою любовь. Весь мир – за одно твоё «люблю». Не плохой обмен, правда? Я сделаю всё для того, чтобы ты принадлежала мне. Не только телом, но и душой, сердцем, мыслями. Даже если мне придется действовать жестко, даже – если потребуется нарушить все правила и сломать всё, что построено. Победа любой ценой – вот, что мне нужно. Любой другой исход – не возможен.

– А что насчет меня? – обрывая глухой всхлип, спросила я, отворачиваясь от него. – О моих желаниях ты не хочешь спросить?

– А зачем? – вскинул он брови. – Я знаю, какой ответ ты дашь мне сейчас. В вопросах нет смысла. Но однажды я все-таки спрошу. В нужный день и в нужный час ты ответишь «да».

Больше слушать я не могла. И прибегла к тому единственному, что еще имелось в моем распоряжении.

К моей магии.

Перед мысленным взором проступили необъятные, безграничные лазурно-бирюзовые просторы, преисполненные свободой. Свобода чувствовалась в каждом всплеске волны, в каждом вздохе ветра, в каждом солнечном луче, которые золотыми стрелами пронизывали водную гладь.

Я увидела стайку знакомых дельфинов, резвящихся недалеко от берега, соревнующихся в изящности прыжков. Заметила, как на дне, словно учуяв моё присутствие, выбрался из песчаного холмика пестрый морской звездочет. Услышала вскрик чайки, метнувшейся вниз как раз в тот момент, когда у поверхности вильнула хвостовым плавником какая-то рыба.

И я начала призывать силу. Я потянулась к ней, как тянутся в объятия матери – с радостью и надеждой, рассчитывая на защиту. Я уже чувствовала вкус соли на губах, шум прибоя в ушах и ласковый шепот стихии. Я отвергала её и не раз. Но она неизменно принимала меня обратно, как принимают блудную дочь, вновь стучащуюся в родные двери. Дочь, которой позволяли искать свою дорогу и совершать собственные ошибки, зная, что она справится. Зная, что путешествие – не только путь из дома, но и домой. Потому что для этого и нужен дом – чтобы было, куда возвращаться и после долгих лет отсутствия отмечать, насколько узкими стали двери

и низкими потолки.

– Я готова оказаться на дне, – зашептала я под успокаивающеся биение сердца. – А ты готов?

Обхватив Макса ногами за талию, я вместе с ним нырнула в воду, которая стояла перед моими глазами.

Но... случилось не то, что я ожидала.

Острая боль прокатилась по коже, вонзаясь, ввинчиваясь в каждую клеточку тела. Я будто вспыхнула. И горела.

Я горела и сгорала заживо.

– Не смей! – прорвался сквозь мой собственный крик вопль Макса. – Не смей призывать магию!

И то ли он меня затряс, то ли я сама по себе затряслась, но кровать под нами заходила ходуном, как при землетрясении. Хотя я точно знала, что никакого землетрясения не было. Катаклизм был внутри меня. В какой-то момент боль достигла своего пика и показалось, будто меня сейчас разорвет.

А потом всё закончилось. Просто в один момент. Боль отступила, как будто кто-то дернул стоп-кран несущегося на меня поезда. И железный состав, жутко взвывая тормозными колодками, подчинился, остановившись за секунду до столкновения.

Я открыла глаза и сквозь пот, стекающий со лба вниз по лицу увидела склонившегося надо мной Макса. Его рука лежала на моей груди. С пальцев срывались ярко-голубые, переливающиеся сталью искры, которые едва появившись, быстро исчезали внутри меня. Моя кровеносная си-

стема светилась, как если бы я проглотила небольшую луну и она, подсветив меня изнутри, обнажила сосуды, вены, артерии. Вся я в этот момент выглядела как переплетение нитей различной толщины, длины и яркости.

– Ты не должна была этого делать, – цедя ругательства сквозь зубы, рыкнул Макс. – Здесь всё защищено серебром и не простым. Его создала для меня Морин.

– Которую ты убил, – простонав, напомнила я.

– Другие не важны, – холодно проронил он. – Важна лишь ты.

Глава 10

Я зло расхохоталась, приподняв голову над подушкой. Постель была неприятно влажной от пота.

– А как же Руся? Из-за неё ты готов был швырять в меня ножом, пока живого места не останется.

– Она нужна мне для проведения обряда подселения жрицы, – ответил Макс, продолжая испускать искры, которые проникали в грудь и согревали её изнутри, слегка щекоча и отгоняя то, что едва меня не погубило. Я чувствовала во сто крат возросшую силу, с которой могла бы побороться только в своей родной стихии, имея в распоряжении всю силу мирового океана. – Если я не приведу музу, Нуатль начнет убивать.

– И что? – я без сил уронила голову, которая вдруг стала очень тяжелой. Всё тело было слишком тяжелым. – Тебе жаль её предполагаемых жертв?

– Да, – отрывисто проговорил Макс. Сияние на его пальцах потухло, испустив последнюю жменью светящихся частиц. И убрал руку. – Потому что она начнет с твоей семьи.

Я была изранена, измотана, порезана и заперта, и всё же критическое мышление было при мне, а потому я скептически поинтересовалась:

– Это каким интересно образом? В наш мир эта гадина ползучая может попасть только через мое зеркало. А оно у

меня дома. А моя семья НЕ у меня дома.

– Жаль тебя разочаровывать, – начал Макс и по его тону я поняла – грядет что-то ужасное. – Но зеркало забрали.

– Чего?! – подорвалась я, но тот же миг тихонечко сползла обратно, мысленно желая Максиму удавиться.

– Нуатль подстраховалась и приказала змеелюдям забрать зеркало из твоей квартиры.

– Что... что они собираются с ним делать?

– Не знаю. К змеелюдям трудно подобраться. Они, скажем так, очень специфичные создания. Нуатль всегда была хитрой и предусмотрительной и создала этих тварей не просто так. Они верны ей полностью, так что, сделают то, что прикажет им их госпожа. А она сейчас очень и очень зла.

– На тебя? – догадалась я и вспомнила слова Морин. – Подожди, а как вы со Змеем провернули подселение? Тебе ведь нужен был амулет моей матери, чтобы открыть дверь в Изнанку.

– Как выяснилось – нет, – криво ухмыльнулся Макс и лег рядом, переместив мою голову себе на грудь. Одну руку он положил на мой живот, начав легонько поглаживать, а другой приобнял за плечи. И сперва мне удавалось игнорировать, но с каждым новым движением его руки по моему телу растекались круги тепла от той точки, к которой прикасались его пальцы. Нежные поглаживания странным образом успокаивали. Он гладил мой живот, а по ощущениям будто бы касался чего-то глубокого внутри меня. – Она наврала тебе.

Морин. И мне тоже наврала, но под пытками стала честнее. Не только амулет твоей матери может открыть дверь в Изнанку. Этой функцией были наделены все три артефакта, созданные Табити. Просто таким образом она пыталась обезопасить себя, пусть даже подставив тебя. Морин в первую очередь спасала свою шкуру. Так было всегда. Думаешь, почему она вдруг засобиралась за границу? Она удирала.

– Откуда ты знаешь, что сказала мне ведьма? – рассеянно спросила я, прислушиваясь к его сердцебиению. Оно было ровным, сильным, напоминающий размеренный бой в барабан. Очень скоро что-то во мне начало вторить этому звуку, словно подстраиваясь под него, синхронизируя какие-то внутренние процессы и запуская создание чего-то нового. – Это был телефонный разговор.

– Я прослушиваю все твои разговоры, – так, словно это было само собой разумеющимся, проговорил Макс, положив ладонь на мой затылок и губами прильнув к волосам.

– Я звонила с телефона Нисы.

– Её телефон я тоже прослушиваю.

– Зачем? – тело успокоилось, сердце затихло и меня начало клонить в сон. Но я не сдавалась и пыталась думать, заставлять мозг работать, удерживаясь за те обрывки мыслей, которые еще будоражили ум.

– Потому что я всегда должен знать, где ты и с кем, – он легонько погладил меня по голове, запуская пальцы в волосы.

– И чтобы вовремя подоспеть, когда ситуация начнет выходить из-под контроля, – вяло хмыкнула я.

Веки тяжелели, меня утягивало в сладкий сон.

– Конечно, – не стал спорить Макс. – Потому что я – тот, кто должен защищать тебя, – он прикоснулся губами к моему лбу, подарив мимолетный поцелуй. – Разве так было не всегда? С самого первого дня нашего знакомства я старался оградить тебя от всего мира. Ты просто этого не замечала...

– А на самом деле... нужно было ограждать мир от меня, – пробормотала я сонным голосом. – И Морин тоже погибла из-за меня.

Тело Макса напряглось, но он быстро отследил перемены и постарался вернуться в расслабленное состояние.

– Тебе не в чем себя винить. Твоя недавно обретенная родственница сама во всем виновата.

– В чем? В том, что решила выйти из игры?

– В том, что наврала мне! – Макс вздохнул, стараясь сдержать рвущуюся изнутри тьму. – Морин спела мне ту же песенку, что и тебе. Но с самого начала вся эта история с амулетами показалась мне подозрительной и нелогичной. Почему у всех трех амулетов одна задача, но самой ценной функцией наделен только один? Если твоя бабушка предполагала, что однажды может возникнуть потребность открыть дверь в Изнанку, то почему решила, что одного «ключа» будет достаточно? Нуатль могла напасть и утащить душу любой из трех сестер. И даже не одной. Первый амулет мог потерять-

ся, его могли выкрасть или уничтожить. Табита не могла не подумать о запасном плане. Такие, как она всегда протапты-вают несколько дорожек. Подумав так, я решил проверить свои догадки.

– Пытками? – его объятия убаюкивали.

– Бывают ситуации, когда ты либо делаешь то, что должен, – откровенно начал Макс, его пальцы, касавшиеся моих волос, разъяренно сжались.

– Либо?

– Либо теряешь всё. Я пошел по первому пути.

– А ты думал о последствиях?

– Иногда о них лучше не думать. Так легче...

– ...спать? – мне очень хотелось спать и сопротивляться этому желанию было всё труднее.

– Идти к своей цели. Всё остальное – лишь сопутствующие потери.

– Значит, ты перехватил Морин... кстати, как? Она ведь ведьма. Или богиня? Я запуталась.

– Ни то, ни другое, – плавное движение его руки возобновилось. – Ведьмой она прикидывалась, а богиней никогда не была. Но сумела создать себе качественный имидж и нужную репутацию.

Я кивнула, принимая его ответ как данность.

– Как ты отнял у неё амулет я уже поняла, но как ты вынудил Морин провести ритуал?

– О подробностях создания симбионта я узнал еще рань-

ше... из других источников. И моих знаний оказалось достаточно, чтобы справиться самому. Я привык... всё делать сам.

– Что ты посулил Нуатль? Каким образом заставил её отпустить Змея?

– Она хотела получить тебя. По её мнению, ты способна выдержать больше других. А еще потому, что ты дочь своей матери.

– И ты пообещал отдать меня ей?

– Да.

– И я здесь в ожидании проведения ритуала? – это предположение показалось логичным, последовательным и весьма в духе того, кем теперь являлся Макс. – А кто его проводить-то будет? Ты?

– Нет, ты здесь, потому что так хочу я, – я пошевелилась, пытаюсь приподняться и заглянуть ему в лицо, но рука Макса остановила меня, не дав даже отнять голову от его груди. – Она чуть-чуть взбесилась и приказала змеелюдям утащить зеркало.

– Заводишь врагов со сверхскоростью, – я широко зевнула не разлепляя глаз.

– Очень скоро она перестанет быть моим врагом и станет союзником.

– С чего бы это?

– Потому что я отдам ей кое-что, во сто крат лучше строптивой музы, которой жить осталось полтора дня. Возмездие идет по её душе, и от него ей уже не удрать.

– «Кое-что» – это что?

– Твою мать. Решение настолько гениальное, что когда мне его предложили, я даже не сразу осознал всю его прелесть. Всё оказалось восхитительно просто!

Сперва я не поверила услышанному. А после мелко задрожала в приступе большого смеха, который даже немного отогнал сон.

– Всех богов тебе в помощь, – моргая тяжелыми веками, напутствовала я с новой силой сжавшего меня мужчину. – Не знаю, как на счет Фирусы, но мою мать тебе в жизни не найти.

– Найти, – не согласился Макс, прикоснувшись губами к моему виску и задержавшись возле него на несколько долгих мгновений. Я не сопротивлялась. Уровень сил упал до отметки минус, да и бессмысленность подобной затеи была кричаще очевидной. Если раньше мы были на равных, то теперь он стал сильнее и силу свою демонстрировать не стеснялся. А у меня... у меня пока не было пространства для маневров. И я об этом помнила. – Если правильно спросить у правильного человека.

– Отец ничего не скажет, – сонно пробормотала я, почти засыпая, ведь борьба оказалась неравной.

Отец был той еще сволочью, но кое в чем не сомневался никто, даже я. Король Таллас терпеть не мог отдавать то, что считал своим.

– Скажет, если ему придется выбирать между любимой

дочерью и женой, которую он не видел больше двадцать лет, – Макс был непреклонен. – Он, как и я, хочет уберечь тебя.

– Не..., – начала я, но теплые пальцы легли на моё лицо, накрывая губы.

– Спи, – выдохнул он в ухо и почему-то это подействовало. Под его мягкое нашептывание меня окончательно утянуло в объятия Морфея. – Спи, моя драгоценность. Моя маленькая девочка... Здесь ты в безопасности. Здесь эта поганая муза тебя не достанет...

Разбудил меня он же. Но не тем способом, которым отправил в сон. А... поцелуем.

И это было очень странно, просыпаться с мужскими губами на своих, с мужским лицом у своего лица. Чувствуя его громкое прерывистое дыхание и свежий запах туалетной воды с ненавязчивыми душистыми нотами.

– Малышка, – оторвавшись от меня, проговорил Макс и звук его голоса был единственным, что нарушало гулкую тишину комнаты. – Просыпайся.

Я протестующе застонала и попыталась перевернуться на другой бок. Но он не позволил этого сделать, положив ладонь на щеку. Обхватив мою голову обеими руками, бывший друг сперва заставил меня сесть, а после посмотреть на него.

– Мне нужно обработать твои раны. Слышишь? Из-за серебра они плохо заживают. Если не промыть, начнется нагноение.

Я бездумно кивнула, всё еще окутанная дурманом сна. Покорно следуя за его движениями, направляющими меня, я перебралась к краю кровати и спустила ноги вниз. Воздух показался очень холодным, словно кто-то включил и забыл выключить кондиционер. Я поежилась, потеряла плечи руками, пытаюсь прогнать гусиную кожу, и закашлялась. Кашель был сухим, надсадным. Он рвался из груди, сотрясая тело и заставляя болеть легкие.

– Тебе плохо? – обеспокоенно спросил Макс, чье лицо плавало размытым пятном перед моими глазами.

– Не знаю, – просипела я, в перерыве между приступами. – Мне постоянно плохо. Примерно, последние лет десять...

– Почему?

– Потому что нельзя отречься от магии... Нельзя предавать.

Показавшиеся обжигающе-ледяными пальцы Макса легли на мой лоб, и я поняла, что меня трясет не только от кашля.

– У тебя жар, – пробормотал он, обнимая лицо ладонями и пытаюсь заглянуть в глаза.

– Внутри всё болит, – пожаловалась я. И это было правдой. Голову стальным кольцом сковывала мигрень, горло саднило, говорить было больно и кожа будто огнем горела.

– Странно, – с сомнением, в котором тонкой струной зазвенела неподдельная тревога, протянул Макс. – Как ты могла заболеть?

– Угадай, блин, – попыталась съязвить я, но кашель пресек

все мои саркастичные импровизации.

– Это из-за серебра? – предположил Макс, легко подхватил на руки и вместе со мной забрался на постель, чтобы уложить обратно на еще не успевшие остыть простыни.

– Из-за всего, что ты со мной сделал, – решила окончательно просветить его я.

– По сравнению с тем, что хотят и могут сделать с тобой другие – это ерунда, – вмиг разозлился Макс, натягивая на меня сверху одеяло.

Я шире распахнула глаза, пытаюсь таким весьма паршивым способом потребовать объяснений, потому что говорить было тяжело и каждый раз, когда я открывала рот, наружу вырывалось судорожное «кхе-кхе».

– Ди, – с сожалением покачал головой Макс, приподняв край одеяла, чтобы оценить состояние раны на плече. – Ты так и не осознала, как влияешь на мужчин. Есть в тебе что-то, что притягивает взгляд. Заставляет смотреть на тебя. И чем дольше смотришь, тем меньше хочется отворачиваться. Многие мужчины, в которых ты даже мужчин не видишь, смотрят – и насмотреться не могут. Так и бывает, когда любишь кого-то...

– У кого из нас двоих жар? – прошептала я, прикрывая веки и позволяя Максиму делать со мной всё, что хочется. – Потому что бредишь точно ты.

– Нет, не брежу, – легко отверг мое предположение бывший друг, а теперь... а кто его знает, кто он мне теперь? –

Если тебе нужны примеры – пожалуйста. Гриша.

Кровать пошевелилась, Макс встал. Удаляющиеся шаги, шуршание в дальнем углу комнаты, хотя при такой-то спартанской обстановке, чем таким он мог там шуршать было хорошим вопросом, но не успела я им задаться, как он вернулся. Матрас вновь покачнулся, он сел, с глухим стуком поставив на прикроватный столик что-то не тяжелое, но объемное.

– А что с Гришей?

– Гриша обязан мне если не всем, то очень многим. Именно с моей помощью он возглавил стаю. Его собственной силы было недостаточно. В своей предыдущей стае он смог завоевать некоторый авторитет и даже найти сторонников, многие волки поверили в него, увидели в нем своего нового лидера. Но этого было мало, в чем парень убедился, когда пошел против своего прежнего вожака, бросив ему вызов. В том бою он едва не погиб. И будь на месте его соперника кто-то, чуть более жестокий, Гриша бы испустил дух той же ночью. Но ему позволили выжить и даже сбежать. Я подобрал оборотня ночью, на обочине. Окровавленного, истерзанного. Бредя босиком в одних порванных джинсах по грязным, припорошенным дорожной пылью снежным сугробам, он придерживал почти полностью оторванную руку. Я помог ему залечить раны, а после – отправил к местным вервольфам. Там его приняли и даже не стали задавать вопросов, чем таким он не угодил предыдущей стае, что его не про-

сто изгнали из семьи, но и вышвырнули из города, отправив искать себе новое пристанище. Именно клятва мне придала ему силы. Не только он дал мне дополнительные ресурсы, но и я ему. Потому что никакая магия не работает исключительно в одну сторону. Мы объединились, и после второй попытки, на этот раз удачной, он сел на их волчий трон, который так желал.

– Трогательное повествование, – сдавленно проговорила я, сдерживая кашель, рвущийся наружу. – Но при чем здесь я?

– До твоего появления Гриша был полностью предан мне. Не только из благодарности, но и потому что никогда не был дураком. Он понимал – благополучие каждого из нас зависит от общих усилий. И верил в это, действительно верил, пока не появилась ты. Ваше знакомство положило начало его предательству. Он пошел против меня. Пошел из-за тебя.

Где-то рядом заплескалась вода.

– Гриша встречается с Князем, делится с ним информацией о моих делах, хотя и ненавидит этого вампира. Он делает так из желания помочь тебе. Знает, что я знаю, но не останавливается. А я просто позволяю ему это делать. Как ты думаешь, почему?

«Потому что сам регулярно навещаешь к тому же Князю», – подумала я, вспомнив, как видела Макса у дома последнего.

К коже прикоснулось что-то теплое и мокрое, начало ощу-

тимо пощипывать. Я вытянулась, словно меня тетивой натянули на лук. Зашипела сквозь зубы и услышала успокаивающее от Макса:

– Потерпи немного, скоро станет легче.

– Зачем Грише помогать мне?

– Потому что Гриша хочет тебя себе. Хочет сделать тебя не просто своей любовницей, он хочет сделать тебя своей парой. Знаешь, что значит быть парой у волков? Несмотря на свой весьма своеобразный стиль жизни, волки моногамны. Они выбирают себе спутницу один раз – и навсегда. Если подруга погибает, волк остается один и не создает пару повторно, храня верность своей возлюбленной. Ради своей пары волк готов отдать жизнь, лишь бы вторая половинка выжила. У вервольфа может быть потомство только от любимой, а в случае с вожаком – дети верховной пары считаются самым главным сокровищем стаи. Они растут в окружении всеобщей заботы и любви, их пестуют всей огромной мохнатой семьей. Подруга вожака автоматически восходит на второе место в иерархии стаи. Она – всё равно что он, её слово – это его слово, её решение – это его решение. Никто не может даже бросить ей вызов, она – неприкосновенна. Звучит почти идеально, не правда ли?

Под собственное повествование Макс аккуратно и методично протирает моё плечо, уделяя особое внимание порезу и стараясь не повредить еще сильнее, чем уже сделал это ножом. Я такое старание оценила, но мысленно.

– Не для меня. Ненавижу идеалы, особенно чужие, – проворчала я, терпя боль. – Толку в них никакого, одна лишь головная боль.

– Гришу не интересует, во что ты веришь и что любишь. Он руководствуется инстинктами вожака-оборотня, для которого ты – желаемая и желанная женщина. Вот только жизнь, которую он может тебе предложить, весьма специфична. Обратнем он тебя сделать не сможет, но если ты станешь его подругой, то жить придется по законам стаи. Например, ваша первая ночь должна пройти в присутствии оборотней. Иначе ваших детей никогда не признают, как потомков главной пары. Если вожак погибнет – подруга отправляется следом за ним. На жизнь без него она не имеет права. И должна либо покончить с собой, либо позволить членам стаи убить себя. Ты уже знаешь, как убивают оборотни – разрывают на куски. Подруге вожака придется участвовать во всех ритуалах стаи, а их много, и большинство – покажутся дикими той, что сама не является оборотнем.

Договорив, Макс оставил мое плечо в покое. Совсем рядом что-то вновь заплескалось, будто он решил прополоскать белье.

Приоткрыв и скосив один глаз, я увидела бывшего друга склоненным над тазиком и промывающим кусок белой ткани. Вода в тазике была окрашена в подозрительно светло-зеленый цвет. И вокруг витал аромат трав.

– Тебе нравится меня лечить? – вопрос был риториче-

ским, потому что спокойно мне не лежалось. Хотелось либо сбежать, либо уснуть – другие варианты не устраивали. – Лучше бы тебе нравилось меня не калечить.

– Мне нравится все, что связано с тобой, – невозмутимо согласился Макс. И продолжил: – Мне нравится, когда ты рядом.

– А меня от этого воротит, – упрямство всё еще жило во мне и никаким серебром его не вытравить.

– Ты не сможешь мне противиться, – с тихим смехом, таким интимным, что пробирало до внутренностей, заявил Макс.

Откинув одеяло, он обнажил мое бедро и принялся протирать рану на нем. Его движения были мягкими, плавными, бережными, и это так разительно отличалось от всего того, что было в подвале. И я уже и сама не понимала, какой он – жестокий или любящий, заботливый или беспощадный, злой или добрый. Всё топилося в одном глубоком котле.

Может быть, я зря ищу ту грань, с помощью которой могла бы отделить одно от другого. Потому что он – неделим. Многогранен. Всеобъемлющ.

И любовь его также безгранична, как и ненависть.

– Не хочу быть подругой вожака, – тихо заметила я, накрывая глаза ладонью, потому что свет, который горел в этой комнате без окон не потухая, утомлял и стимулировал ломоту в висках, пробиваясь даже сквозь сомкнутые веки.

– Он может не спросить твоего желания, – просветил меня

Макс. Покалывание, к которому я успела привыкла в руке, распространилось и на ногу, добравшись аж до пятки.

Его заявление мне не понравилось, но не удивило. Прежние законы я помнила отлично, в своё время досконально проштудировав древние талмуды, хранилища наших знаний.

– Старые правила? Право победителя и всё такое? Разве к этой ситуации оно применимо?

– К сожалению, да.

– Можно захватить добычу, но заставить добычу жить с собой невозможно. Ведь добыча остается добычей только до тех пор, пока не победит захватчика.

– Возможно, – уклончиво согласился Макс. – Но на войне нет правил.

– Война... Опасная затея. Развязав одно противостояние, можно увязнуть в другом, гораздо более масштабном.

– Намекаешь, что твоей отец не примет зятя-оборотня и внуков, которые не способны плавать, зато отлично выслеживают зайцев и кабанов? – Макс закончил с ногой и накрыл её одеялом, что не могло не радовать, потому что кожа невыносимо зудела и ныла, будто жили тянули. – Для Гриши это всё не имеет значения. Если он не сможет тебя завоевать, то возьмет силой. И после этого уже никто не сможет вмешаться. Что сделает твой отец? Выведет свои войска на сушу и обрушит на волков?

– Именно так он и сделает, – криво усмехнулась я, не разлепляя глаз.

– И всё равно не сможет тебя найти, – вздохнул Макс. – Думаешь, волки глупы, слабы и наивны? Нет, малышка, них есть множество тайн и особых приемов. Например, по городу разбросано с десятков схронов, мест, где можно спрятаться так, что не найдет даже морской бог. И где тебя будут держать столько, сколько понадобится. Достаточно обшить стены серебряными пластинами – ты и рыпнуться не сможешь. В воде бы еще поборолась, но к ней тебя близко не подпустят. Пойми, для вожака пара – это всё. Гриша жертвует любимыми своими волками, лишь бы удержать тебя при себе. Волков он еще создаст, а вот вторую пару, если признает тебя таковой, ему больше не найти.

Короткий всплеск, кажется, он бросил тряпку в воду, встал и унес тазик обратно в угол.

– Кем бы ни был он, но я – всё еще дочь короля.

– В землях, контролируемых твоим отцом – да, – слышался голос Макса от двери. – Но за их пределами ты – всего лишь девушка, с которой не так уж трудно справиться тому, кто имеет власть и охвачен желанием. Отдыхай. Я скоро вернусь.

Он ушел. Я лежала с закрытыми глазами, размышляя.

В первую и главную очередь необходимо было выбраться из этой почти комфортной тюрьмы и найти Нису. После того, как я не вернулась из туалета, подруга наверняка начала сходить с ума и принялась перетряхивать всех, кто оказался рядом и попал под раздачу. А раздавать подружка умела толь-

ко угрозы и тумаки. Скорее всего, она уже выяснила, кто потрудился над расколом нашей звездной двойки. И конкретно сейчас составляла список претендентов на внеочередной сеанс выбивания зубов. Допустим, я даже успею её перехватить раньше, чем она явится выбивать зубы Максусу.

Но что мне делать потом?

Глава 11

Самой привлекательной показалась идея на время спрятаться. Но где? Дома долго просидеть не дадут, вломятся, выбив либо двери, либо окна, либо всё сразу. К отцу сунуться равносильно прыжку в петлю. Во дворце запрет и дверь охраной подопрет. Лучше всего было бежать из города, и подальше. Но ни одно из известных мне мест на карте не казалось чем-то, частью чего хотелось бы стать. Да и разбираться с проблемами сидя за пару сотен километров не очень эффективная стратегия. А сейчас как никогда важно было быть эффективной.

На ум пришел Князь.

– Надо найти способ связаться с Яном, – прошептала я самой себе в тот момент, когда с тихим шорохом отворилась дверь.

Вернулся Макс.

В руке он держал белую кружку. В неё был горячий напиток, что легко определялось по густому сизоватому пару, поднимающемуся над емкостью.

– Вот, – подойдя, протянул мне кружку Макс. – Выпей.

– Что это? – срывающимся голосом, спросила я, не скрывая подозрения.

– Не бойся, – усмехнулся он и в этом искривлении губ не было ни капли радости, одна концентрированная горечь. Ка-

жется, его ранило моё недоверие. – Я не пытаюсь тебя отравить. Лишь вылечить.

– Сбегал в аптеку? – хрипло поинтересовалась я, с трудом отдирая голову от подушки. Макс, как самый настоящий благородный принц пришел на помощь, придержав за плечи. Обнял своей ладонью мою, дрожащую и липкую от пота, не позволяя кружке выскользнуть из слабых пальцев. – Даже не могу себе представить подобное.

– И не надо, – он поудобнее устроился рядом, не выпуская меня из своих согревающих объятий. – Приготовить отвар я и сам могу, не велика наука.

Я без лишних возражений начала пить. По вкусу напиток напоминал старую пыльную вату.

– Эй, – прижал он меня к себе. Резче, чем хотелось бы и сильнее, чем мог вынести мой ослабленный организм. – Не думай об этом.

– Почему? – выдохнула я в кружку.

– Посмотри на меня, – потребовал Макс.

Я упрямо глядела на свои руки, сохраняя молчание. Шевелиться не хотелось, смотреть на него не хотелось, думать не хотелось. Хотелось выбраться из этого наполненного предательством и лицемерием болота.

Макс подцепил пальцем мой подбородок и повернул к себе.

– Когда я говорю «посмотри на меня», – судорога ярости пробежала по его лицу. – Ты должна смотреть на меня. По-

няла?

Я вновь не отреагировала.

Он сильнее сжал мою ладонь, буквально вдавливая пальцы в керамические стенки кружки и спросил ужесточившимся голосом:

– Поняла?

Я молчала и глядела поверх его головы. Апатия и слабость усиливались, чувство самосохранения подсказывало, что нужно бороться. Но вера в эффективность этой борьбы таяла с каждой минутой.

– Отвечай! – не выдержав молчания, Макс встряхнул меня. Его лицо потемнело, как и глаза, в которых замерцало что-то такое, с чем мне не хотелось бы сталкиваться. Древняя сила, наличие которой в нем раньше не ощущалось, а теперь она была заметнее луны в безоблачную ночь.

Я не знала, был ли это он сам или так проявлялся Змей, который теперь сидел внутри.

Наверное, меня должно было смущать присутствие третьего лица, подслушивающего наши разговоры, которые всё чаще переходили черту дружеских или даже вражеских, обретая флер интимности. Но не смущало.

– Поняла, – прошептала я одними губами, разжимая пальцы, которые больше никто не сдавливал.

Макс среагировал моментально, кружку подхватил и заставил выпить всё до дна. А после силой уложил в постель, накрыв одеялом до самого подбородка.

– Отдыхай, – шепотом приказал он, легко целуя мои пересохшие губы. – Отдыхай и ни о чем не думай.

Потолок над головой завертелся, начало тошнить. Чтобы остановить эту карусель, я прикрыла веки. И за секунду до провала в темноту услышала:

– Каждая из моих женщин мечтает войти в мою спальню и остаться в ней навсегда. Но не ты. Только не ты... Почему не ты?!

Вопрос прозвучал с такой болью, что ею невозможно было не проникнуться. Но варево, которым меня напоили, оказалось сильнее и меня утянуло в череду болезненных сновидений.

Они несколько раз прерывались. Я просыпалась в поту, вся мокрая, с прилипшими к шее волосами. Вновь послушно принимала лекарство. С каждым новым приемом оно становилось всё противнее и будто бы застревало где-то в горле. То ли «повар» стремительно терял навыки, то ли мой организм не оставлял попыток к сопротивлению.

После напитка я забывалась тяжелым, тягучим сном, одновременно дарящим благословенное забытьё и изматывающим так, будто я участвовала марафоне. Периодически сон сменялся дремой, которая обрывалась и наступала без моего на то желанья. Я открывала глаза, видела уже набившую оскомину стенку, переворачивалась на другой бок и засыпала.

Проснувшись в очередной раз, поняла, что больше не мо-

гу лежать. Села, отодрав несколько слипшихся прядей от лица, и сбросила одеяло, под которым было душно и невыносимо.

В комнате я находилась одна, но кресло рядом с кроватью ещё хранило очертания чужого силуэта, словно тот, кто в нем сидел покинул его буквально пару минут назад. Дверь по-прежнему оставалась плотно притворенной, лампочка под потолком продолжала гореть, а мне до истерики захотелось подышать свежим воздухом и увидеть солнечный свет.

Я сползла с кровати, ступила голыми ступнями на холодный пол и оглядела себя. Нижнее белье, в котором я очнулась после подвала, отсутствовало, а вместо него на мне красовалась тонкая майка на бретельках и спортивные шорты. От порезов осталось несколько светлых полосок, а вот ссадины и ушибы исчезли полностью. Горло не болело, кашель не душил. В целом, я оценивала собственное состояние как удовлетворительное. Но нужен был душ, а еще лучше – ванная, чтобы смыть с себя пот и остатки всех тех дней, которые я провела в местных застенках. Санузел, к сожалению, в моей темнице был не предусмотрен и это с одной стороны печалило, а с другой – предоставляло отличный предлог.

Подойдя к двери, я аккуратно потрогала ручку, а после попыталась её повернуть. К моему величайшему удивлению дверь легко поддавалась и передо мной предстала темнота. Неуверенно перешагнув через порог, я посмотрела направо,

посмотрела налево, ничего и никого не увидела, и сильно удивилась.

– Комната открыта, охраны нет, – пробормотала я себе под нос. – И что бы это могло значить?

Из двух имеющихся направлений нужно было выбрать одно. Но я понятия не имела, в какую сторону бежать, потому темнота, сколько бы я в неё не всматривалась, оставалась неприступной и настораживающей.

Потоптавшись в нерешительности еще некоторое время, я решительно заявила самой себе, что нужно идти. Хоть куда-нибудь. Потому что промедление повышало вероятность столкнуться с Максом, идущим проведать свою пленницу.

И я пошла направо.

Я двигалась на ощупь, держась рукой за стену, ступая аккуратно и мягко. Такая тактика существенно замедляла, снижая скорость до скорости банановой улитки, но имелось подозрение, что отсутствие охраны под моей дверью подразумевало наличие скрытых препятствий или ловушек.

Я шла и шла, несколько раз свернув вместе со стеной, пока после очередного поворота не увидела свет метрах в тридцати от себя. Радоваться не спешила, помнила золотые слова: «Если видите свет в конце тоннеля, не обнадёживайтесь, возможно, это поезд». И вот под поезд мне как раз-таки и не хотелось попасть, а потому я замерла, тщательно напрягая слух и пытаюсь уловить еще что-нибудь, помимо звука собственного дыхания.

И мне это удалось.

Я услышала приглушенные голоса, а точнее – несколько голосов, участвующих в оживленной беседе.

Решив узнать, кто там и что так эмоционально обсуждают, я пошла на свет, крадясь так аккуратно, словно шла по минному полю.

Приблизившись к источнику света вплотную, поняла, что приманивший меня огонек не один – их два. Два настенных светильника, установленных по обе стороны от двери, запертой недостаточно плотно. Она-то и скрывала за собой беседовавших.

Прислонившись к стене, я замерла.

– Они следят за нами, – недовольно проговорил незнакомец, которого я не видела, а только слышала. Судя по голосу, это был уже немолодой мужчина, привыкшему говорить много и по делу, а потому очень четко произносивший каждую букву. Перед глазами всплыл образ седовласого профессора, выступающего перед сонными и безразличными студентами. – В городе полно информаторов.

– Я за ними тоже слежу, – невозмутимо промолвил Макс.

– Следить недостаточно. Надо что-то делать! – отрывисто воскликнул второй.

– Уже делаю.

– Они тоже делают. Чума в городе!

Я теснее прижалась к стене, поглядывая во тьму и в любой момент ожидая появления клубной охраны.

В комнате что-то скрипнуло, звякнуло, а после Макс ответил:

– Слышал. Но нет никаких доказательств – ни существования Чумы, а ни того, что Чума работает на Совет. Не думаю, что старики способны контролировать практически мифического героя. Никто этого не может. И если он существует, если он здесь, то он сам по себе. А значит, с ним можно договориться.

– Договориться с Чумой? – рассерженно рассмеялся незнакомец. – Это всё равно, что попытаться договориться дождем! Или с ураганом!

– В основе всего, что делает Чума – месть и справедливость, – стоял на своем Макс. – Из этого следует, что к нашему конфликту с Советом Чума не имеет никакого отношения. Старики обожают мстить и делать пакости, но что такое справедливость они не знают даже в теории.

– Я не был бы столь уверен. Пусть Совет и не звал сюда Чуму, но это не значит, что каратель явился не по твою душу. Кто бы ни скрывался под этим прозвищем, у него собственная система доказательств и аргументов. Такого противника нельзя недооценивать.

– Переоценивать его тоже не следует. И вообще, мы обсуждаем практически призрака! Да это же просто старая сказка, в которую все негласно договорились поверить и которую давно все забыли, но вдруг кто-то один вспомнил и поднял шумиху.

– Отрицаешь угрозу? Будешь ждать, пока убийца вломится в твой дом с топором?

– Что ты предлагаешь? – вспыхнул Макс, которому, кажется, надоело спорить. – Отправить почтового голубя с вопросом: «Надеюсь, вы затачиваете тесак не под мою голову? С наилучшими пожеланиями, тот, кто не хочет повстречаться с вами лично». Так?

– Нет, – ответил мужчина, и в этом коротком слове слышалась вся гамма эмоций – от раздражения до усталости. – Тем более, что у Чумы нет почтового адреса для получения писем. А если есть, то вряд ли мы его узнаем.

– Нужно найти того, кто первым пустил слух о прибытии мстителя, – начал размышлять вслух Макс. – И хорошенько его потрясти. Мне сообщил брат, но вряд ли он был первым в цепочке. Димке подобного не выдумать, фантазия убогая. Значит, ему тоже кто-то сказал. Именно этим и займись.

– Хочешь найти Чуму? – изумился второй голос. – Думаешь, это разумно – искать того, кто может тебя убить?

– Ну, ты же сам сказал, что Чума здесь, в городе! Значит, надо искать! И мы найдем либо убийцу, либо того, кто пытается нас убедить в его существовании. Как по мне, оба исхода хороши!

– Даже не могу себе представить, как это осуществить, – проворчал мужчина. – Мне кажется, ты переоцениваешь свои силы.

– Чума... он не может жить полностью изолированно! –

резонно заметил Макс. – Он должен где-то спать, что-то есть и хоть иногда выходить на улицу. Регулярно люди видят того, кем всех нас пугали с детства! Кто-то смешивает ему напитки в баре, пробивает покупки на кассе, перестилает постель в его номере, помогает с выбором рубашек и трусов! И мы должны найти этих людей!... Да, и еще. Свяжись с Аксиной, что-то я давно новостей про нашего мелкопоместного барина не получал...

– Ты используешь местоимение «он», – подметил собеседник Макса. – Почему не «она»? Так уверен, что Чума – мужчина?

– Конечно, – хмыкнул он. – А как по-другому? Женщины способны на хитрость, на изобретательность, на двуличие и вероломство. Но не на методичное, последовательное отслеживание жертвы, не на длительную изматывающую охоту, итог которой – расправа. К тому же, убийца известен своим изощренным подходом к пыткам, а женщинам подобное не свойственно. Знаешь одну из самых ужасных историй о Чуме?

– Поделись, – щедро разрешил неизвестный.

– Один вампир немного крышей уехал, вообразил себя Синей Бородой и начал похищать школьниц, чтобы пить кровь девственниц непосредственно из вен. Со временем вся эта история окончательно вышла из-под контроля, чему поспособствовало то, что похищенные им барышни начали рожать.

– Это ведь вне закона! – воскликнул мужчина. – Вампирам нельзя иметь потомство от людей!

– Дело не только в этом, но и в том, что спятивший кровосос начал убивать собственных детей, – просветил того Макс. – Он выпивал их без остатка, а трупы выбрасывал, как пакетики из-под сока.

– Он пил собственных детей? – не поверил ему собеседник. – Которые были наполовину вампирами? Разве это не каннибализм?

– Да черт его знает, как это называется! – Макса не заболела терминология. – Главное не это, а то, как его убили. Вампира распяли на кресте в его собственном логове. Те, кто видели останки дохлого клыкастого, рассказывали, что в вампира порядка недели ежедневно забивали серебряные гвозди. Из его коленей, локтей, плеч и щиколоток торчало общей сложностью около сотни крепких, отлитых вручную строжней, которые были воткнуты с такой силой, что пробили насквозь не только плоть, но и деревянный крест. Гвозди торчали из глаз, ушей и даже из промежности. Кровосос подыхал долго и мучительно, и всё это время убийца был с ним, множа его мучения. Это убийство приписывают Чуме из-за оставленных на кресте меток, но как по мне, покончить со взбесившимся вампиром мог и отец одной из похищенных девчушек. В чем я абсолютно точно уверен, так это в том, что женщина не смогла бы совершить подобное.

– У тебя какое-то очень искаженное восприятие жен-

щин, – хмыкнул незнакомец. – Думаю, та девушка, которая стоит сейчас за дверью, слушая наш разговор, способна на многое. Особенно, если это многое касается тебя. Нереида, если я не ошибаюсь? Порождение воды узнать не трудно, от них исходит особое свечение.

– Ди! – Макс не кричал, но произнес моё имя так, что лучше бы закричал. – Зайди!

– Ага, сейчас! Только шнурки поглажу, – брякнула я и рванула прочь, не разбирая дороги.

Глава 12

Не успела преодолеть и десятка метров, как с разбега влетела во что-то мягкое, пушистое и свободно болтающееся, что при ближайшем рассмотрении оказалось полотном черного бархата. Выпутавшись из ткани, я ступила в огромный, отполированный до блеска ресторанный зал, обставленный в стиле слегка избыточного арт-деко.

Заскользив голыми ступнями по черным, намытым плитам, я притормозила посреди зала и будто оказалась внутри романа о Гэтсби.

Кругом была такая роскошь, которая удивила даже меня, выросшую вообще-то в королевском замке. Пафос буквально вопил из каждого закутка, а великолепии давило на мозг. Впечатляло всё. И антрацитовые стены, и орнаментные золотые вставки, создававшие рельеф, и расставленные по углам огромные вазы с охапками роз, чьи алые бутоны впечатляли размерами, словно садоводами были великаны и подгоняли цветочки под себя. Даже официантки, лениво прохаживавшиеся меж больших круглых столов, притягивали взгляд. Наряды на девушках были экстремально короткими, отделанными кристаллами, а на шеях, в волосах, в ушах и на запястьях блестела, сияла и переливалась бижутерия, но бижутерия качественная, искусно имитировавшая настоящие драгоценности.

Кроме обслуживающего персонала, который, едва я появилась, начал коситься на меня, не прерывая выполнения своих должностных обязанностей, в зале не было ни одного посетителя.

– Ди, – чуть запыхавшись, выдохнул Макс, появляясь из-за той же бархатной занавеси, что и я мгновение назад. – Куда ты собралась?

– Подальше от тебя! – выкрикнула я уже на бегу, пересекая зал в направлении единственного выхода.

Выскочив в широкий проход, я увидела высокие, достигающие потолка и задрапированные тканями пурпурных оттенков ниши, внутри которых были втиснуты мягкие, усыпанные подушками диванчики. Между нишами располагались двери, часть из которых была приоткрыта, но что находилось внутри я не успела рассмотреть.

Не останавливаясь, чтобы полюбоваться интерьером, я понеслась дальше, через каждые метр-два опасно поскользываясь.

И вылетела в еще один зал, на этот раз с игровыми автоматами, которые сияя яркими экранами разгоняли темноту, потому что окна здесь не терпели ни в каком виде.

Промчавшись мимо мечты лудомана, я на пятках выехала в приоткрытые двери и оказалась в окружении... пилонов. Увидеть их было совсем неожиданно, а потому я изумленно замерла, пялясь во все глаза на неоновые надписи, мигающие огоньки, подъемные платформы и огороженные штора-

ми и ширмами приватные зоны. Имелась и основная сцена в форме буквы «Т», вдоль которой были выстроены низкие квадратные столики. Но самое большое затруднение у меня вызвали сразу пять дверей, на которые я в ступоре уставилась, не зная, какую выбрать.

– Ди? – раздался возглас откуда-то сбоку и что-то вцепилось мне в плечо, рванув на себя. Узкая ладонь накрыла рот, обрывая так и не успевший сорваться крик.

В первое мгновение я подумала, что это Макс, но едва рухнув на пол, была утянута в щель между мягким диванчиком и стеной.

С заминкой в секунду тишину злачного заведения расколол рёв бывшего начальника.

– Где она?! – надрывался Максик где-то поблизости, сотрясая воздух. – Найдите её! Обшарьте весь клуб, но найдите!

– Да, шеф! – пророкотали ему в ответ и пол затрясся от топота десятка ног, умножившихся и ускорившихся после окрика Макса.

– Тихо, – зашипел мне в ухо тот, кто лежал позади, вжимая мое лицо в пыльную плюшевую обивку кресла. Уборщицы здесь явно халтурили. – Лежи, не шевелись.

– Ниса? – одними губами спросила я у кресла, шокированная до глубины души. – Это ты?

– Нет, блин, Антон Павлович Чехов! – разъяренно зашипела мне в затылок подружка.

– Да, не зря ты по библиотекам ходила, – стараясь дышать ртом, а не носом, в котором уже зудело от обилия пыли, оценила я познания подруги. – Много новых слов выучила. Хотя, кажется, именно с твоего посещения книгохранилищ вся эта история и началась! Но как ты здесь-то оказалась?

– А ты как думаешь? – Ниса была основательно на взводе и это чувствовалось. Хорошо, что мы обе были мелкими и легко помещались за креслом.

Тем временем, те, кого отправили на мои поиски продолжали носиться вокруг. Двери хлопали, что-то падало, тут и там раздавались короткие доклады «Здесь нет!», «Чисто!», «Идем дальше!».

– Я за тобой пришла, – притихнув на мгновение, едва различимо заговорила Ниса.

– Как ты узнала, где я?

– Ян, – проронила одно слово подруга. – Он поделился адресом личной норки Макса.

Мы замолкли, когда шаги раздались совсем рядом, сжавшись в один дружный комок. И заговорили вновь лишь когда постоявший возле нас человек так же неторопливо удалился.

Возможно, мне показалось, но я услышала насвистывание бодрого мотивчика.

– Как ты поняла, что меня забрал Макс?

– Вариантов немного было, – хмыкнула подруга, – и этот – самый вероятный.

– А сюда как попала? – я всё никак не могла перестать

задавать вопросы.

– Прикинулась курьером доставки, – Ниса почесала за-
пястье, которое находилось рядом с моим лицом. Я же с тру-
дом сдерживалась, чтобы не чихнуть. – Даже форму раздо-
была.

– Раздобыла или отобрала? – быстро догадалась я, что бы-
ло не трудно, ведь Ниса не менялась.

– Конечно, отобрала, – я хоть и лежала к ней спиной, но
знала, что подруга в этот момент закатила глаза. – Поймала
парнишку недалеко от входа. Он очень вовремя подрулил на
своем мопеде. Правда, пробраться сюда оказалось тем еще
мероприятием. По неприступности местечко способно по-
соперничать с Алькатрасом! Я четыре дня караулила, засев
в кустах напротив входа. Едва нору не начала рыть, чтобы
остаться зимовать!

– Ладно, – прогундосила я, украдкой потеряв нос. – Сю-
да-то ты забралась, а как выбираться будем?

– Ты знаешь, что вся охрана этого клуба состоит из обо-
ротней?

– Догадывалась, – тело затекло. Валяться за диванчиком,
поджимая под себя ноги становилось всё труднее. Очень хо-
телось выпрямиться и растереть онемевшие конечности. –
Виделась с Гришей.

– Почему ты не использовала магию, чтобы выбраться? –
суета, которую навел мой побег, начала успокаиваться. Ми-
мо нас проследовало несколько человек, а после установи-

лась тишина.

– Тут всё в серебре, – поделилась я сведениями.

– А-а-а, да? Тогда понятно, почему оборотни меня не учу-
ляли. А я то думаю, чего они вокруг бродят, а реакции – ноль?
У них от серебра нюх отшибло!

– Твой план по моему спасению насквозь дырявый, – по-
жаловалась я и приподнялась, не в силах больше терпеть. –
А если бы здесь не было серебра? Тебя бы засекли еще на
пороге.

Аккуратно выглянув из-за дивана, я увидела лишь пусто-
ту, поблескивающие металлом пилоны и мерцающий неон,
отбрасывающий футуристические тени на пол.

– Мой план заключался в том, чтобы пробраться в «Шан-
хай» и прочесывать здесь комнату за комнатой. И именно
так я и сделала! – подруга грустно шмыгнула носом. – Но не
найдя, начала отчаиваться. Решила, что Макс перевез тебя в
другое место, не такое приметное, как этот клуб, про кото-
рый, кажется, уже весь город в курсе. А тут ты собственной
персоной нарисовалась.

– Нарисоваться-то я нарисовалась, – энтузиазмом подруги
я не заразилась. – Но что нам делать дальше?

Послышался тихий свист, окончившийся довольным сме-
хом.

– Две наивные Чебурашки, – из-за ширмы выступила вы-
сокая фигура. – Как вы вообще умудрились дожить до сво-
его возраста?

– С трудом, – задорно кивнула Грише Ниса. И почесалась. Меня её привычка уже даже не раздражала, а сильно тревожила.

– Твоими молитвами, – вставила я следом за подругой.

– Я не молюсь, – отрезал Гриша, поигрывая брелоком от машины. – Потому что ни во что не верю.

– Значит, ты нас сразу заметил? – быстро сообразила я. – Отчего ж не выдал?

– Потому что участвовать гораздо интереснее, чем наблюдать со стороны, – туманно ответил Гриша и швырнул мне брелок.

Я поймала, не очень ловко и совсем не грациозно, но как только мои пальцы сжались вокруг куска пластика, оборотень указал кивком головы на одну из дверей за нашими спинами и заявил:

– Спрячьтесь в синей спальне, она посередине. Комната закреплена за одним конкретным клиентом и кроме него туда никто не сунется. В клуб скоро начнут прибывать гости. Макс хоть и хочет закрыть «Шанхай», чтобы отыскать тебя, Ди, но делать этого не станет. На вечер запланировано мероприятие, которое соберет очень важных персон, так что, вам нужно только дождаться, пока соберется народ, а после затеряться среди присутствующих и смыться. По запаху вас не отыщут, у моих волков в условиях действия серебра очень ограниченные возможности. Даже Максиму тяжело пробиваться сквозь его действие, но он всё равно готов идти... на жерт-

вы. Как только выберетесь, сразу идите в конец улицы, там у обочины припаркована моя машина. Ключи у тебя в руках. И помни, Ди, ты должна мне ужин.

Он развернулся, чтобы уйти, но я позвала:

– Гриша! – парень остановился. – В следующий раз, когда я буду умирать, не тащи меня к воде. И вообще лучше не подходи к воде в ближайшее время.

Парень нахмурился, пытаясь расшифровать смысл послания, но долго думать не стал, кивнул головой на прощание и покинул нас.

Стоило ему исчезнуть, как раздался окрик:

– Гриша!

Орал Макс.

– Бежим, – одними губами скомандовала я подруге и мы, передвигаясь так быстро, как только позволяло условие сохранения полной тишины, устремились к обозначенной оборотнем комнате.

– Это не клуб, – провозгласила подруга, едва мы проникли в помещение, скрывавшееся за средней дверью. – Это бордель!

– Какая разница, – пожалала я плечами и мне действительно было всё равно. – Клуб, бордель... да хоть древнеримский лупанарий! Главное выбраться отсюда.

Я огляделась.

Обстановка комнаты соответствовала общему стилю – темно-синие тона, вельвет, несколько ламп под плотной тка-

нюю расписных абажуров и большая, прямо-таки, огромная кровать! Теперь было понятно, откуда приволокли ту, на которой еще недавно дрыхла я.

Сразу стало так мерзко, что меня аж передернуло.

– Ну, – развела руками подруга. На Нисе красовался фирменный ярко-зеленый комбинезон, шедший ей необычайно. – Где мы здесь будем прятаться? Под кроватью? Или прямо в ней?!

– Да уж, – поддержала я вполголоса. – Тех, кто захочет уединиться ждет сюрприз в виде двух барышень: одной немойтой, в шрамах и пластырях, другой – в комбеше доставщика еды.

Мы несколько минут спорили о том, в каком углу нам лучше притаиться и что делать, если комнатой решат воспользоваться по прямому назначению. Когда наши препирания были в самом разгаре вдруг, непонятно откуда, полилась музыка.

– Это Шопен, – сообразила я, узнав знакомую мелодию. – Ноктюрн номер девять.

Подкравшись к двери, аккуратно приоткрыла створку и выглянула в крохотную щелочку.

В соседнем помещении уже зажглись светильники на столиках вдоль сцены, опустились занавеси в частных зонах, активно засновали туда-сюда девушки и парни, разнося наполненные коктейлями бокалы.

Персонал выглядел весьма примечательно. Парни, все как

один высокие и очень стройные, сверкали оголенными торсами, а ноги их были втиснуты в кожаные штаны, такие узкие, что было очевидно – белья под ними не имелось. Девушки, отличающиеся худобой, поразительным образом не сказавшейся на пышности форм, были наряжены во что-то, что и одеждой было не назвать. Лично мне это больше напоминало рыболовную сеть. Нижнее белье опять-таки отсутствовало.

Слишком очевидно отсутствовало.

Проводив взглядом официанта, несшего на круглом подносе несколько бутылок, я успела заметить элитный виски и французский арманьяк пятидесятилетней выдержки. Быстро притворила дверь, ощупала пространство вокруг ручки, поняла, что запоры не предусмотрены и огорченно вздохнула. В клубе намечалось что-то крупное. По мелким поводам такое дорогое спиртное не подают.

– «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?», – неожиданно процитировала Ниса и задумчиво отметила: – Не думала, что местная публика предпочитает классическую музыку.

– В каком смысле? – напряглась я.

– Ну, – потеряла переносицу подруга, падая на кровать. Я же, догадываясь, чем именно на этой кровати занимались, предпочла опуститься на пол, поддерживая ногу, мышцы в которой противно ныли. Раны зажили снаружи, но не внутри. – Когда я позвонила Князю, сообщив, что ты утопала в

сортир и не притопала обратно, он сразу отправил меня в «Шанхай». Но перед этим предупредил, что заведение это, так сказать, для поклонников всяких... извращений.

– Извращений? – округлила я глаза.

Скрытый от наших глаз музыкант продолжал отыгрывать изящные переливы нот.

– Ага, – шмыгнула подружка носом. – Ян уточнять не стал, чем-то он там занят был, настолько, что даже сообщение о твоём исчезновении его не сильно взволновало. Но я поинтересовалась у своих из клана, что это за место такое. Мне сказали, что здесь собираются богачи, которые устали от обычных развлечений и ищут какой-нибудь остринки.

– Например? – потребовала я дополнительных сведений, которые у подруги, я в этом не сомневалась, имелись.

– Например, здесь любят играть в покер, но в качестве ставок – не деньги.

– А что?

– Жизнь, – безучастно ответила подруга. – Своя или чужая. То есть, если проиграл – убиваешь себя или того, на кого укажет победитель. Еще здесь каждый месяц проводят аукционы. Выставляются разные лоты, в том числе, «живые». Чаще всего – волчицы-девственницы. Поговаривают, их доставляют с Балкан, где обращают еще девочками. Любой желающий за очень крупную сумму может забрать себе одну из них. Купить, как куклу с витрины.

У меня по коже прокатилась холодная волна, волосы

встали дыбом, в висках неприятно закололо.

– Что еще? – перебарывая внутреннее сопротивление, спросила я.

– Еще здесь проводят секс-вечеринки. Ну, там, БДСМ, свинг, ролевые игры и прочая веселуха. Народ резвится до утра, а уползает практически на четвереньках. Про алкашку, траву и всякие курительные смеси, после которых кажется, будто ты летишь на зефирном драконе сквозь молочный дождь и говорить нечего. Здесь это почти каждый вечер.

– Еще что-то?

– Ну, – Ниса смешно наморщила нос, делая попытку выскрести остатки информации. – Говорят, здесь отличная кухня. Повар какой-то заморский, где его Макс откопал – одному черту известно, но поговаривают, он способен любое живое создание приготовить так, что тарелку вылижешь и еще добавки попросишь. Всё, что летает, плавает, бегают, ползает и скачет здесь смогут превратить в обалденную еду. За баснословные бабки, конечно же, но если ты всегда мечтала попробовать крокодила под кисло-сладким соусом или суп из кузнечиков с чесноком, то здесь готовы выполнить любую твою гастрономическую придурь.

Моя буйная, сверхживая фантазия вновь ожила. Я представила себе блюдо из прямокрылых и с трудом подавила подкативший к горлу приступ рвоты. Настолько сильный, что во рту стало горько и захотелось попить, а еще лучше – выпить. Вспомнился арманьяк.

А за дверью, тем временем, оживились. Послышались голоса и веселый смех, музыка стала громче и бодрее, а Шопен сменился Чайковским.

– Времена года. Февраль. Масленица, – пробормотала я самой себе, вслушиваясь в выразительную фортепианную миниатюру, которая воскрешала в сознании картинки задорных народных гуляний, когда люди провожали тяжелую, суровую зиму и встречали животворящую весну. Особенность веселого праздника очень удачно подчеркивалась общей тональностью произведения и темпом *Allegro giusto*, навевая желание броситься в пляс под яркие переборы и упругие аккорды.

– Июнь. Лето, – с не меняющимся выражением лица, на котором застыло выражение вежливого скептицизма, сообщила Ниса. – Ближайший праздник – Ивана Купала, но я через костер скакать козой не буду и искать цветок папоротника в лес не пойду! Плетение венков, кстати, тоже не моя тема.

– Венки плетут, чтобы отпустить потом вниз по реке, где его подберет будущий жених. Так делали раньше, когда искали себе пару, – огрызнулась я и подтянула колени к груди, внимательно прислушиваясь к происходящему по соседству. А там, судя по нарастающему гомону, сбор гостей был в самом разгаре. К общему шуму добавился звон бокалов и звук откупоривающихся бутылок шампанского. – Я же тебе женихов искать не предлагала, тем более, что ты своего принца

уже встретила, а просто обозначила название музыкального сочинения. И всё.

– Мне всегда казалось, что твоя бабуля перестаралась, когда приобщала тебя к культурному наследию человечества, – Ниса упорно не желала общаться на некоторые темы.

– Почему это? – спросила я под взрыв женского хохота за стеной. Не выдержав, подошла к двери и подперла ручку торшером на длинной тонкой ножке. Такая себе преграда для тех, кто горя любовным огнем, возжелает уединиться, но хоть задержит входящих на некоторое время, дав нам с Нисой возможность спрятаться.

– Потому что умение разбираться в музыке – один из самых травоядных, то есть, бесполезных навыков, – угрюмо заметила подруга, складывая ноги, будто собралась заниматься йогой. – Лучше бы бабуля научила тебя метать в своих врагов ножи!

– Почему ты думаешь, что она не научила? – поинтересовалась я, рассматривало дело собственных рук. – И почему ты думаешь, что это сделало бы мою жизнь проще?

– Если бы из нас двоих умела драться не только я, это повысило бы наши шансы на выживание.

Я развернулась к подруге, уперев руки в боки.

– Считаешь, нас могут здесь убить?

– Считаю, что если Макс найдет нас, то всё может закончиться очень плохо, – Ниса была честна и это пугало еще сильнее.

– Нужно выбираться отсюда, – испытыв приступ легкой паники, выдохнула я и вернула торшер на место.

В который раз потянула дверь на себя и пристроилась лицом к щели, чтобы получше рассмотреть происходившее в комнате с пилонами.

Увидела много чего. И всё, что увидела повергло меня в состояние, близкое к ступору.

Глава 13

Пилоны больше не простаивали пустыми, теперь вокруг них вертелись танцовщицы, чьи тела были обильно обмазаны блестками. Особо интимные места прикрывали ажурные корсеты и короткие плиссированные юбки, но движения, которые становились всё откровеннее и откровеннее подсказывали, что одежда на соблазнительницах выполняет чисто номинальную роль и продержится недолго.

Гостей собралось много, не толпа, но все места были заняты, включая приватные зоны. Гости, в основном мужчины, вели себя нагло, свободно, развязно. Лица у многих сытые, довольные, холёные, с отпечатком уверенности в собственной вседозволенности. Наверняка, многие из присутствующих при свете дня занимали высокие должности. Возможно, даже вещали с голубых экранов телевизоров о благопристойности, добродетели и традиционных ценностях. А потом ночью заваливались в «Шанхай» и попивая коктейли усаживали себе на колени полуголых официанток. И всё это было бы очень интересным, если бы в них можно было узнать конкретных людей. Но нет, лица всех, кроме персонала, закрывали маски, у женщин – белые, у мужчин – черные. Маски были нестандартными: начинались от бровей, заканчивались под подбородками и зачастую были тем единственным, что имелось на гостях.

Я оглядела сосредоточение голых тел: высоких и низких, полных и худых, молодых и уже покрытых седыми волосами.

А потом с уверенностью заявила:

– Либо мы валим отсюда, либо мне понадобится тазик.

– Что предлагаешь? – апатично отозвалась подруга. – Ни моя, ни твоя магия здесь не работает, а значит, прорываться с боем не наш вариант. И интуиция подсказывает, что стоит нам выползти из-за этой двери, как нас тут же заметят. Не вливаемся мы в местное общество.

– А если раздеться? – предположила я, продолжая наблюдать за голыми людьми, которые ничуть не стесняясь собственной наготы ходили от столика к столику, подсаживались друг к другу, танцевали, пили и в целом наслаждались жизнью. Многие были хорошо знакомы и с радостью обменивались приветствиями.

– Я голая среди этих чудиков разгуливать не буду! – не оценила подруга моё предложение.

– А у тебя есть другие варианты?! – вспыхнула я. – Макс может нагряться в любой момент, а мы здесь как мышки в клетке!

Ниса пристроилась рядышком, но не успела приникнуть к щелочке, как резво отскочила обратно, оттягивая в глубь комнаты и меня.

Я и сама успела заметить, как молодой статный мужчина за третьим столиком поднялся и ухватил за талию мимо проходившую девушку, которая в отличие от остальных го-

стей была одета. На ней красовалось черное латексное платье до середины бедра, плотно облегавшее гибкое загорелое тело. Лицо её таилось за маской, но молодость красавицы, возможно, даже граничащую с малолетством, не могла скрыть никакая маска.

Не сопротивляясь, девушка легко упала в объятия мужчины, и тот, подхватив на руки податливое тело, направился в нашу сторону. Что-то в его походке показалось мне смутно знакомым, настолько, что навязчиво начало зудеть в мозгу, но времени копаться в собственной памяти не было.

– Черт! И почему из всех комнат он выбрал именно эту? – пятясь спиной, вопрошала Ниса.

– Нет времени, – занервничала я. И не придумала ничего лучше, чем запихнуть подружку под кровать и проворно забраться следом.

– Фу! Тут воняет! – заныла Ниса. Я едва успела ткнуть её под ребра, чтобы замолчала, как в комнату вошли.

– Я не хочу, – произнес капризный женский голос.

– Я хочу, – с характерными повелительными нотками в приятном баритоне заявил мужчина. – Поэтому закрой рот и задери юбку.

Ниса вела себя тихо, а потому зажимать рот мне пришлось только себе, ведь... голос мужчины, хоть он и звучал приглушенно, перекрываясь музыкой, я узнала.

Кровать вздрогнула, когда на неё что-то упало. Послышался звук разрываемой ткани, немного протяжный, словно

то, что рвали, поддавалось не с первого раза. А после мебель над нами ритмично задвигалась, комнату заполнили вздохи и стоны, которые в сочетании с композицией «В пещере горного короля» Эдварда Грига с её узнаваемыми перепадами темпа от медленного и тяжелого к стремительному, подхватывающему и кружащему, превратились в мистическую оду плотскому желанию. И во всем этом было что-то такое очень честное, настоящее, живое, а потому – завораживающее.

Глаза у Нисы выпучились, сделав её похожей на изумленного лемура.

Очень изумленного лемура.

Я и сама с трудом осознавала, где нахожусь: под кроватью в компании пыльной подружки или на балу у Воланда.

– Шире, – шумно выдохнув, потребовал мужчина. – Расставь ноги шире!

Его партнерша вероятно подчинилась, потому что стук и удары тело об тело продолжились по нарастающей.

– Надо попытаться забрать их маски, – приникнув к уху подружки, зашептала я. – Так мы сможем выйти.

– Как? – спросила подруга.

– Серебро блокирует твою магию банши, – надеясь, что стук, музыка и женские стоны, почти перешедшие в визг, не выдадут наше присутствие. – Но не твою физическую силу.

– И её тоже, – округлила глаза Ниса. – Я чувствую, как слабею. Из меня будто вытягивают жизнь!

– Тогда тем более нельзя больше тянуть, – и я начала вы-

талкивать подругу наружу. – Они сейчас заняты и сосредоточены на другом. Это самый удачный момент! Используй эффект внезапности!

Ниса неодобрительно покачалась головой, но подчинилась.

Уже у самой кромки кровати подруга на мгновение замешкалась, завозившись с чем-то под собой, а после аккуратно выскользнула. Я поползла в другую сторону, намереваясь подстраховать подругу на случай непредвиденного развития событий, но не успела выбраться окончательно, как раздался глухой удар, оборвавший стон на середине и закончившийся падением мужского тела на пол. Громко завизжала женщина, но старалась недолго. Еще один удар, на этот раз влажный, с хрустом и звуком выбивающего сустава, и женщина затихла, повалившись на постель.

Я наконец выползла наружу и увидела Нису, стоящую посередине комнаты и потирающую костяшки пальцев.

– Неудачно ударила, – пожаловалась она, морщась. – Попала по зубам. И, кажется, выбила ей челюсть.

– Давай поторопимся, неизвестно, сколько они в отключке пробудут. Ты снимай маску с девчонки, а я возьму черную.

Я присела возле парня и аккуратно подцепила тонкую резинку, чтобы сдернуть её с мягких, шелковистых белых волос, собранных на затылке в небрежный пучок.

– Ох! – выдохнула поражённо подруга, подходя ко мне с белой маской в руке. – Это же...

Глава 14

– Да! Мой отец, – и я с уважением покосилась на подружку, которая раскрыв рот быстро-быстро моргала. – Надо же, тебе удалось оглушить самого Талласа! Молодец, подружка! Хотя, наверное, серебро подействовало и на него.

– Чем больше шкаф, тем громче падает, – процитировала подруга, решив удариться в народный фольклор.

Ниса протянула вперед руку и продемонстрировала мне стилет, надетый на пальцы левой руки.

– Папин, – пояснила она. – Стащила недавно. Носила с собой по привычке, думала, не пригодится, а вот ты гляди... пригодился.

Я аккуратно повернула голову отца, рассматривая, как сочится кровь из раскроенного черепа, пропитывая белые волосы. Рана была глубокой, тянулась от виска и пересекала лоб, обнажая белую кость.

– Извини, я била со всей силы, боялась, если ударю слабо, то не сработает.

– Не извиняйся, – отмахнулась я, роняя на пол блондинистую голову папули. – Как получилось, так получилось. А теперь раздевайся!

– Впервые слышу такие слова от девушки, – хмыкнула подруга и щёлкнула пластмассовыми застёжками на комбинезоне. – И никогда не думала, что услышу их от тебя. Мы ведь

даже в бане вместе не были!

– В бане мы были, просто занимались там не тем, чем надо, – пробормотала я, отворачиваясь от подруги и стягивая с себя майку. – Но если у тебя есть другие предложения, то я готова их выслушать.

– Нету, – буркнула подруга за спиной. – Именно поэтому я и раздеваюсь.

– Готова? – через пару минут нервно спросила я, распуская волосы по плечам, пытаюсь прикрыть ими хоть что-то.

– Готова, – вздохнула подруга.

Я натянула маску на лицо и пошагала к двери. Уже взявшись за ручку, услышала торопливое от подруги:

– погоди!

Я покорно остановилась и ждала, пока Ниса возилась с чем-то возле кровати.

– Что ты делаешь? – всё же не выдержала я, упорно не глядя на подругу.

– Запихиваю твоего отца в кроватку, – отдуваясь, с трудом выговорила Ниса. – Он у тебя очень тяжелый. Но выглядит шикарно! Я, кстати, только сейчас заметила, как они с Князем похожи. Ты поэтому на него запала? У тебя что, Эдипов комплекс на женский манер?

Замечание про Яна я проигнорировала и язвительно любопытствовала:

– Тебе настолько запал в душу мой папаша, что ты решила проявить о нем заботу?

– Да я бы с удовольствием о нем позаботилась, – с подтекстом хихикнула невыносимая банши. – Вот только в этом случае ты станешь моей дочерью, а мне такой подарок судьбы ни к чему. Ты у нас ребенок бунтующий, из подросткового возраста так и не выбравшийся. А оно мне надо, подростка воспитывать? Оно мне не надо!

– Тогда зачем?

– А что бы шум сразу не подняли, увидев голого мужика на полу в подозрительной позе! – пояснила Ниса. – А так, парочка вроде порезвилась, устала и уснула в постели. Выглядит естественно и лишних вопросов не вызывает.

– Ладно, – согласно кивнула я, поправляя маску на лице. – Всё? Идем?

И мы вышагнули из комнаты, погружаясь в атмосферу местного эротического шабаша.

Стараясь не выделяться и вести себя также, как и все, мы с невозмутимым видом направились через зал. Мимо выступающих уже полностью обнаженными танцовщиц. Огибая разносящих напитки официанток, платья-сетки на которых уже были порваны самым красноречивым образом. И аккуратно ускользая от протягивающихся в нашу сторону мужских рук.

По мере нашего продвижения этих рук становилось всё больше и больше. Из-за черных масок на нас смотрели мужские глаза, в которых горело откровенное желание. И в этом желании не было ничего нежного или романтического, одна

только неприкрытая животная похоть.

Они, мужчины, скользили по нам голодными взглядами, пожирая и провожая глазами, после чего я еще долго чувствовала на себе их внимание, будто ступила в костер и шла сквозь огонь по раскаленным добела углям. В какой-то момент стало почти невыносимо, потому что огонь не убивал, а наоборот – порождал нечто новое внутри меня. И это пугало. Уже подходя к двери я почти готова была сорваться на бег.

Остановила меня Ниса, чья холодная ладонь легла на мое оголенное плечо, приводя в чувство. Стиснув пальцы, она молчаливо призвала меня сохранять спокойствие и помогла удержаться на тонкой грани.

К сожалению, я потеряла бдительность. И проходя мимо последней приватной зоны, не успела увернуться от руки, ухватившей меня за колено.

– Куда собралась, красотка? – произнес мужчина, полыхнув на меня золотистыми глазами, в которых соединились все оттенки солнца. Они переливались и были текучими, словно один цвет порождал другой, тот создавал третий, третий возвращался к первому, и так снова и снова.

Я попыталась вывернуться, но моё желание предугадали, опередили на несколько секунд и перехватили другой рукой. Не позволяя ускользнуть, крутанули на месте, словно в танце, и притянули в крепкие, приправленные экзотическим восточным ароматом объятия. Это был запах курительных смесей, сизый дым от которых клубился вокруг, окутывая насы-

ценным туманом устроившихся за отдернутыми занавесями мужчин в масках.

– Посиди со мной, – прошептали мне на ухо, стискивая до треска в ребрах.

Я невольно охнула, почувствовав, как пробираются в носоглотку концентрированные маслянистые пары, заполняя сознание и отключая какие-то внутренние стопоры. Голова стала легкой, словно воздушный шарик, ноги ослабели, а перед глазами всё поплыло.

А может, это поплыла я...

– Ты такая мягкая, – жарко выдохнув мне в лицо незнакомец. Его глаза смеялись и это было восхитительное зрелище. Будто бы только для меня.

Ни о чем не думая, следуя за арабскими мотивами запевшей флейты словно заколдованная, я развернулась на мужских коленях, усаживаясь на них верхом, и подалась навстречу незнакомцу, внимательно наблюдающему за мной сквозь прорези в маске. Я успела коснуться его лишь краешком губ, как вдруг между нашими лицами возникла маленькая женская рука, останавливая не только поцелуй, но и мои бедра, которые начали покачиваться в такт этническим мотивам, что заструились над залом.

– Не хотелось бы вам мешать, – рявкнула Ниса рассерженно, – но использовать дурманящий эффект от курительных смесей для соблазнения девушек не совсем законно!

Я едва не застонала от разочарования, с гневом обернув-

шись на подругу.

– Соблазнение законно, если девушка сама хочет быть соблазненной, – весело ответил парень, теснее прижимая меня к своей груди и запуская пальцы в волосы. Его ладонь легла на мой затылок и это было самое приятное чувство, которое я испытала за долгое время. Меня накрыло ощущением нежности и защищенности. Каждой клеточкой своего обнаженного тела я чувствовала, как ему не хочется меня отпускать. Мне же не хотелось уходить. Кем бы ни был этот незнакомец, в его руках было так уютно, легко и свободно...

В ответном жесте я приникла к нему, позволяя удержать меня в своих объятиях.

– Да она соображает хуже ежика в тумане! – запыхтела от нарастающей злости подруга.

В голове промелькнула скудная мысль: Ниса здесь, потому что мы куда-то шли.

Нам нужно было что-то сделать... что-то очень важное.

Вернее, оно казалось важным, пока не появился он, этот парень с завораживающей улыбкой и золотистыми глазами, наполненными кружащими искорками. Они воскрешали в памяти волшебное сияние светлячков, способных подарить чуточку света даже в самые темные времена.

– Отпусти её! – потребовала подруга, и попыталась отобрать меня у незнакомца.

– Я её не держу, – парень широко развел руки в стороны, продолжая соблазнительно улыбаться. Так, что мне при-

шлось закусить губу, чтобы выдержать эту улыбку. – Она сама этого хочет.

– Ничего она не хочет, – заворчала подруга себе под нос, перехватила меня рукой через живот и отодрала от златоглазого, который в ответ лишь искривил губы. Улыбка из пленительной превратилась в печальную, он будто сожалел о чем-то. Но и держать силой не собирался.

– Подожди, – ухватился он за кончики моих пальцев, когда Ниса уже толкала меня в сторону выхода. Выпрямившись во весь свой немалый рост, парень поднес мою руку тыльной стороной к своим губам и коснулся. Так трепетно и нежно, что у меня свело судорогой низ живота. Ноги задрожали, а в глазах потемнело. Всё вокруг подернулось белесой мглой, которая не тронута лишь его. – Как тебя зовут?

– Официальное знакомство с голой задницей? – фыркнула Ниса, продолжая тянуть непроизвольно упирающуюся меня. – А может сперва штаны натянешь?

Мужчина не обратил на её слова никакого внимания, будучи всецело сосредоточенным на мне.

А я смотрела на него и думала, что не бывает так. Невозможно в одно мгновение влюбиться в человека, не видя его лица, даже не зная имени! Но все доводы разума с грохотом разбивались о непривычные чувства. В момент нашей встречи он заслонил собой солнце и луну, и весь остальной мир. Всё исчезло, нетронутым остался только он.

– Меня зовут Даниэль, – прошептал он в мою руку, целуя

горячими губами кожу, которая и так была будто наэлектризована. – Я прихожу в этот клуб каждую неделю по пятницам. Надеюсь, мы встретимся вновь. Я буду ждать...

Его взгляд обжигал, обещал, захватывал, гипнотически притягивал, заставляя смотреть на него и только на него.

Я открыла рот, чтобы назвать свое имя, как подруга заявила:

– Не надейся, в этот гадюшник мы больше ни ногой!

И утащила меня.

Мы миновали двух охранников, которые выглядели так, будто в этой жизни были знакомы только с двумя вещами: маслом для тела и штангой. Наряды их тоже были весьма занимательными – черные кожаные штаны, перекрестье тугих ремней на монументальных плечах и тонкие серебряные клинки в поясных ножнах.

Охрана не обратила на нас никакого внимания, а вот парочка, притаившаяся в уголку сразу за выходом тихо засмеялась, прервав откровенный поцелуй и проводив нас заинтересованным взглядом. В какой-то момент показалось, что они сейчас остановят нас и попробуют приобщить к их локальному развлечению прямо здесь, в коридоре, окутанном приглушенным розовым светом, но нет.

Мы спокойно пошли дальше. Миновали игровой зал, где в это время был только один человек. На мерцающем экране перед голым толстым посетителем, сдвинувшем маску на лысеющий затылок, крутились слоты, постоянно выдавая

непарные картинки в нужной линии. Такое поведение капризной фортуны мужчину очень злило, но не останавливало, он продолжал играть, с остервенением тыкая в кнопки.

Мы решили не составлять ему компанию. Тихонько выскользнули из зала и оказались перед пурпурными нишами, теперь полностью заполненными. Тут и там раздавались ахи и охи, звуки ударов и звонкого соприкосновения кожи с кожей. В воздухе витал запах секса, который оседал на коже и расплзался по ней, будто вода по песку. Аромат был особенным, его практически невозможно было описать, но стоит обонянию его уловить, как сразу приходит понимание – вот оно, то, честное, что уравнивает нас всех.

Настолько честное, что я невольно залюбовалась девушкой с длинными ярко-рыжими, почти красными волосами. Она извивалась на мужчине, судорожно вцепляясь пальцами в собственную огненную шевелюру, плавно поднимаясь вверх и яростно опускаясь вниз. В этот момент она была самым огнем – выжигающим, неистовым, яростным и бешеным. Таким же бешеным был и темп, в котором она двигалась, с каждым подъемом ускоряясь всё сильнее и сильнее. Мышцы под тонкой молочно-белой кожей напряглись. Девушка приближалась к развязке. Рельефная и сильная, она напомнила мне древнюю вакханку, окутанную восхищением, с которым глядел на рыжую её партнер.

– Ох, там Макс! – с ужасом выдохнула Ниса, стремительно меня траекторию движения и увлекая меня направо, в

помещение, где мы сразу же окунулись в кубинскую музыку и слились с массой таких же, как и мы обнаженных людей, танцующих румбу.

– Пир во время чумы какой-то, – чуть задыхаясь выругалась подруга. Не договорив, отпрыгнула в сторону, чтобы избежать столкновения с парочкой, которая уже откровенно ласкала друг друга, умудряясь не переставать танцевать.

– Вот это навыки, – лицо подруги изумленно вытянулось. – Моё уважение!

Пройдя через весь танцпол и несколько раз наткнувшись на оставивших прелюдии танцующих, которые решили предаться плотским утехам прямо там, в толпе, мы добрались до следующей двери. Но не сразу смогли к ней приблизиться, потому что двое мужчин зажали между собой кажущуюся крохотной на их фоне девушку, ритмично двигаясь в ней навстречу друг другу. Девушка орала, закатывала глаза, хватала ртом воздух, царапалась, превращая спину того, к которому находилась лицом в сосредоточение кровавых лучей. На наше счастье закончили они быстро. Рухнули на пол, отдышались, прикрывая веки. А после все трое поднялись и разошлись в разные стороны, не обращая внимания друг на друга, так, словно не они только что переплетались голыми телами, содрогаясь в экстазе.

Стараясь ни к чему не прикасаться руками, Ниса ногой толкнула дверь, и мы выпали в темноту, а когда створка захлопнулась погрузились еще и в тишину.

– Ты... – тяжело начала я, сглотнула и начала заново: – Ты уверена, что мы идем в правильном направлении?

– Уверена, – подруга начала подталкивать меня вперед, не позволяя застыть на одном месте. – Я пока тебя искала, все закоулки здесь изучила.

– И куда мы идем? – спросила я, пытаюсь отодрать остатки тумана от своих мозгов, а потому плохо соображая.

– Мы идем в комнату для персонала, – просветила Ниса, остановила меня, остановилась сама и махнула рукой во тьме, отчего прямо на стене засветились цифры, в которые подруга уверенно потыкала. Раздался тихий писк, затем сразу щелчок и перед нами распахнулась дверь из тонкого металла. – Здесь работники клуба переодеваются, красятся, едят, некоторые даже живут.

– А если кто-то из них сейчас здесь? – насторожилась я, заглядывая в комнату, которая напоминала нечто среднее между студенческой общагой и театральной гримеркой.

Вдоль длинного стола у стены были выстроены стулья, по одному напротив каждого зеркала, которых всего я насчитала десять. По периметру зеркала были оснащены мелкими лампочками, делаая освещение идеальным для нанесения макияжа. У другой стены стояли диваны. Рядом висилось несколько стоек с вешалками. В углу пристроили подвесное кресло с плетеным каркасом. И везде, где только можно, валялись косметика, женское и мужское белье, одежда, обувь, коробки из-под пиццы с остатками еды, пепельницы, пере-

полненные окурками, и многое другое, что свидетельствовало об отсутствии у людей природной тяги к чистоплотности.

– Заходи уже! – подруга подтолкнула меня в область чуть пониже спины, вынуждая шагнуть туда, где пахло сладкими женскими духами, начавшей портиться едой и плохой обувью. – Как же тут воняет...

Я огляделась, переступила через валяющийся на полу кружевной корсет и уныло спросила:

– Куда дальше?

– Сперва нужно переодеться, – Ниса направилась к вешалке, а я вспомнила, почему последние минут пятнадцать старалась не опускать взгляд ниже шеи подруги. Мы, конечно, были близки, но не настолько.

А еще я поняла, что туман из головы почти выветрился, мне вновь было под силу соображать нормально и не вешаться на незнакомых мужиков в масках.

– Вот, – и Ниса швырнула мне красное платье, короткое настолько, что не прикрывало даже мои репродуктивные органы.

Я со скепсисом воззрилась на подругу.

– Что? – развела она руками. – Тут тебе не магазин, что есть – то и натягивай! Всяко лучше, чем попой светить... и всем остальным тоже!

– А ты что наденешь? – ревниво спросила я и расстегнула несколько вшитых сбоку пуговиц, чтобы втиснуться в наряд, который был сшит на кого-то более субтильного, чем я.

– Вот это, – Ниса тряхнула кожаной юбкой и таким же коротким топом на широких лямках.

– Не лучше, – фыркнула я.

Мы споро переоделись, и я выжидающе уставилась на подругу.

Она подошла к одной из стоек с вешалками, а точнее к той, которая была накрыта чехлом. Приподняла одну из двух непрозрачных половин светло-бежевого цвета и щедро предложила:

– Залезай!

– Чего? – попятилась я. – Ты чего удумала?

– Спрятать тебя, – она по-деловому вперила руки в боки и взглянула на меня со всей строгостью. – Не нравится мне, как ты реагируешь на местную публику! Если бы меня не было рядом, ты бы уже скакала на этом, со странными желтыми глазами, как на мерине!

Я замялась, шаркнув ножкой.

– Да ладно тебе, просто в этом клубе паршивая вентиляция и мне дурман в голову ударил!

– А почему мне не ударил? – посуровела подруга.

– А ты привыкшая! – мигом сообразила я и только потом осознала всю абсурдность ситуации. Мы с Нисой поменялись местами, теперь она – благоразумная и отчитывающая, а я – капризная и взбалмошная.

– Твое... э-э-эм..., – подруга замялась, пытаюсь аккуратно подобрать слова, – возбуждение... оно слишком сильное. Ты

увидела этого парня и перестала быть собой! Ты же никогда не была заинтересована в случайных связях! За всю жизнь у тебя было всего два парня, да и те интеллигентные до зубной боли! Эдакие ботаники-заучки в тридцать четвертом поколении! А этот... он же просто ходячая проблема! С таким свяжешься и потом остаток своих дней будешь страдать и в себя приходить! А еще есть Макс, который где-то здесь, ищет тебя! Думаешь, если он увидит свою невесту на каком-то мужике, то обрадуется? Да твой жених устроит всем нам ночь длинных ножей! И будет большой удачей, если кто-то из нас выживет! Для него твоя измена – худшее оскорбление, плевков в лицо! А такие, как он подобного не прощают, как бы влюблены не были! Думаешь, если у Макса матримониальные планы, то он тебя не тронет? Всё, что ему нужно – это чтобы ты смогла дойти до алтаря и произнести брачную клятву. А это можно сделать и без некоторых частей тела! Не стоит забывать и про твоего папашу, который тоже здесь, и...

– Так, всё, хватит!

Потерев щеки, я заправила волосы за уши, вдохнула, выдохнула и спросила:

– Что ты предлагаешь?

– Ты залезаешь внутрь вешалки, я прикидываюсь сотрудницей клуба, и мы сваливаем из этого храма непотребства, пока всё это не зашло слишком далеко!

– Думаешь, сработает? – я топталась на месте в нерешительности.

– Я верю в это, – провозгласила Ниса, схватила валявшийся на столике черный парик, водрузила его себе на голову и жестом указала мне забираться под чехол.

Со вздохом отчаяния я подчинилась.

Наш, а вернее, подружкин, план удался. Ниса легко выволокла вешалку из комнаты для персонала. Я тихо сидела внутри, покачиваясь на поворотах и обеими руками цепляясь за расшитые блестками, а потому напоминавшими змеиную чешую костюмы.

Быстро толкая перед собой громоздкую конструкцию на колесиках и попеременно извиняясь перед теми, кто попался ей на пути Ниса выкатила нас с костюмами сперва из комнаты с танцующими, что я поняла по быстро возникшей и также стремительно затихшей музыке, а после сразу порулила на выход.

Очень скоро я услышала вопрос, заданный басом:

– Эй, ты это куда?

– Везу наряды в химчистку, – смело соврала подруга.

– Какая химчистка? – удивились в ответ. – Полночь на дворе.

– Круглосуточная! – рявкнула подруга. – Девочкам не в чем выступать! Или прикажете им вокруг шеста отплясывать в ваших пиджаках?

– Но зачем сейчас-то? – уже чуть менее уверенно проговорил басовитый голос. – Выступления скоро закончатся, да и костюмы им уже ни к чему. Их там сейчас по полной про-

грамме...

– Сегодня ни к чему, а завтра опять понадобятся! И вообще, мне шеф приказал – я делаю! И в отличие от вас глупых вопросов не задаю!

– Ладно, ладно, – пошел на попятную говоривший. – Только давай сама, мне некогда этим заниматься.

Я почти выдохнула с облегчением, как внезапно последовал новый вопрос:

– погоди-как, а ты кто такая? Я тебя раньше не видел.

– Потому что я новенькая, – легко нашлась Ниса.

– А-а-а, точно, – неожиданно одобрительно отреагировал мужчина. – Маркиза говорила о тебе.

– Да? – холодно удивилась подруга, облакачиваясь о вешалку. – И что говорила?

– Что ты смышленная, – хмыкнул охранник. – И симпатичная. Выпьем кофе после смены?

– У меня очередь на кофе расписана на месяц вперед! – огорошила его банши и вновь ухватила за вешалку.

Глава 15

Подул ветер, донося до меня свежий воздух. Я с наслаждением вдохнула полной грудью. Пробыв некоторое показавшееся вечностью время взаперти, начинаешь ценить свободу.

Вешалка затряслась, хлипкие колесики заскакали на мелких камнях и ухабинах. Сквозь легкое дребезжание и перестук металлических «плечиков» я услышала шепот подруги:

– Не высовывайся пока, охранник за нами следит. Сейчас заедем за угол, тогда и вылезешь.

И тут я вспомнила.

– Ч-ч-ч-черт!

– Что такое? – забеспокоилась подруга, ловко управляя альтернативным средством передвижения.

– Я забыла ключи от машины Гриши! – с досадой застонала я. – Там, в комнате!

– Шутишь? – не поверила мне подруга.

– Да, только этим и занимаюсь! – вспыхнула я и приказала: – Всё, давай, останавливай эту телегу! Я больше не могу ветошь имитировать! Еще и воняют эти платя просто зверски!

Ниса остановила вешалку, дернула вверх молнию, и я с облегчением вывалилась наружу, ругаясь сквозь зубы и отряхиваясь, словно мокрая кошка.

– Может, все-таки попытаемся добраться до Гришиной тачки? – неуверенно закусила губу подруга.

– Ага, а откроем как? – я пыталась поправить одолженный в одностороннем порядке наряд, натянув юбку как можно ниже, чтобы спрятать как можно больше, но с тем же успехом можно было пытаться прикрыться лунным светом.

– Стекло выбьем и попробуем завести при помощи проводов, – выдвинула предложение подруга.

– Как только ты притронешься к машине, сигналка завоет так, что перебудит половину района. Кроме того, у некоторых моделей, насколько мне известно, срабатывают защитные механизмы при попытке завести двигатель без ключа, – покачала я головой. – Слишком рискованно. Не пойдет!

– Твои предложения! – потребовала подруга.

– Пошли пешком, – вздохнула я и направилась вниз по улице.

– Мы будем идти до утра! – закричала за моей спиной банши, но не выдержала и бросилась догонять. – До твоего дома топать часа три, до моего и того дальше.

– Ничего, – будучи босой приходилось внимательно глядеть себе под ноги и выбирать дорогу. – Рано или поздно дойдем.

Ниса печально вздохнула, но с моей идеей смирилась быстро.

Мы молча дошли до конца улицы и свернули на проспект, где даже в это позднее время сохранялось движение транс-

порта.

– Нас примут за проституток, – безучастно проговорила Ниса то, о чем я и сама успела подумать, достаточно было встретиться глазами с парочкой водителей.

Не успела ответить, как рядом с нами затормозила машина с предложением, за которые можно было и по печени получить. Благополучно послав двух навязчивых граждан в дальнее и не наполненное смыслом путешествие, мы с Нисой продолжили свой путь, сохраняя на лицах угрюмость, а осанкой демонстрируя нашу девичью гордость, чтобы не провоцировать новую волну предложений.

Но даже наше категорическое нежелание общаться не остановило столичных полуночников. Пока дошли до другого конца проспекта успели столкнуться с целой охапкой предложений приятно скоротать то, что осталось от этой ночи. Среди приглашателей имелось несколько выходцев из юго-восточной Азии, парочка байкеров, типичный представитель золотой молодежи, чей призывный свист перекрыл даже гремящую внутри огромного джипа музыку. И даже группа подростков, наивно верящих, что ночью не видно пубертатных прыщей на их лицах. Разбираться со всеми пришлось Нисе. Забористой тирады и парочки злобных взглядов хватило, чтобы стремящиеся к близкому знакомству мужчины пересмотрели свои цели на жизнь и изменили траекторию следования. Меня чужое внимание очень быстро утомило, а потому на очередной притормозивший чуть впереди нас ав-

томобиль я даже не обратила внимания.

– Ух, ты, – прошептала с придыханием подруга и я всё же соизволила отодрать уставший, сонный взгляд от тротуара, чтобы узнать причину восхищения.

И замерла.

Из сверкающей отполированными боками «Ауди» вышел молодой человек в спортивных штанах и рубашке, накинутой на голое тело и застегнутой лишь на пару нижних пуговиц, предоставляя возможность рассмотреть рельеф тренированных мышц и красивый ровный тон кожи. Волосы пепельно-серого цвета, небрежно зачесанные на одну сторону, демонстрировали выбритый висок и выбитую вдоль над ухом татуировку. Крадущуюся пятнистую кошку.

– И вновь мы встретились, – обольстительно улыбнулся парень и направился нам навстречу, держа руки в карманах. Голос был знакомым, как и глаза, в которых разливалось золото, будто бы подсвечивая его лицо изнутри.

– Радуюсь этому только ты, – подружка одарила его ответной улыбкой, очень напоминающей крокодилию, силой заталкивая меня к себе за спину.

– Ты так и не назвала мне своё имя, – с заманчивой, соблазняющей улыбкой парень смотрел на меня и только на меня. – А не сказала, когда мы встретимся...

Я чувствовала себя так, будто меня затягивает в водоворот, из которого не выбраться.

Игра началась.

– Ни к чему тебе её имя, – огрызнулась подруга, продолжая солировать. – Тем более, что вы больше не встретитесь!

– Ты вы этом так уверена? – спросил он её, но глаз не сводил с меня, рассматривая лицо, шею, грудь, спускаясь всё ниже. И в этом взгляде было столько неприкрыто, откровенно демонстрируемого желания, что у меня закружилась голова.

– Конечно! – воскликнула Ниса, гневно вскинула подбородок и сделала шаг вперед, чтобы оказаться впереди и закрыть меня собой окончательно. – Зачем ты нам?

– Ну, я могу вас подвезти, – парень наклонился, чтобы оценить состояние моих ног. – И не придется идти босиком, одновременно отбиваясь от навязчивых зазываний скрасить чье-то одиночество.

– Чтобы скрасить твоё одиночество? – ощерилась подруга, упирая руки в боки с видом человека, готового не только вступить в драку, но и начать революцию.

– Не сегодня, – он выразительно облизнул нижнюю губу. – Но возможно однажды...

– Никогда! – оборвала его подруга, заорав на всю округу.

– Мы согласны, – отодвинув обескураженную банши в сторонку, тихо проговорила я. – Согласны воспользоваться твоей помощью.

– Прошу, – парень широким жестом указал на свой автомобиль и даже подошел к двери, чтобы распахнуть её для нас.

Для меня.

Опираясь на предложенную руку, я села на переднее сидение. Ниса устроилась сзади, прожигая мой затылок гневным взглядом.

Парень занял место водителя. Ровно урча мощным мотором, машина плавно и мягко тронулась с места, быстро набрала скорость и полетела по проспекту.

– Куда едем? – бросив на меня горящий взгляд, спросил парень и включил музыку, продемонстрировав ему хороший вкус, потому что люди с плохим вкусом не слушают джаз.

Он хоть и представлялся, но его имя я благополучно успела забыть. Сообщать об этом показалось неприличным, к тому же, все свои усилия я сосредоточила на том, чтобы не думать о том интимном моменте, который произошел между нами в клубе.

Я продолжала молчать, а потому адрес моей квартиры пришлось называть Нисе.

Парень кивнул, показывая, что знает, где это и лениво откинулся на сидении, оставив на руле только одну руку. Подобная манера вождения мне всегда казалась слишком пафосной и демонстративной, но у него получалось очень... естественно. По-настоящему. По-мужски. Вообще, всё, что он делал казалось очень искренним, этим и покорило. Он не притворялся. Он жил, был собой и не допускал сомнений.

– Я раньше не видел в «Шанхае», – через некоторое время

заговорил златоглазый, делая музыку чуть тише. – Первый раз пришла?

– Не то, чтобы пришла, – оговорилась я, но быстро исправилась и уверенно ответила: – Да, первый раз.

– Кто тебя пригласил? – по мягким губам скользнула тень таинственности.

– В смысле? – залюбовавшись им, я не сразу поняла вопрос. Точнее, вообще не поняла.

– Ну, в клуб с улицы не попасть, – переводя взгляд с меня на пустынную дорогу, проговорил парень. – Каждый, кто приходит должен быть кем-то приглашен. Мужчины, как правило, приводят жен или любовниц, женщины – любовников или подруг. Так, кто пригласил тебя?

– Меня...м-м-м..., – я замялась и не придумала ничего лучше, как сказать правду. – Меня пригласил Макс.

– Макс? – брови парня удивленно взлетели. Откинув волосы со лба уверенным движением левой руки, он заметил: – Впервые слышу, чтобы его так называли.

– Серьезно? – заерзала сзади Ниса. – А как его называют?

– В клубе к нему обращаются «Месье», – просто ответил парень и решил пояснить: – Он ведь владеет клубом. В его власти пустить или не пустить любого гостя. А его главную помощницу называют Маркизой.

– Еще бы падишахом и шахиней назвались! – пренебрежительно фыркнула с заднего сидения Ниса. – И вообще, какое отношение все эти месье, маркизы и помпадурсы имеют

к китайскому городу? Придерживались бы уже одной тематики! А то скачут не только по странам, а по целым континентам!

– Шанхай называют Парижем Востока. Может быть, в этом связь? – предположила я. И решила уточнить: – А в клубе что, проводятся настолько желанные вечеринки?

– Именно! – поддержала меня подруга. – Макс ведь не последний из «Битлз», чтоб к нему очередь из желающих причаститься выстраивалась!

Парень поглядел на меня с ласковым снисхождением. Так, будто по голове погладил.

Каждый его взгляд, каждый жест, каждую мысль я ощущала всем телом.

– В клуб приходят отдыхать люди, заключающие за ужином многомиллионные сделки. Это не просто дяди и тети, которым скучно дома сидеть. Это те, кто одной росписью способен решить судьбы тысяч, а то и сотен тысяч людей. Заполучить тесное знакомство, а атмосфера «Шанхая» именно на это и направлена, хотели бы не просто многие, а очень многие. Посещать «Шанхай» – это как быть допущенным в близкий круг элиты.

– Какая прелесть! – поддельно восхитилась Ниса с заднего сидения. – Вот только если ты голышом резвишься с владельцем какой-нибудь нефтяной вышки – это еще не значит, что он будет тебе нефть бесплатно поставлять.

– Да, но это значительно расширяет список твоих возмож-

ностей, – хмыкнул парень. – Даже несмотря на то, что общение вне стен клуба не приветствуется.

– Что-то мне это напоминает, – задумчиво пропыхтела из своего уголочка подруга. – А, знаю! Правила бойцовского клуба! «Кто ты в бойцовском клубе – это одно, а кто ты в остальной жизни – иное».

– Не думаю, что это одно и то же, – иронично вздохнула я.

– Конечно, нет! – воскликнула продолжающая тревожно ерзать на заднем сидении. – У Паланика люди возрождались, а здесь просто трахаются.

– Может быть, именно так они и возрождаются, – допустила я.

Глава 16

На самом деле, чужие интимные приключения меня не интересовали вовсе, а вот свои собственные – очень даже.

– Как ты меня узнал? Мы же были в масках, там, в клубе.

– Ты же меня как-то узнала, – его рука легла на мое колено и сжала.

Мне стало труднее дышать, а Ниса рявкнула:

– Эй! Лапы убрал! Я её и так едва в чувство привела!

– Приятно это слышать, – прошептал парень, сильнее впиваясь пальцами в мою кожу, что было еще не больно, но уже не грани боли. Еще не страшно, но близко к тому, чтобы запаниковать.

– Я узнала тебя по глазам, – рассматривая тыльную сторону его ладони, где четко просматривалось несколько асимметричных коричневых пятен, ответила я. – Редко встретишь подобный оттенок. Но у меня-то глаза совершенно обычные.

– Зато необычные волосы, – мягко проговорил парень, поглаживая мою кожу большим пальцем руки, что казалось еще более интимным, чем если бы он вновь увидел меня обнаженной.

– Самые обычные у неё волосы, – это опять Ниса, отчаянно бдила и ратовала за нашу благопристойность. – Ничего особенного.

– Твои волосы отливают голубым в темноте, – я ожидала чего угодно, но только не этого. – Ты знала?

– Нет, – растерянно покачала я головой.

– Голубым? Типа как медузы? – разрушила всю томность момента подруга, которой всё не сиделось молча.

– Где ты видела голубых медуз? – удивилась я.

– По Дискавери, – пожала плечами подруга.

– Нет, – не согласился парень. – Как Полярное сияние.

– Никогда не видела, – надулась подруга обиженным хорьком. – И никогда не видела, чтобы волосы Ди светились!

– Так, значит, тебя зовут Ди, – быстро сообразил наш новый знакомый. – Очень... лаконично.

– Это сокращение, – пояснила я непонятно зачем. – От Диаманты.

– Диаманта? Это как диамант, но только на женский манер, да? – выдвинул он теорию и не успела я ответить, как он воодушевленно продолжил: – Дай угадаю! Оно значит «драгоценная»!

Он улыбнулся, и улыбка эта была магической, колдовской, влекущей и увлекающей.

– Нет, – разочаровала парня Ниса, швыряясь в меня безрадостными злыми взглядами. – Оно значит «великая над великими», потому что произносится не слитно, а делится на три части: Ди Аман Та.

Парень задумался на несколько долгих мгновений, настолько глубоко, что даже перестал обращать на нас внима-

ние, как будто бы позабыв о нашем присутствии, а после гораздо сдержаннее, чем до этого спросил:

– Кто ты? – и сразу добавил: – Врать, что ты – человек не советую. Я чувю, что это не так.

И этой фразой он окончательно подтвердил мои догадки.

Златоглазый относился к племени оборотней.

– Чуешь? – чуть упавшим голосом спросила я, рассматривая чистый, идеально ровный профиль нашего нового знакомого.

Рука на моем колене стала жесткой, превращаясь в тиски.

– Ты ведь поняла, кто я? – легко, будто это было чем-то незначительным, вроде группы крови или знака зодиака, спросил он.

Я кивнула.

– Ягуаретта, – произнесла и услышала, как резко выдохнула Ниса.

– Ягуар, – поправил меня оборотень. – Мы называем себя ягуарами, «ягуаретты» – это другие оборотни придумали так говорить о нас. Это слово несет в себе пренебрежительность. Никогда не используй его больше.

Смена плавной, спокойной и какой-то теплой речи на приказ, в котором власть и жажда еще большей власти зазвенели бьющимся стеклом была столь неожиданной, что я быстро кивнула, демонстрируя полное согласие.

– Так вот, как и животные, мы получаем и передаем информацию, используя обоняние. Друг с другом мы, ягуары,

общаемся с помощью поведения и запахов. Со всеми остальным этот навык работает только в одну сторону. Основываясь только на запахе, мы можем узнать о ком угодно больше, чем он сам о себе знает.

Слышать, как кто-то говорит о себе, как о животном, совершенно этого не стесняясь и принимая себя полностью, было немного странно. Помимо Гриши у меня не было других знакомых оборотней. А вожак волков за исключением того случая в моей квартире, когда потерял самообладание и позволил своим глазам стать волчьими, всегда вел себя подчеркнуто обыденно.

– И что ты можешь сказать обо мне? – спросила я. За окном замелькали знакомые пейзажи. В окнах многоэтажных домов, мимо которых мы проносились, давно не горел свет. Погруженные во тьму, стояли закрытыми магазины, радовали своей пустынностью остановки городского транспорта. Жители города спали и даже не подозревали, насколько важной была эта ночь.

Для всех нас.

– Что твоё тело хочет меня, – сообщил парень так, будто беседовал о чаепитии у самовара с пряниками.

На заднем сидении зашлась в судорожном кашле Ниса, громко, со свистом хватая воздух и колотя себя кулачком в грудь.

– Хочет так сильно, что тянется ко мне. И ты ничего не можешь с этим поделать, – золото в глазах оборотня заис-

крилось, затанцевало с новой силой, будто золотые песчинки, подхваченные ураганом.

Я стиснула зубы, чувствуя, как алеют щеки.

Я, взрослый человек, всё детство наблюдавший, как заходят и выходят из отцовской спальни новые и новые женщины, многие из которых даже не пытались скрывать, чем именно они занимаются с моим отцом, покраснела! Покраснела, как первоклассница!

– Тебе не стоит смущаться, – парень склонил голову к плечу. – Реакция твоего тела на меня – самое правильное, что может быть.

Я неистово заморгала и замахала руками на горящее лицо.

– Я не понимаю...

– Тебя тянет ко мне, как женщину к мужчине, но не только, – с таинственной улыбкой, в которой мне привиделись зловещие черты, разъяснил парень. – Ты чувствуешь во мне то, чего тебе самой в себе не хватает.

– И чего же? – знала, что не нужно поддаваться на провокацию и продолжать этот странный диалог, но всё же не смогла устоять.

– Жестокости.

Возможно, я ошиблась, а возможно по его лицу действительно скользнуло презрение.

Появилось и пропало.

Стало так неудобно. Жар отступил, стало зябко. Перемена была столь резкой и грубой, что заныло разом всё тело,

как если бы я из приятно-горячей ванны сиганула в ледяную прорубь.

– Поворачивай направо, – с неприкрытой враждебностью приказала Ниса, а я с радостью и облегчением увидела поворот на родную улицу.

Парень молча подчинился и едва впереди показался мой дом, я практически заорала:

– Тормози!

– Как скажешь, – рассмеялся водитель и покорно остановился, подрулив к заезду во двор. – Значит, здесь ты живешь?

Он наклонился вперед, рассматривая сквозь стекло мой многоквартирный дом.

– Выглядит...

– Неплохо, да? – с энтузиазмом воскликнула я, отстегивая ремень безопасности.

– Скверно, – вынес откровенный вердикт златоглазый, кладя руку поверх моей, потянувшейся, чтобы распахнуть дверь. – Стой.

– В гости не позову, даже не думай, – решительно пресекла я все возможные намеки.

– Я так и не ответил на твой вопрос.

Я замерла, сама мысленно удивившись такой покорности, которая была мне в принципе несвойственна.

– Ты ответил на все мои вопросы. Других у меня нет! – поторопилась заверить его я, но не получилось.

Он не поверил, и правильно сделал.

– Пусть твоя подруга выйдет, – приказал парень.

– Если я и выйду, то только для того, чтобы выкопать тебе могилу, – с ненавистью пообещала ему Ниса.

– Пусть она выйдет, и я сообщу тебе кое-что интересное, – напустил тумана оборотень.

– Ниса, выйди, – приказала я.

– Но, Ди! – начала спорить подруга.

Договорить я ей не дала.

– Поднимись наверх и проверь квартиру, – бросив на банши красноречивый взгляд, выразительно округлила я глаза. – Мало ли, кто мог заявиться, пока нас не было.

– Это да, но...

– Иди.

Ниса коротко выругалась и выскочила на улицу, громко хлопнув дверцей.

– Говори, – развернулась я к парню, проследив, как подруга, шаркая ногами и пиная воздух, направилась ко входу в подъезд. Правда, стоило ей подойти, как я вспомнила, что мои ключи от собственной квартиры остались в сумочке, а сумочка – в ресторане. Возможно, она до сих пор там. И вряд ли подружка захватила свой комплект, который у неё имелся довольно давно, потому что протащить с собой связку металлических ключей в условиях побега голышом было весьма затруднительной задачей.

Парень подался ближе, склонив своё лицо к моему. Я уви-

дела, как вздрогнули и расширились его зрачки, вытесняя золото радужки.

Ощущение было будто произошло солнечное затмение.

Шумно втянув воздух, пропитанный моим запахом, он чуть прикрыл веки, а после проговорил мне в волосы.

– Аромат твоей кожи... особенный. Я знал, что учуяв его однажды уже никогда не забуду. Он будто оцарапал меня, оставив внутри неглубокие, но ощутимые порезы, которые всё никак не желали заживать.

– Прости, – его столь близкое присутствие поджигало что-то внутри. Думать становилось труднее. Мозг ослепляющими вспышками концентрировался на нем. На тепле, исходящем от его тела, на тяжести его руки, лежащей на моем плече, на прерывистом дыхании, словно ему так же, как и мне не хватало воздуха.

– И я знаю, что царапины не затянутся, пока ты не будешь со мной, – закончил он и прижался своей горячей щекой к моей, отчего по телу как разрядом тока ударило. – Чувствуешь? Твое тело реагирует на меня. И так оно будет реагировать только на меня. А знаешь, почему? Потому что той ночью я ударил тебя. И почти убил...

Меня затрясло, как от затяжной лихорадки. Захотелось одновременно и сбежать, и остаться на месте.

И я не знала, как будет лучше.

Отчаяние сковало, сдавило что-то в груди, заставляя смотреть на него, слушать его и верить ему больше, чем се-

бе. Когда-то я уже переживала нечто похожее, встречу подобную этой, за которой последовало расставание. Я знала, каково это – жить без «него», каждый день продолжать идти вперед без «него», стремиться впитать в себя каждую «его» частичку и каждый «его» день, запомнить каждую секунду рядом «ним», чтобы потом собирать эти моменты как собирают старые фотографии, бережно укладывая в альбом и зная, что людей на снимках уже давно нет.

Глава 17

– Знаешь, – он потерся об меня щекой подобно большой сильной кошке. Движение мускул и перекатов мышц, которые я ощутила под упругой кожей были олицетворением мощи, силы, дикости. Олицетворением самой природы, как она есть. – Сейчас, держа тебя в своих руках, мне кажется, будто я вернул себе что-то очень ценное. Но в нашу первую встречу такого чувства не было. Кажется, мне необходимо было прикоснуться к тебе, чтобы это осознать.

Его рука скользнула мне на шею, погладила кожу, большой палец лег сперва на подбородок, а потом медленно двинулся вниз. И синхронно с этим движением внутри меня, подобно струне, начало натягиваться что-то такое чувствительное, отчего я тихо-тихо застонала.

– Ты такая податливая, такая чувствительная, – зашептал он мне в губы, а глаза его превратились в смоляные озера с золотистой окантовкой. – На каждое моё движение ты откликаешься будто моя тень. Но тогда, в той подворотне, ты такой не была. Знаешь, сперва я разозлился на этого вездесущего пса за то, что он помешал мне доделать начатое. Но теперь... теперь я ему благодарен.

– Ты... ты..., – захрипела я, распахивая глаза шире. – Ты тот оборотень, что ранил меня...

– Да, – широко ухмыльнулся парень. Ни проблеска жало-

сти, ни призрака неуверенности. – Муза должна была умереть той ночью, но ты с такой прытью бросилась её спасать, что даже меня это удивило.

Застыв, я некоторое время не шевелилась, не дышала, даже не моргала.

А потом медленно потянулась за спину в попытке нащупать ручку.

– Ниже, – чувственно прошептал мой собственный несостоявшийся убийца.

Я машинально подчинилась, пальцы ухватились за подвижный механизм, щелкнула открывшаяся дверь и я вывалилась на грязный асфальт спиной вперед.

Ушиблась, но резво подскочила и бросилась к дому, слыша за спиной тихий самодовольный смех.

Вскользь отметив, что домофон на двери не работает, сломан, а моя машина стоит рядом, впритык к тротуару, я внеслась в подъезд. Ни одна лампочка не горела, но я резво помчалась вверх, перескакивая через ступеньки.

В рекордные сроки достигла родной двери, с сожалением и досадой обозрев то, что от неё осталось. Кто-то постарался и буквально выдрал створку вместе с кусками короба. А потом не придумал ничего лучше, чем просто прислонить её к проему.

Помянув незваных гостей незлым тихим словом, я внеслась в квартиру под бодрое замечание подруги:

– За тобой что, черти верхом на казанах гонятся? – она

сидела в комнате на диване со странным видом разглядывая стенку.

– Нет, – выдохнула я и прошла на кухню.

– А топотала так, будто участвовала в забеге, обгоняя бесшумных бизонов на поворотах, – едко прокомментировала подружка, появляясь в кухне следом за мной. – Что ищешь?

– Кофе, – односложно ответила я, хлопая дверцами шкафов.

– Прекращай поиски, – деловито кивнула подруга. – Его нет.

– Уверена? – я полезла за банки с крупами, памятуя о собственной привычке делать запасы.

– Я всё обшарила, пока вы там с этим Даниэлем в тачке шептались, – подружка обиженно надула губы, но надолго её как всегда не хватило: – Так, о чем шептались-то?!

– О любви, – сухо сообщила я, опираясь бедром о стол и устало застывая. – Что будем делать?

– Конкретизируй, – подавив зевок, потребовала подруга. – С дверью, с твоим новым возлюбленным, с Максом, который вот-вот здесь объявится или с отсутствием в твоём доме кофеиносодержащих напитков?

– Последнее, – выбрала я. – Нужно срочно мозги прочистить. И либо кофе, либо ледяной душ.

– Ну, – поскребла затылок Ниса, разглядывая пол. – Магазины в такое время не работают, кафе тоже. В барах кофе редко наливают, зато могут предложить чего покрепче, я бы,

кстати, не отказалась. Остается доставка. Или душ!

– Давай сделаем, как в детстве, – предложила я.

– Заплачем? – выдвинула вариант Ниса.

– Нет, – плакать хотелось и даже очень, но я упорно подавляла слезы. Не время было размазывать сопли по лицу. –

Заглянем к соседям.

Я вернулась в прихожую, вынула чужие ключи из другой своей сумки, которые остались в ней с той памятной поездки на дачу и направилась к соседской двери, попутно поясняя:

– Симона всё еще в командировке. Сейчас зайдем к ней и проведем инспекцию на кухне. Наверняка что-нибудь кофейное да найдется. Лично мне подойдет даже растворимый кофе.

– Симона... Симона..., – задумчиво бормотала за моей спиной подруга, пока я вставляла ключ в замок.

Едва мы оказались в квартире соседки, как в голове Нисы наступило прозрение.

И она вслух закончила свои мысленные метания:

– Так это же она укатила в Париж! Вот почему мне казалось, что кто-то совсем недавно упоминал про Францию!

– И что? – не отреагировала я, потому что успела добратсья до кухни и начать перебирать стоявшие на открытых полках баночки и упаковки.

– Ди, – странным голосом прошептала Ниса, замирая в двух шагах от меня.

– М-м-м? – отозвалась я, роясь в имуществе соседки.

– Здесь кто-то есть, – напряженным шепотом закончила подруга.

Я обернулась.

Ниса стояла столбиком в двух шагах от дивана, интенсивно кося глазами вниз и чуть в сторону.

Здесь следует отметить, что квартира, в которой обитала Симона была сделана под студию. Предыдущие хозяева снесли внутреннюю стену, увеличив свободное пространство и количество проникающего внутрь света. Симону, как девушку свободную и чаще спящую в самолетах, чем в собственной кровати, планировка квартиры устроила полностью. В том числе и потому, что появлялась она в ней редко. Основная функция жилья сводилась к хранению её вещей. Такой подход привел к тому, что обстановка была близкой к спартанской. Диван, складной деревянный столик на азиатский манер, предполагающий сидение на полу, встроенный в стену шкаф и такая же встроенная откидная кровать, которая вынималась крайне редко. Вот и всё, что здесь имелось, за исключением кухонного шкафа, плиты и мойки. Даже шторы на окнах отсутствовали, вместо них стекла закрывали жалюзи. Даже в монастыре было менее аскетично. Но соседку, вроде, всё устраивало.

И вот сейчас, вытянув голову и заглянув за спинку синего дивана, я увидела силуэт лежащего под пледом тела, укрытого с головой.

На размышления много времени не потратила. Вытянула

из подставки самый большой нож, захватила длинную деревянную ложку и вернулась к дивану, обойдя его с другой стороны. Зажав ложку в вытянутой руке, я потянулась к телу и ткнула кухонным орудием куда-то в область голени спящего.

Тело сонно пошевелилось, невнятно замычало, из-под одеяла показалась женская рука, которая повозилась у подушки, а после над постелью приподнялась черная взлохмаченная макушка.

– Руся?! – в один голос завопили мы с Нисой.

Глава 18

Муза содрогнулась и резко села. Замерла, словно оцепенела, после медленно повернулась в мою сторону и... заорала.

Да так, что я выронила и нож, и деревянную ложку, схватившись за уши, чтобы хоть как-то приглушить вой этой сатанинской бензопилы, в режим которой вдруг перешла муза.

Как только одолженные мною у Симоны боевые орудия стукнулись об пол, Фируса вихрем сорвалась с дивана, кроликом прыгнула в дальний угол и там сжалась в комок.

Повисла тишина, хотя момент её наступления я пропустила. Тщательно берегла барабанные перепонки от новой порции визга, потому как от первой еще стоял звон в голове.

Когда я отняла руки от ушей, Ниса заговорила:

– После твоего выступления у меня есть вопрос: кто из нас банши – я или ты?

– Возможно, кто-то из твоих родственников отметился, а вернее, пометил семейное древо нашей музыки, – проговорила я, обращаясь к Нисе, но глядя на Фирусу. Муза поджимала ноги и заламывала руки, продолжая пытаться стать как можно меньше в размерах.

– Ты чего там засела? – решительно спросила Ниса. – Паучье гнездо собралась вить?

– Почему паучье? – тонким голосом, по звучанию которо-

го я даже успела соскучиться, пискнула Фируса.

– А какое? – с обидой насупилась банши, глядя на музу сверху-вниз без какого-либо сочувствия. – Ты же у нас паучиха. Паутину в городе наплела, а сама в сторонке засела.

– Да, – кивком поддержала я подругу. – И по какому поводу были эти вопли? Ты же нас сразу узнала!

– Узнать-то я вас узнала, – шмыгнула носом муза. – Вот только не ожидала увидеть вас ночью, да еще стоящими надо мной с ножом!

– Так, – с непоколебимым желанием разобраться, начала Ниса. – Во-первых, с ножом стояла только Ди. Во-вторых, ты сама-то что тут забыла?! Как ты оказалась в этой квартире?

– Через дверь, – моргнула длинными черными ресницами муза.

Мне это надоело. Я пересекла комнату и щелкнула выключателем, включая разом все лампы в квартире. Подруги недовольно поморщились, но против ничего не высказали.

Вернувшись к дивану, спихнула в сторону плед, села и жестом пригласила Нису сделать то же самое. Вместе с Нисой зашевелилась и Фируса, но моментально замерла, стоило банши рявкнуть:

– А ты куда собралась?! – муза плюхнулась обратно на пятую точку и выпучила на нас свои огромные глаза.

– Итак, давай, рассказывай, – с улыбкой начала я, закидывая ногу на ногу. – Что за бродячий цирк ты устроила?

– Почему бродячий? – не поняла Ниса.

– Потому что она бродит по всему городу в то время, как должна сидеть на попе ровно! Именно так, как делает это сейчас! Записочки, цветочки! У тебя что, весеннее обострение?

– Так-то лето на дворе, – вставила Ниса.

– Значит, у неё летнее обострение! – я была не в том настроении, чтобы сдавать позиции.

Но мой гнев утих так же быстро, как и вспыхнул.

Потерев виски, я поняла, что если прямо сейчас и прямо здесь не получу внятные ответы, моя голова просто взорвется.

Возможно, даже, мозгами забрызгает идеально белые обои Симоны.

Кстати, о Симоне...

– Ты знакома с моей соседкой, – я не спрашивала.

Утверждала.

Муза потупила взгляд и бледнеющими губами прошептала:

– Да.

– Ух, ты! Нам ты об этом, видимо, опять «забыла» сообщить, да? Как там Гриша говорил? – она повернулась ко мне, припоминая слова вожака волков. – Выборочный маразм?

– Что-то типа того, – подтвердила я. – Вы с Симоной познакомились до или после её появления за моей стенкой?

– До, – вновь едва слышно вымолвила муза, избегая смотреть мне в глаза.

– Как давно? – спросила Ниса, выпрямляясь и напрягаясь всем телом, будто готовая в любую секунду сорваться с места.

Ответ, который мы получили был самым неожиданным. Я могла предположить всё что угодно, но только не это.

– Почти всю жизнь, – обхватывая себя ладонями за сильно истончившиеся плечи, проговорила муза. – Она моя старшая сестра.

– У тебя есть сестра?! – подхватываясь с дивана, заорала Ниса. – Как? Откуда? Почему ты нам не рассказывала? Что еще ты от нас скрыла?

– Тише, – притянув подругу к себе, я принудительно усадила порывающуюся встать банши обратно на диван. – Как и откуда у неё появилась сестра вопрос бессмысленный, потому что ответ на него очевиден. А с остальным сейчас разберемся. Только не ори, это обычная панелька, здесь слышно, как пес двумя этажами ниже на улицу просится! Еще пару минут таких воплей, и соседи кого-нибудь вызовут.

– Кого? – фыркнула Ниса. – Экзорциста?

– Ага, летучий отряд батюшек, – проворчала Руся.

Ниса прыснула со смеху, что чуть умерило её пыл. Прикрыв рот ладошкой, решила поорать полупшепотом оттуда:

– Кажется, мы тебя совсем не знаем, подружка! Может, у тебя еще и брат имеется?

– Нет, только сестра, – замотала головой муза. – А не говорила, потому что... Симона служит Совету.

Повисла тишина.

– Так, значит, это правда, – и Ниса с растерянностью поглядела на меня.

Мы подумали об одном и том же. – А я думала, это просто легенда.

Имелось одно старое придание, в котором говорилось, что музы были созданы ведьмами как помощницы для Совета. Первые музы сопровождали его членов, куда бы те не пошли, нашептывая правильные слова, вдохновляя и даря необходимые для управления идеи. После из вдохновительниц они переросли в незаменимых посредниц и соратниц.

Двенадцать муз – по числу заседателей в главном руководящем нами органе. Совет управлял той территорией, которую когда-то давно покинули старые боги, многие из которых правили тысячелетиями, пока их подданные не восстали. И не победили. Поговаривали, что были силы, которые направляли и поддерживали бунтующих людей. Но что это были за силы осталось загадкой.

Так или иначе, старые боги ушли, а их место занял Совет, который не смогли полностью потеснить даже новые боги, пришедшие из Нового Света. Точные даты, когда это произошло уже никто и не вспомнит, но бабуля рассказывала мне, что корни нашей семьи следовало искать к западу от Европы, в землях, покинутых нами задолго до их открытия человеческими мореплавателями. Именно поэтому к новым богам Совет относился с некоторой долей пренебрежения и

брезгливости, считая их не более, чем захватчиками чужих, то есть, тех, которые Совет считал своими, территорий. По большей части, он терпел новых богов и ждал, пока те ослабнут, чтобы вернуть своё. Так, Совет был лишен любого влияния на королевство моего отца, а очень хотел бы. В отличие от других, среди Старейшин не было ни одного представителя от морского народа, потому что мы проживали на своих собственных территориях, и подчинялись законам Совета только тогда и только пока находились на их земле. Как я сейчас, например.

– Именно Совет приказал Симоне поселиться в этом доме. Они следят. За тобой следят, Ди.

Ниса перевела на меня взгляд человека, не верящего в реальность происходящего.

– За ней? – и для верности ткнула в меня пальцем. – А зачем?

– Всё из-за твоего отца, – уже чуть увереннее ответила муза. – Совет боится, что такой могущественный правитель под боком рано или поздно захочет расширить границы своего королевства. И отобрать у Совета власть. Они считают твоего отца прямой угрозой себе и своим полномочиям.

Меня охватила растерянность.

– Отец никогда не стремился к подобному, – пробормотала я. – И никогда не строил захватнических планов. Зачем ему это? Его территория и так обширна – ему подвластны все водоемы. Пресные и соленые, большие и маленькие, жи-

вые и мертвые. Моря, океаны, реки – всё это его. И все, кто в них обитает тоже. Единственная причина, по которой наш дворец находится именно у этих берегов, заключается в том, что когда-то моему прапрапрадеду понравился низкий уровень солености и прохлада местных вод. А все, кто правил после него были слишком ленивыми, чтобы заниматься переносом дворца, а вместе с ним и всю морскую столицу вместе с жителями куда-то в другое место!

– Видимо, Совет уверен, что твой папаша пасется поблизости исключительно из корыстных целей, – Ниса брезгливо поморщила нос и обратилась к музе: – Они на полном серьезе думают, что старший родственник Ди отправит армию завоевывать эти земли?

– Да, – коротко махнула неаккуратной макушкой муза, чей природный лоск заметно подрастерялся за последние дни.

– Но что богу воды делать на суше? – задала резонный вопрос Ниса, мысля в очень верном направлении.

– А что сыновьям бога ветра делать под водой? – в своей привычной манере закатила муза глаза, приобретя чуть более уверенный вид. – И всё же, ни одного, ни другого это не останавливает. Они оба хотят Ди в жены. И это, кстати, тоже волнует и тревожит Совет. Они считают, что с помощью зятя-принца, не важно, которого из двух, Таллас постарается обрести дополнительные возможности. В свою очередь два брата стараются ради будущего тестя и наращива-

ют собственные ресурсы. А их междоусобные распри не более, чем постановка для отвода глаз. Согласитесь, в этом есть некоторый резон. Ни Макс, ни Лозовский даже не пытались друг друга убить, зато изо всех сил демонстрируют взаимную ненависть. Старейшин даже не исключают возможность, что у принцессы будет не один муж. А два.

Я закашлялась.

– Что?!

– То есть, двенадцать старых хрычей напридумывали себе сказок и сами же в них поверили? – оглянулась на меня банши.

– Получается, так, – без особой убежденности откликнулась я.

Замечание подруги было резким, однако точным. В Совете Старейшин сидели, собственно, старейшины, то есть, пожилые умудренные опытом представители своего вида. По одному от каждого. Сами представители выбирались путем голосования внутри своих общин на чем-то, вроде народного собрания. Я имела весьма паршивое представление о том, как это происходило, потому что никогда не присутствовала ни на одном из таких мероприятий. Да и с Советом никогда не встречалась. В город они не приезжали, предпочитая отсиживаться в чертогах, расположенных далеко в горах и править, так сказать, на расстоянии.

Муза, словно прочитав мои мысли, проронила:

– Они сейчас здесь.

– Кто? – с чуть туповатым выражением лица уставилась на неё Ниса.

– Старейшины. Они сейчас здесь, в городе. Все двенадцать. Мне сестра сказала. Она часто сопровождает их и постоянно мотается по поручениям.

– Так, – хлопнула в ладоши Ниса. – А вот с этого момента поподробнее. Что за сестра и почему ты от нас её скрывала? И что произошло в квартире Миши? Ты вообще в курсе, что мужик в больнице?

Муза ахнула, вцепилась рукой в подоконник и попыталась подняться, но как подкошенная рухнула обратно.

– Что с ним? – её испуг, быстро переросший в ужас, выглядел очень натурально.

Но она же муза!

Насколько трудно отыграть нужные эмоции той, которая умеет ими управлять?

– Я звонила в больницу, сказали, жить будет, – недовольно буркнула Ниса, наблюдая за музой. – Но, возможно, уже не так счастливо, как прежде. Мужика кто-то основательно потрепал. То, что это была не ты, у меня даже сомнений не возникает. Из тебя боец такой же, как из аквариумной рыбки. Но кто, в таком случае, едва не упокоил крепкого молодого парня, у которого в квартире собственный спортзал?

– Я знала, – прошептала Фируса, её глаза панически забежали. – Я знала, что она может вытворить нечто подобное, но я и подумать не могла, что она...

– Хватит! – оборвала я неразборчивое бормотание. – Рассказывай нормально!

– Хорошо, – всхлипнула Руся с наворачивающими слезами. – Я расскажу. Я всё расскажу...

И она начала говорить. Сбивчиво, тяжело, быстро, порой отвлекаясь на ненужные детали и уточнения, но говорить.

А сейчас это было самым главным.

Глава 19

О том, что у неё есть старшая сестра сама Фируса узнала в двенадцать лет. Тогда родители впервые взяли её с собой в заграничную поездку. До этого Руся справедливо считала себя единственным ребенком. Любимым, балованным и бесконечно оберегаемым.

В тот день посадив младшую дочь рядом с собой Мариса быстро и коротко, не отвлекаясь на, по её мнению, лишние переживания и эмоции собственного ребенка, колебавшиеся от глубокого потрясения до нездоровой радости, рассказала следующее.

Согласно особому внутреннему указу Совета на всех муз было наложено два обязательства. Первое: сочетаться браком исключительно с себе подобными. Второе: в каждой семье должно было родиться не менее двух детей. Больше можно, меньше – нет. Первенцы, независимо от пола, отдавались сразу после рождения Старейшинам для воспитания идеальных прислужниц. Второй по старшинству ребенок оставался в семье, но мог быть призван на службу Совету в любое время с момента наступления двенадцатого дня рождения.

И вот, Русе объявили:

– Совет хочет встретиться с тобой. Заодно, познакомишься с Симоной, своей старшей сестрой.

– Симона? Имя какое-то странное..., – пробормотала в

ответ Руся, которой казалось, будто родители просто жестоко шутят.

– Имя выбирает Совет, – холодно ответила ей мать, на лице которой не было и тени улыбки.

Через неделю девочка предстала пред взглядами Старейшин. Предыдущие семь дней ушли на то, чтобы добраться по пункту встречи – глухой деревни на юге Франции. В страну бунтарей, революционеров, вина и круассанов они с родителями отправились на машине. Стоило им только пересечь границу, как позади их автомобиля пристроилось несколько черных джипов. Так, в сопровождении неизвестных, скрывавшихся за тонированными стеклами, они покатали по пустынным провинциальным дорогам, наблюдая непримечательные пейзажи и изредка встречаясь взглядами друг с другом. Ближе к вечеру мама завязала Русе глаза и весь остальной путь маленькая муза преодолела с плотной повязкой на голове, отчаянно прислушиваясь к каждому звуку и пытаясь понять, что происходит.

Родители на любые её вопросы отмалчивались и очень скоро, осознав всю бесполезность, Руся перестала что-либо спрашивать вообще.

Наконец, машина остановилась, девочку вывели на улицу, где витал стойкий аромат лаванды и еще чего-то, смутно знакомого.

Фирусу взяли за руку и повели куда-то. Вели долго, стойко сохраняя глубокое молчание, но помогая перепрыгивать

и переступать через преграды, взбираться по лестницам и переходить веревочные мосты. Те препятствия, с которыми она не могла справиться стоя на собственных ногах, она преодолевала на мужских руках, которые показались такими надежными, что Фируса периодически соскальзывала в сон, а потому не могла точно сказать, сколько времени заняла дорога. Кем был тот мужчина, который привел её в чертоги Старейшин, Руся так и не узнала.

Когда утомительное путешествие завершилось с неё сняли повязку, предварительно дав наставление: «Досчитай до ста и только тогда открывай глаза». Без прежних вопросов подчинившись, Руся в уме сосчитала до указанной цифры и подняла веки, с удивлением обнаружив себя стоящей посреди высокого и широко каменного колодца. Подняв голову, она увидела небо, оно было ярко-голубым, таким, что после повязки разболелись глаза. Произведя в уме нехитрые подсчеты, Руся сообразила, что фраза про глухую деревню не была преувеличением, ведь у них ушла вся ночь на то, чтобы добраться до Совета.

Оглянувшись по сторонам, она увидела двенадцать фигур в длинных просторных балахонах с наброшенными на голову капюшонами. Они сидели на возвышении, на высеченных из камня стульях, больше напоминающих троны, расставленные по периметру колодца на равном удалении друг от друга. Старейшины мало того, что гордо восседали на престолах, так еще и возвышались не меньше, чем на метр над каждым,

кто оказывался в центре каменного мешка. Этот момент Руся запомнила очень четко, потому что тогда в полной мере ощутила всю свою ничтожность перед наделенными властью.

Лиц членов Совета Руся не разглядела. Горящий в лампадах огонь давал достаточно света, но Старейшины не спешили снимать свои капюшоны. Они просто смотрели на неё. Молча. И от этих взглядов ей, маленькой, перепуганной и растерянной, было неуютно, ведь она чувствовала, что они не просто смотрят. Они изучают её.

Старейшины продолжали молчать, а она, не в силах вымолвить ни слова, молча глядела на них в ответ. Всё это продолжалось не дольше десяти минут, но музе показалось, что миновало с десяток лет. Наконец, один из членов Совета взмахнул рукой. Ткань широкого рукава на мгновение задралась, продемонстрировав сухую старческую руку с пигментными пятнами и вздувшимися мутно-голубыми венами. С жутким скрежетом часть каменной стены отъехала вверх и вошел отец Руси.

Подойдя, он встал рядом с дочерью, но так, чтобы ни кончиком пальца, ни краем странной черной одежды, чем-то напоминающей кимоно, не коснуться девочки.

– Понимаешь ли ты всю важность возложенной на твою семью миссии? – обратился к её отцу глухим дребезжащим голосом тот, который махал рукой.

Фирусе показалось, что он был самым главным в Совете.

И не только потому, что он единственный из всех заговорил и хоть как-то подвигался в то время, как все остальные сидели истуканами. Но и потому, что у него единственного спереди на капюшоне светлого балахона был вышит серебряный знак. Музе так и не удалось рассмотреть его детали, потому что чем сильнее она напрягала взгляд, глядя на символ, тем сильнее он расплывался, превращаясь в серебряное пятно.

– Понимаю, – кивнул не глядя на дочь Артур.

– В таком случае, мы одобряем кандидатуру твоей дочери на пост помощника первого советника. С этого момента и навсегда она – служительница Совету. Единство и сила.

– Единство и сила, – поклонившись, откликнулся отец Фирусы, а после, глядя строго вперед, вцепился в дочь и потащил следом за собой на выход.

Часть каменной стены вновь поднялась, а потом с тем же звуком опустилась, но уже за их спинами. А сами они вышли в похожий на предыдущий колодец, но размером поменьше. Здесь не имелось ни тронов, ни людей в балахонах, благодаря чему Руся задышала ровнее и попыталась задать вопрос. Но отец лишь жестом приказал ей молчать. И девочка послушно затихла.

Из второго колодца отец и дочь тем же способом перешли в следующее помещение – копию первого и второго, но еще на порядок меньше.

Процедура повторилась несколько раз: скрежет, кусок

уезжающего вверх камня, полная безлюдность и нарастающая торопливость отца. Последний колодец оказался таким узким, что высокий худощавый мужчина и девчонка, которую можно было двумя пальцами обхватить едва смогли пробраться по нему бочком.

– Интересно, а что делать людям с чуть более здоровой теломкомплексией, если Совет вызовет их к себе? – Ниса пренебрежительно прервала рассказ музы. – Ну, тем, кто не напоминает собственный рентгеновский снимок? Как в сказке про плюшевого любителя мёда? Сидеть в колодце и ждать, пока похудеешь? Это же концлагерь какой-то!

Я шикнула на Нису, не став дослушивать её возмущенные размышления, и попросила Русю:

– Продолжай.

Подруга кивнула и вернулась к тому месту, на котором её так невежливо прервала банши.

В пятом, самом узком колодце они пробыли достаточно долго. Наверху, где был глухой потолок вместо неба, периодически вспыхивали непонятные красные огоньки. В какой-то момент Русе показалось, что это глаза летучих мышей, но отец, проследив за испуганным взглядом дочери, как бы между делом заметил:

– Блуждающие огоньки. Их еще называют болотниками, из-за того, что они предпочитают селиться на болотах.

– Но здесь ведь нет болота, – проямлила муза.

– Зато здесь есть мы. Они наблюдают.

– Зачем?

– На случай, если мы вдруг вздумаем вернуться обратно, – спокойно пояснил Артур. – Наша аудиенция окончена, и мы должны покинуть это место.

Наконец, часть стены, к которой Руся оказалась частично прижатой, двинулась к потолку, и маленькая муза вывалилась на свежий воздух. Она упала коленями на зеленую траву, дыша часто и глубоко, пытаясь прогнать из памяти воздух, которым были наполнены колодцы, спертый и влажный, воняющий... смертью.

Преодолев несколько метров на коленках, она подхватилась и замерла.

Дорогу преграждали заросли барбариса. Колючие кустарники тянулись вправо и влево так далеко, насколько хватало взгляда, образуя непреодолимую стену из веток с длинными острыми колючками, собранными в густые пучки.

Нервы сдали. У музы началась истерика. Некрасивая, со слезами, несвязными воплями и конвульсивными содроганиями. Подбежавший отец обнял дочь, прижал к себе и начал укачивать, успокаивающе поглаживая по голове и что-то тихо приговаривая. Когда кризис немного стих, она слышала слова:

– Ничего, всё хорошо, всё будет хорошо. Они забрали Симону, но я не отдам им тебя. Ты всегда будешь с нами, со мной и с мамой. Ты всегда будешь нашей маленькой девочкой. И мы всегда будем рядом, чтобы помочь тебе. Чтобы не

потребовал Совет – мы поможем.

Когда Руся окончательно успокоилась, Артур рассказал ей, что такие, как они, были созданы давным-давно для оказания помощи Совету. Старейшинам нужно было подчинить тех, кто был против установления новой власти. Многим не понравилась созданная ими система управления, которая мало чем отличалась от власти прежних богов.

– Старейшинами становятся один раз и навсегда, – втолковывал ей отец, укачивая. – Член Совета получает широкие полномочия с момента своего избрания и сохраняет их вплоть до самой смерти, не только представляя свою общину, но и участвуя в управлении над другими. Власть одних и тех же избранников длится столетиями, а некоторые виды способны жить даже дольше пары сотен лет. С момента образования Совета музы были вынуждены отдавать своих первенцев. По сути, их обменивали. Обменивали на спокойную жизнь для остальных отпрысков... Чаще всего, младшие дети не призываются Советом. Но ты – особый случай. Совет выбрал тебя, потому что ты единственная из всех детей сейчас находишься в подходящем возрасте. Тебя выбрали, чтобы дать особое поручение.

– Поручение стать моей подругой? – ни одна мышца на моем лице не дрогнула и это уже было победой.

Если очень долго притворяться, можно и самому поверить в собственную ложь. Если очень долго убеждать себя, что тебе не больно, то боль уйдет. Главное – в это верить.

– Да, – Фируса, наконец, была готова рассказать правду. – Наша встреча была организована Старейшинами. Мне приказали перевестись в твою школу и попытаться наладить с тобой контакт. Но, на самом деле, мне даже делать ничего не пришлось. Вы сами за меня всё сделали.

С каждым произнесенным словом её голова опускалась ниже и ниже.

– А мы-то все эти годы считали тебя нашей лучшей подругой, – Ниса казалась спокойной, но это было спокойствием перед бурей.

– Но я действительно ваша подруга! – встрепенулась Руся, уставившись на нас честными и кристально честными глазами, в уголках которых притаились сверкающие драгоценными камнями слезы. Красивая – словами не описать. Так же, как и все из её породы. – Знакомство с вами было заданием только в самом начале, а после вы стали мне как родные. Вы стали мне ближе всех!

Надежная, любящая семья и красота. Кажется, этих двух составляющих достаточно, чтобы завоевать весь мир. А вот остальным, у кого нет ни первого, ни второго не повезло...

Вспомнилось, что и Симона – красотка, каких поискать. Просто взгляда не оторвать.

И как я могла не заметить семейного сходства? Те же крупные глаза, та же гордая посадка головы, царственная осанка и манера появляться в ореоле собственного превосходства, зная, что все будут смотреть только на тебя и думать

только о тебе.

– Я – идиотка, – захихикала себе под нос. Смех получился нервным, нездоровым. – Вы же с Симоной будто одной краской писаны. И как же я сразу не сообразила, что вы – родственники?

– Мы с ней похожи только внешне, – буркнула муза, несогласно искривив лицо. – А по характеру мы совершенно разные. Она – жесткая, деловая, будто из стали отлитая. Но оно и понятно, Совет забирает первенцев не для того, чтобы им колыбельные перед сном петь. Из них делают универсальных солдат, способных выполнить любую поставленную задачу.

– А до смерти забивать мужчин их тоже учат? – с натянутой улыбкой вставила я.

Муза отвела взгляд, одинокая слезинка скатилась по щеке, а короткий кивок заставил каплю сорвать вниз и упасть на пол.

– Так, Романова поколотила она? Симона? – вновь взвилась Ниса, которую, кажется, оскорбила одна мысль о том, что музы умеют драться. И более того, умеют драться хорошо. – Ты шутишь?!

Глава 20

Вопрос был адресован мне, я на него и отреагировала:

– А похоже?

– Нет, – серьезно подумав, ответила подруга.

И мы синхронно повернули головы к Русе. Вопросы посыпались как из мешка.

– Кто был с тобой в квартире моих родственников?

– И зачем ты поперлась в район Льдозавода? Мы же тебе сказали не рыпаться!

– И зачем сбежала, отправившись бродить по городу раненной? Вместо того, чтобы просто дождаться нас?

– И каким сквозняком в эту историю затянуло Мишку?! – последний вопрос я практически проорала, вспомнила про соседей и быстро захлопнула рот.

Руся прерывисто вздохнула, втягивая шею в поникшие плечи.

– Когда вы привезли меня в укрытие и начали задавать вопросы, я понимала, вы не поверите мне. Чтобы я ни сказала. Любые мои слова были бы восприняты вами как ложь. Потому что сложившаяся ситуация выглядела не лучшим образом...

– Не лучшим образом? – зло расхохоталась Ниса. – Ты пыталась меня убить!

– Я пыталась тебя спасти, – грустно улыбнулась муза, вы-

тянула из-под себя ноги и обняла колени руками. – Всё, что я делала – я делала по приказу Симоны и Совета. Сестре я докалывала обо всем: кто, когда, куда, с кем, зачем и почему. Каждый раз она требовала подробного отчета, предельно детального, включающего даже самые незначительные мелочи. Каждую следующую жертву из списка Лозовского выбирала тоже сестра. Первостепенной задачей Симоны было сделать так, чтобы Макс и Лозовский откровенно пошли друг против друга. Уже по-настоящему... если до этого они ломали комедию, как допускал Совет. Симона изо всех сил старалась устроить в городе неразбериху и лишить Талласа обоих претендентов на руку его дочери. Старейшины надеялись, что один брат ликвидирует другого, а потом схлестнутся их ручные оборотни. Клятва подвластных зверей включает по-смертную месть, даже если цена этой мести – выживаемости стаи. Совет желал, чтобы в конце концов получилось как в той известной считалочке про десять негрятят: «...Последний негритенок поглядел устало. Пошел повесился. И никого не стало».

Мы с Нисой переглянулись, синхронно мотнули головами, как два теленка на лугу и вновь уставились на музу.

– То есть, меня тоже выбрала твоя сестрица? – решила уточнить Ниса.

– Да, из-за Ди. Ты – её подруга, её опора. Пока ты рядом с ней, а ты всегда рядом с ней, у Ди есть поддержка. И это не устраивало Совет. Был отдан приказ любым способом под-

сунуть тебе «сияние», и я не могла его не выполнить. Мы с сестрой служим Совету. Мы – их орудие. А у орудия нет собственных мнений и желаний. Я должна была сделать так, как было велено. Кроме того, эта идея очень понравилась Максу, стоило мне только о ней заикнуться. Он тоже хотел вычеркнуть Нису из списка живых. В этих обстоятельствах я могла не многое, не нарушая прямого распоряжения. Но кое-что всё же могла. Некий... трюк. Я подменила таблетки и отдала Захару другие, не те, которые были подсыпаны предыдущим жертвам, а с другим, гораздо более слабым эффектом.

Ниса вопросительно покосилась в мою сторону.

– Это имеет смысл, – пожала я плечами. – Признай, с оборотнем ты действительно справилась слишком легко. Будь ты под воздействием «сияния», всё закончилось бы куда трагичнее.

– Нет, не закончилось бы, потому что я – дочь своего папы, – напыжившись, попыталась поспорить банши.

– Да, которая еще даже «кричать» не умеет, – закатила я глаза.

– Я умею кричать.

– Пару раз не считается.

– Почему не считается? – оскорбилась Ниса.

– Потому что это было в условиях стресса, – отмахнулась я. – В тебе проявились скрытые ресурсы. Человек под воздействием адреналина способен поднять машину, а ты справилась с отрядом оборотней, чьей кровью из ушей зали-

ло мой ковёр. Ковёр пришлось выбросить, кстати! А еще ты едва не прикончила меня!

– Но не прикончила ведь, – использовала самый сильный аргумент подруга.

– Действительно, памятник тебе надо за это поставить, – ехидно предложила я.

– На памятник не претендую, а вот от премии не откажусь, – решила брать быка за рога подружка.

– Откажешься, потому что премии не получишь, – отрезала я. – За что её тебе давать? Ты на работе когда последний раз была?

– Тогда же, когда и ты, – едко улыбнувшись, вставила подружка.

Я хотела продолжить спор, но увидела улыбку, с которой Руся наблюдала за нами. И поняла – не только я тосковала по былым временам. По тем дням, когда главными нашими проблемами было: чем таким накормить Нису, чтобы она как можно дольше оставалась сытой и куда пойти вечером отдохнуть, чтобы было не слишком дорого для меня и банши, и достаточно пафосно для изысканной природы музыки.

Да, хорошее было время.

Но как писал классик, времена... они меняются.

– Итак, – вернулась я к теме разговора, отогнав приступ ностальгии. – Когда мы оставили тебя одну, ты посидела, несколько дней подумала и...

– ...и решила найти помощь. Последний месяц сестра

провела за границей, сгрузив все дела на меня. Но я знала, что как только Симона вернется и узнает, что Ниса выжила, то сразу же явится с вопросами ко мне. А не найдя меня, возьмется за вас.

– За нас в последнее время кто только не брался! – рассмеялась Ниса со злой издевкой. – И все рвутся к тебе! Очередь пополняется прямо на глазах! Еще чуть-чуть, и я почувствую себя кастеляншей в театральном гардеробе и начну штамповать номерки!

– Главное, что б штемпель не сломался, – вздохнула я, потирая лоб. – Макса в район недостроенной гостиницы ты отправила?

Руся кивнула.

– Но зачем?

– Отвлекающий маневр. Мне нужно было узнать, вернулась ли Симона в страну или нет, потому что точный срок её отсутствия мне был неизвестен. И если вернулась, то прибыла одна или же в компании двенадцати стариков? Такие данные имеются исключительно у пограничной службы, но запрос мог сделать только человек соответствующей должности. Поэтому я решила обратиться к Мише. Помнишь, Ди, ты познакомила нас? В тот день, когда в «Кролике» умерла Лидия.

– Я вас не знакомила, – дернула я губой в выражении искреннего пренебрежения. – Вы сами как-то познакомились. Без моего участия в роли свахи.

– Может быть, – не стала препираться Руся. – Я знала, как связаться с твоим другом, но не могла сделать это без помощи мобильной связи. Телефон у меня забрали, денег, чтобы купить новый не было. И тогда я решила выйти на улицу и попросить помощи у прохожих. Мне повезло. Попался очень хороший парень.

– Уверена, нужного тебе доброго самаритянина ты встретила буквально через минуту, как вырулила из подворотни, – обозлилась на музу банши.

– Ну..., – стушеввалась Фируса. – Случилось такое дело...

– Да знаем мы уже! – вспыхнула Ниса. – Какое дело случилось! Злые мальчишки мордашку твою на одной из этих самых улиц увидели и очень сильно обрадовались! Так обрадовались, что помчались к тебе на встречу, за обнимашками, не забыв прихватить вилы, факелы и стволы!

– Это были ягуаретты? – оборвала я своим вопросом бестолковые вопли Нисы. Наклонившись вперед, внимательно всмотрелась в бледное лицо музы, пытаюсь отыскать признаки... подозрения. – Они в тебя стреляли?

Фируса кивнула.

– Они поджидали нас именно в том месте, где мы с Мишей договорились встретиться. Наверное, стремились доделать то, что один из них начал во дворе моего дома. Но тогда ему помешал Гриша.

– Мы встретились с Лозовским, – сообщила я. – Вернее, он сам с нами встретился. Между делом обмолвился, что

имеет доступ ко всем уличным камерам в городе. Скорее всего, с помощью одной из них тебя и засекли.

– Думаю, за ней наблюдали, а после выловили того, чей телефон она одолжила, чтобы устроить допрос с пристрастием, – предположила Ниса и обратилась к музе: – Парнишка во время разговора рядом стоял?

– Ну, да, – пожала плечами муза. – Не просить же было владельца телефона пойти погулять, пока я его имуществом пользуюсь!

– Так, значит, несмотря на засаду, вы с Мишей встретились, а после дружно бросились удирать. Но тебя подстрелили. Зачем ты вернулась в квартиру?

– В квартиру? – недоуменно переспросила муза. – Ты имеешь в виду, ту, где вы мне приказали сидеть? Я туда не возвращалась. Я не знала о Лозовском и его трюке с камерами. А потому решила, что адрес Макс вычислил адрес укрытия и меня «вели» от самого дома. Поэтому не стала возвращаться. Но после перестрелки Миша очень сильно переживал за меня и постоянно порывался отвезти в больницу. На самом деле, рана была пустяковая, но кровоточила сильно. Чтобы не пугать твоего друга и не привлекать лишнего внимания, я решила поехать к нему. Но сперва мне нужно было связаться с вами. Я понимала, что вы, обнаружив мою пропажу, предположите самое худшее... Решите, что я удрала, чтобы не отвечать за свои проступки. А я не хотела, чтобы вы так обо мне думали! – Руся закусил губу до крови. – Я хотела про-

сто отправить вам записку курьером, но Миша сказал, что это не только не безопасно, но и подло, ведь таким образом я могу подставить ни в чем не повинного человека. И взамен предложил этот план с цветком. Сказал, что ты, Ди, умная и сразу сообразишь, что орхидея – это намек на него. Романов спросил, есть ли у меня на примете неочевидное место, о котором знаете вы, но куда не додумаются сунуться преследователи. Первым на ум почему-то пришел Зотиков. Я написала зашифрованное послание, а Миша оставил его на моей кухне, пробравшись в неё тогда, когда Макс ждал меня на пустыре. Для того я ему и позвонила, чтобы он, решив, что я собралась сдать, снял наблюдение за моей квартирой. И убрал своих людей конкретно из неё.

– Рисковала, – сдержанно заметила я. – Он мог этого и не сделать.

– Мог, но сделал же, – Руся еще раз тяжело вздохнула. – Я просто хотела, чтобы все мы выбрались из этой передраги. Конечно же, Миша не мог не начать задавать вопросы. Я соврала, что мы трое встряли в неприятности, связанные с местным теневым бизнесом. И теперь нас преследуют.

– А вам не пришло в голову просто позвонить? – задала Ниса самый животрепещущий вопрос.

– Я знала, что Макс прослушивает ваши телефоны, – кротко вздохнула муза.

– Да, это правда, – подтвердила я, чем в который раз удивила банши. – Он сам мне в этом признался.

– Вот же ж!..., – Ниса разъяренно грохнула кулаком по подлокотнику дивана. За ударом последовала череда ругательств.

Мы с Русей дали подруге возможность высказаться, зная, что так она успокаивалась. Потратив изрядное количество сил на припоминание всех известных ей синонимов к слову «сволочь», она выдохлась и устало растянулась на диване.

– Ты знала, что Макс собирается сделать симбионтов? – спросила я у Фирусы. – Из себя. И из тебя.

– Да, я знала.

– И он уже осуществил половину этого плана, – обрадовала я всех присутствующих. – В нем теперь живет Пернатый Змей! Ну, или то, что осталось от ацтекского бога...

– Что?! Вот же черт! – схватила за голову Ниса.

– Вся эта история с подселением была полностью режиссирована Симоной, – муза говорила, будто шагала по тонкому льду. Медленно, аккуратно и с готовностью в любую секунду отпрянуть назад. – Она приказала мне аккуратно подкинуть Максиму идею увеличения его возможностей при помощи слияния и сделать так, чтобы он обратился к Морин для проведения ритуала. Симона каким-то образом узнала о давнем конфликте вашего рода со жрицей. И о том, что у тебя, Ди, есть зеркало, которое... скажем так, со спецвозможностями. Откуда узнала – не спрашивай, я не знаю. Сестра намеревалась использовать ненависть бывшей жрицы, чтобы уничтожить тех, кто негоден Совету. Симона рассчитыва-

ла, что как только тварь выберется, то в первую очередь прикончит Ди. Принцесса умрет от рук того, кто сам много столетий вроде как мертв, и Совет останется с чистыми руками. Никто, даже Таллас не сможет ничего ему предъявить. Случившееся объявят несчастным случаем, потом на ожившую жрицу спустят корволант и на этом всё закончится.

Ниса покосилась меня и тихо поинтересовалась:

– И чего это старики на тебя так взъелись? Прямо чуть ли не личным врагом назначили. Странно это как-то.

Я пожалала плечами, показывая, что и сама не знаю.

– Макс в этом раскладе нужен был для отвода глаз. Чтобы Таллас решил – всё это полностью его идея и начал винить в смерти дочери её несостоявшегося жениха. Мол, парень хотел получить больше силы и обойти брата, но не справился и не удержал зло под контролем.

– То есть, Макса заочно и досрочно назначили на должность козла отпущения, – как всегда сделала очень точный вывод Ниса.

– Но в какой-то момент всё вышло из-под контроля.

– «В какой-то момент»? – едко переспросила Ниса, недобро прищуриваясь. – Ты серьезно думаешь, что мы на это купимся? Единственный способ, как твоя кровожадная сестрица могла узнать об этом чертовом зеркале – от тебя! – и банши выразительно ткнула пальцем в сжавшуюся музу. – Это ты ей всё рассказала!

Выслушав Нису, я холодно потребовала:

– Руся? Ничего не хочешь сказать в свою защиту?

– Ладно! Да! Это я! – не выдержала подруга, голос её задрожал. – Но я ведь понятия не имела, что Симона уцепится за эту детскую шалость с Пиковой Дамой и начнет копать. Да так глубоко, что выяснит, кого на самом деле мы вызвали! Она даже была у тебя дома!

Я выпрямилась, подумав о бабушке.

– У меня? – вопросительно похлопала себя по груди.

– Да, – всхлипнула муза, прикрыв веки. – Она пила чай с твоей бабушкой, представившись антропологом и коллекционером предметов искусства. Объяснила свой визит тем, что ходит по пожилым людям и ищет всякие предметы старины. Не для покупки, а чтобы сфотографировать и включить в специальный каталог. Что-то вроде описи древностей на память. Твоя бабушка ничего не заподозрила, даже не поняла, что перед ней слуга Совета. Показала сестре некоторые свои вещи, в том числе, и то самое зеркало. Тогда оно еще было у неё, в свою квартиру ты забрала его после. Твоя бабушка сказала, что зеркало когда-то было получено в качестве подарка от неизвестного поздравителя.

– Значит, вот с чего всё началось, – задумчиво пробормотала я, закусывая губу. – Что случилось в доме Миши? Почему он оказался в лифте?

– В лифте? – моргнула муза.

Кажется, эта ночь стала ночью откровений.

– Именно, – Ниса сползла по дивану ниже, вытянув строй-

ные сильные ноги. – Когда мы прикатились по месту жительства Романова дверь в который раз свободно болталась, а сама квартира пугала пустотой. И здесь хотелось бы поинтересоваться – ты что, пока носилась по городу, нажила себе привычку оставлять жилье нараспашку? Ну, да ладно, не суть важно! В общем, не обнаружив тебя и вообще хоть кого-нибудь, мы уже собрались восвояси и что ты думаешь? Наткнулись на избитого мужика, который и оказался Романовым! Парнишка валялся голышом в лифте, собирая своей физиономией всю местную грязь! Вот она, – Ниса мотнула головой в мою сторону, – очень сильно расстроилась.

– И не только я, судя по тому, что вскоре объявился Лозовский, – пришлось мне вставить небольшое пояснение. – Так, за что ты расправилась с Мишкой?

– Я ничего не делала! Честно! – торопливо начала рассказывать Фируса. – Мы сидели на кухне, пили чай. Обсуждали, разгадали ли вы уже суть моего послания или нет. А потом Мише кто-то позвонил. Он с опаской покосился на телефон, молча встал и вышел. Мне показалось это странным, и я решила послушать. Вышла из кухни, подкралась к соседней комнате и услышала, как Миша кому-то говорит: «Да, она у меня. Нет, никто ни о чем не догадывается. Когда всё будет готово – я сообщу».

– И ты решила, что Романов говорил о тебе? – догадалась я.

Руся кивнула.

– Да, я испугалась. Подумала, что он привел меня к себе не просто так. К тому моменту я уже заподозрила неладное. Не стали бы меня так настойчиво искать только ради мести. Не до того сейчас братьям, чтобы в кошки-мышки развлекаться. Была другая причина. Что-то очень важное..., – она подняла на меня глаза и закончила: – Ты!

Я непроизвольно вздрогнула.

– А?

– Именно поэтому я стала идеальным носителем для тени. Выбравшейся из Изнанки Нуатль даже не пришлось бы тебя искать. Ты бы явилась к ней сама, считая, что она – это я.

– Ничего не понимаю, – потрясла головой Ниса.

– Смысл существования моей сестры – служение Совету. Всё остальное не имеет для неё никакого значения. Любовь, привязанность, дружба, семья – в мире моей сестры всего этого просто не существует. Но я даже предположить не могла, что она решится... решится скормить меня жрице. Отдать ей в качестве бесплатного транспортного средства! Я никогда не думала, что сестре настолько на меня наплевать.

– С его такая уверенность? – проворчала Ниса, которая всё еще плохо соображала.

– Другого объяснения просто нет, – развела муза руками.

– Или ты его не нашла, потому что плохо искала, – фыркнула банши. – Вообще-то, Морин сказала, что это Макс выбрал тебя для мерзкой змеюки.

– А кто, по-твоему мнению, отдавал указания самой Мо-

рин? Кто заставил её связаться со змеелюдями для обсуждения условий предполагаемой сделки? Кто заставил её отправиться в Изнанку, чтобы лично встретиться с Нуатль? Кто заставил её рискнуть всем, пытаясь обдурить Макса? Он далеко не идиот, манипулировать парнем очень трудно. Но у него есть слабое место, и не нужно быть ведьмой или притворяться ею, чтобы это слабое место найти. Один намек на потенциальную опасность для Ди и Макс отдал бы что угодно, отыскал бы кого угодно, из-под земли бы достал, лишь бы его любимой ничего не угрожало. Тебе, наверное, неприятно это слышать, Ди, но он действительно тебя любит. По-своему, но любит. Странной, злой любовью. И никому не позволит тебя обидеть.

– Ага, зато сам готов обижать дни и ночи напролет, – заметила Ниса, села ровно и задала вопрос, который вдруг расставил всё по своим местам.

– А кто тебя познакомил с Романовым?

Глава 21

Вопрос адресовался мне.

– Макс. А его с Мишкой познакомила Марго.

– Трёхнутая секретарша в твоей бывшей конторе, где Максик прикидывался порядочным гражданином и по совместительству детективом? – брови Нисы взметнулись вверх. – Выходит, Мишка действительно мог сдать Фирусу твоему женишку.

– Да, выходит, что так, – с тяжелым сердцем согласилась я. – Но почему не сдал?

– Я убежала, – вклинилась в наш диалог муза. – Когда он пошел в душ, я стащила его кошелек, выбежала на улицу, поймала попутку и поехала в эту квартиру. Больше некуда было. Миша по своим каналам узнал, что Симона уже в стране. Я не хотела с ней встречаться, но предположила, что сюда она явится в самую последнюю очередь. Она эту квартиру терпеть не может, в том числе, и из-за необходимости притворяться радушной соседкой. Она ведь сюда «въехала» только из-за Ди, – муза невеселым взглядом обвела комнату. – Здесь даже вещей её нет, так, несколько мелочей для виду, чтобы не вызывать лишние вопросы. Ключи с собой не носит, лень ей, оставляет их в почтовом ящике. Они в этом доме «умные», достаточно помнить четырехзначный код.

– Остается вопрос: кто расправился с Романовым?

– И кто, если не Фируса, попивал вино и дрых, разложив диван, в квартире, где она должна была прятаться? – меня этот вопрос очень тревожил. Почему-то именно он казался ключевым.

– Я думаю, это могла быть Симона, – полушепотом промолвила муза.

– Симона бухала вином? – не поняла Ниса.

– Нет, – замотала головой муза. – Я про Романова. Про то, кто его избил... Это могла быть она. У Совета обширная сеть шпионов, есть они и в этом городе, и даже в окружении Макса, потому что сам Макс очень хочет либо стать частью Совета, либо заменить собой его. Если Мишка рассказал ему о встрече, то очень быстро эта информация дошла и до Симоны.

– То есть, твоя родственница явилась к Мишке, – начала выстраивать логическую цепочку я, – избил парня и свалила, потому что... а почему?

Муза опустила глаза.

– Чтобы отнять у меня даже призрачную надежду на возможное освобождение от власти Совета. Думаю, сестра решила, что Миша – мой любовник и я могу попытаться с ним сбежать. Вот и явилась, чтобы пресечь возможный бунт на корню.

– А мы же с ней встретились, когда она покидала место преступления! Вспомни, что сказал Лозовский – бабка, встреченная нами у подъезда не была бабкой! – припомнила

Ниса. – Да, дела. Вот это мы встряли. Кругом одни враги и каждый что-то задумал.

Мы умолкли. Каждая думала о своем.

– Это еще не всё, – подала голос муза. – Мои худшие опасения подтвердились, Симона приехала не одна. Совет в городе. Я не знаю, что конкретно они задумали, но вряд ли что-то хорошее.

Мои глаза широко распахнулись. Так широко, как будто кто-то крепко вцепился мне в шею. Сидящая рядом Ниса громко икнула.

И опять начала чесаться.

– Ой, кажется, что-то нехорошее намечается, – не вытерпела банши. – Совет не появлялся в городе сколько? За мою жизнь, по-моему, ни разу!

– Думаю, что твои родители тоже такого опыта раньше не имели, – я была спокойна или, по крайней мере, пыталась таковой оставаться.

Старики, вздумавшие нанести визит, совсем не входили в мои планы.

– Что делать-то будем?

Она уже сейчас была готова действовать, вот только не знала, в какую сторону бежать и кого бить.

Но я собиралась указать ей направление.

– Наша первостепенная проблема – это тень из моего зеркала, – я решила смотреть на ситуацию отстраненно, с позиции стороннего наблюдателя. Так легче было сохранить го-

лову ясной. – Предлагаю с ней и начать.

– Поддерживаю, – поддержала мою инициативу Ниса. – Возьмемся сперва за самое легкое. Потому что с Советом что-то как-то вообще ничего не понятно пока.

Опять повисло неловкое молчание.

– Приступим к разборкам прямо сейчас? – поинтересовалась Ниса неуверенно.

– Медлить нельзя, – кивнула я, решив и сегодня побыть рулевым. – Начнем с самого начала. Найдем зеркало.

– А чего его искать-то? – недовольно надула щеки Ниса. – Висит у тебя в квартире, есть не просит. Что с ним делать правда непонятно. Надо бы с Морин проконсультироваться, потому что я так и не поняла, надо нам его уничтожить аль нет.

– Во-первых, не висит. Его забрали. Думаешь, почему у меня входная дверь выломана? Уж не потому, что соседи рвались соль одолжить! – с холодным скепсисом ответила я. – А во-вторых, Морин... в общем, она теперь для нас недоступна. Другую ведьму искать не будем, потому что на каждом шагу натыкаемся то на предателя, то на шпиона, то еще хрен пойми на кого. Все нужные рекомендации нам дали, с ними и будем работать.

– Это ты какие рекомендации имеешь в виду? Чтобы ты в зеркало не смотрелась? Так в него и так смотреться не хотелось, там же через раз как черт из табакерки мерзкая раздражающая морда выскакивала! – завелась банши, сама едва не

подскакивая на диване словно на пружинах.

– Морин указала нам на закон возвратности, – наставительно промолвила я. – Думаю, это значит, что нужно просто использовать первоначальное заклятье вызова, но в обратном порядке. Макс сказал, что зеркало утащили змеелюди. Значит, у них его и надо искать.

– А мы что, уже верим этому паршивцу? – вспыхнула Ниса праведным гневом.

– В этом я ему верю. Потому что никакой другой информации у меня нет и в ближайшее время – не появится. А отталкиваться от чего-то нужно!

– Еще можно попами оттолкнуться и посмотреть, кто дальше прыгнет! – радушно предложила банши, у которой окончательно испортилось настроение.

– В следующий раз – обязательно так и сделаем, – со всей серьезностью пообещала я. – Но сперва я хочу, чтобы ты выяснила, где именно воины из твоего клана видели змеелюдей.

– Чего? – завопила подруга, подхватываясь. – В лес намылилась?!

– Ага, – легко улыбнулась я, хотя никакой легкости не чувствовала вовсе. – Надо пообщаться с этими чудищами, Нуатль сотворенными.

– Ой, дура, – застонала Ниса, хватаясь руками за голову. – Они же тебя на куски порвут!

– Не порвут, если ты пойдешь со мной, – тонко, а вернее,

очень толсто намекнула я.

– Я ночью в лес не пойду, – заупрямилась банши. – Что мне там делать?! Занозы собирать?!

– Нет, вести переговоры, – у меня в голове наметился план.

– И о чем ты собралась разговаривать с теми, кто совсем недавно эволюционировал из ползучих в прямоходящих? Да и то с помощью магии! – Ниса не оставляла попыток воззвать к моему здравому смыслу, что уже само по себе было смешно, ведь обычно это она неслась вперед, а я пыталась тормозить её на поворотах. Теперь же мы поменялись местами. Я затеяла жуткую авантюру, а подруга надеялась меня отговорить.

– Потом расскажу, – сыграла я в загадочность и решительно встала. – Надо успеть, пока зеркало еще целое.

– Откуда такая уверенность, что змеелюди еще не превратили его в кучку осколков, чтобы выпустить тварь на волю? – с сомнением протянула Ниса.

– Не превратили, – отрезала я. – Теперь мы уже знаем, что зеркало магическое и им кто-то управляет, это значит, что уничтожение самого зеркала может быть не такой простой задачей, как кажется на первый взгляд. Думаю, просто разбить его молотком и первым попавшимся камнем невозможно.

– Нужно срочно выяснить личность этого «кого-то»! – стиснула кулак Ниса и потрясла им в воздухе. – А то мне как-

то тревожно!

– Ты куда? – выкрикнула мне в спину Фируса, поднимаясь с пола, на котором она успела основательно обосноваться и даже пригреться.

– Нужно кое-что забрать. А вы пока сделайте две вещи, – остановившись у двери, я развернулась и принялась давать указания. – Нет, три вещи. Ты, Ниса, вызови слесаря, чтобы починил дверь в мою квартиру. Его телефон записан на холодильнике. Пока мастер будет возиться, узнай в клане, где конкретно ваши столкнулись с этими ящероподобными, потому что прочесывать весь лес мне не хочется. Ты, Руся, как наиболее близко знакомая с Лозовским, попроси его достать камень, который сейчас у Макса. Я уверена, мой бывший босс носит его при себе.

– Какой камень, Ди? – очень серьезно спросила Ниса.

– Потом объясню, – отмахнулась я, вспоминая, где у меня в квартире лежат бумага и ручка, чтобы оставить записку. – Сейчас нет времени.

– Даже если я и попрошу Лозовского, – аккуратно начала муза, останавливая меня за порогом, – не факт, что он согласится. Зачем ему это делать? Зачем ему нам помогать?

– Если хочет подвинуть брата – сделает. А чтобы быстрее согласился передай ему вот что: «Грядут большие перемены, Ваше Высочество, и хотите вы того или нет, но вы тоже будете их частью».

– Это что, ваш условный шифр? – прыснула Ниса, которая

совершенно не умела быть серьезной долгое время.

– Вроде того, – уклончиво ответила я. – И кстати, где ключи от моей машины?

***

Мерный шум двигателя, под который очень хорошо думалось, заполнил салон автомобиля. Я направлялась в родовой замок Яна, который на самом деле являлся гораздо большим, чем просто замком.

Это было огромное поместье, мрачной темной глыбой возвышавшееся у края скалы. Вокруг поместья царило, кружило и витало загадочное марево. И продолжалось так много веков подряд. Не знаю, что это была за магия, кто её наслал и была ли это вообще магия или же просто причуда природы, но замок Князя, расположенный в горно-лесистой местности, во все дни и во все времена года была погружен в извечный влажный туман, который не могли развеять ни июльское солнце, ни искрящийся январский снег, чистый и яркий, как первая любовь. В городе мог плавиться от жары асфальт, вынуждая народ перемещаться перебежками, от одного кондиционера к другому. Но над обителью Князя продолжала кружить прохладная дымка, сквозь которую по вечерам можно было рассмотреть мглисто мерцающие огни ночной столицы, расположенной внизу, у подножия той самой загадочной и одинокой, как и сам Князь, скалы.

Под пекущим солнцем туман не исчезал, а становился как будто бы гуще, преломляя золотистые лучи и создавая во-

круг поместья призрачное сияние. Такой эффект стал причиной появления множества слухов и легенд, которые с поразительным упорством по сей день продолжали бродить среди обитателей соседней сельской местности. Одни верили в привидений. Другие, зная о постоянном движении дорогих автомобилей к замку и обратно, утверждали, что в нем обитает богач-отшельник, современный аналог чего-то среднего между Говардом Хьюзом и Синей Бородой. Третьи же, более приземленные, безостановочно твердили, что скала – место сходки злодеев-бандитов, которые под прикрытием леса, тумана и гор обстрипывают свои темные делишки.

Каждая из версий попахивала одержимостью теориями заговора, но каждая в равной степени была верной и неверной одновременно. Привидения в замке Яна несомненно водились, вот только они были смиренными, о непростом характере хозяина знали и старались лишней раз цепями не лязгать. О наличии у себя склонности к затворничеству вампир и сам прекрасно знал, но было это скорее целенаправленной обретенной чертой характера, чем следствием патологии. Ну, а про темные делишки... Да кто ими не занимается в этом городе!

Разве что соседская кошка, обожающая дрыхнуть в кастрюле и продолжающая это делать...

Лично я замок Яна обожала. Мне нравилось всё – четкая симметрия, строгость линий, обилие пространства, приглушенные тона без напыщенной кичливости. Радовала и уда-

ленность от цивилизации, достаточная, чтобы прочувствовать всю прелесть одиночества и тишины, но при этом не настолько далеко, чтобы добираться приходилось верхом на горных козлах, с усилием преодолевая крутые горные хребты. А еще мне нравилась мрачная красота почти нетронутой суровой природы и закаты, которыми можно любоваться, устроившись на краю обрыва и чувствуя легкое головокружение от ощущения свободы под ногами. Лучшее время для этого – осень. А если конкретно, то октябрь. Октябрьские закаты – самые лучшие. Небо приобретало какой-то особенно невероятный оттенок, который невозможно было описать словами, но от которого дух захватывало.

Хочется смотреть и смотреть.

Вечно.

Ян не знал, но я очень часто приезжала по осени на скалу. Брала с собой плед, термос, садилась и смотрела, смотрела на горизонт. Лучше всего мне думалось именно там...

Когда впереди показался нужный поворот, я съехала с трассы, и машина покатила по узкой, но очень качественной, спасибо Яну, дороге, уходящей сперва резко вниз, а после круто вверх, серпантинном извиваясь по склону, меж густых зеленых зарослей.

Ехала осторожно, медленно, внимательно посматривая по сторонам. В лесу присутствовало очень много самой разной живности, которую Князь под страхом смерти запретил трогать, еще в прошлом столетии перебив всех охотников и

сделав так, чтобы новые не изъявляли желания появляться. Живность оказалась не только благодарной, но и очень сообразительной, быстро догадавшись, что можно делать абсолютно всё – и ничего им за это не будет. Как итог, лисы здесь были едва ли не ручными, зайцы имели привычку выпрыгивать прямо перед машинами и попробуй только задави, птицы могли легко подлететь и сесть прямо на плечо, а еноты, кажется, уже основали собственное государство и вот-вот выберут себе императора.

Когда я добралась до вершины склона уже почти рассвело. Первые лучи солнца прорывались из-за гор, оповещая о скором восходе.

Преодолев развилку, задачей которой было запутать незваных гостей, я свернула направо, хотя указатель настойчиво советовал следовать налево. Потом проехала еще сотню метров, миновала густые заросли барбариса и выехала прямо к замку.

Прямо передо мной тянулось к небу старинное поместье, величественное в своей неприступности, погруженное в тишину. Казалось, даже птицы боялись запеть, тихонько перелетая с ветки на ветку, чтобы не нарушить таинственное молчание вечности, которую олицетворяли собой вампиры.

Я оставила машину и дальше пошла пешком. Шла медленно, не торопясь. Запас сил иссяк, и я очень устала. Смысла нестись на всех порах не было. О прибытии гости Яну доложили сразу, как только моя машина съехала с трассы.

Замок, как и вся прилегающая к нему территория, охранялись специальным отрядом, мимо которого невозможно было проскочить незамеченным. Еще я хотела дать Князю время выбраться из постели, отправить любовницу досыпать остаток ночи в другую спальню, одеться и выйти мне навстречу.

Что, собственно, и случилось.

Глава 22

Когда до вампирского поместья оставалось меньше нескольких метров, в дверях появился Ян. Как всегда, невыносимо красивый, сдержанный, элегантный даже в длинном атласном халате цвета свежей крови, который он на ходу небрежно подвязал поясом.

Придержав рукой дверь, вампир пронаблюдал за моим приближением, дождался, пока поднимусь к нему по высоким каменным ступеням и проговорил с прохладой в голосе:

– Рановато ты, – он поглядел на небо и добавил: – Примерно месяца на четыре раньше.

Я медленно преодолела последнюю ступеньку, ощущая такую тяжесть на сердце, что хоть волком вой. Встала напротив Яна и с улыбкой, для которой потребовалось огромное количество сил, спросила:

– Ты знал?

– О том, что ты моталась сюда чаще, чем навещала бабулю? Конечно, – дернул плечом Ян. – Думаешь, кто сказал страже пропускать тебя в любое время дня и ночи?

– А я-то всё гадала, когда мне начнут задавать вопросы, – хмыкнула я.

– Никогда, – отрезал Ян с суровым выражением на лице. Подумав, он проговорил: – Ты пробовала отдыхать? Выглядишь отвратно. Так, будто у тебя трудовголизм в последней

стадии. Неужели дела в твоей фирме настолько резко пошли в гору, что нет отбоя от заказчиков?

– Да если бы, – отмахнулась я, мысленно отметив, что вампир не спешит приглашать меня внутрь, а держит у двери, преграждая собой дорогу. – Дело в другом.

– И, кажется, я знаю, в чём, – Князь решил не заставлять меня углубляться в повествование и ударяться в объяснения. – Твоя раздражающая подружка мне звонила. Макс действительно тебя похитил?

– Ага, – коротко подтвердила я.

– Извини, что сам за тобой пришел, – с досадой поморщился он.

– Ты не мог, я понимаю, – и это действительно было так. Я даже была благодарно вампиру за то, что не полез штурмовать «Шанхай». Он знал, что я справлюсь сама и мне почти льстила эта его вера в меня. – Чужая территория, договор о невмешательстве и всё такое. К тому же, я не уверена, можно ли это назвать похищением, – я с сомнением покачала головой. – Принцу просто захотелось пообщаться. И он не придумал ничего лучше, чем послать одну из Гришиных волчиц огреть меня по голове.

– Но сейчас ты здесь, – со всей очевидностью заметил Князь, занимая собой весь проём, благо телосложение и рост позволяли это сделать без труда. – Значит, общение долго не продлилось.

– Ну, да, – широко заулыбалась я, да так, что аж гланды

заболели. – Прервалось, так сказать, досрочно.

– А здесь ты для того, чтобы..., – и Ян красноречиво умолк, предлагая мне закончить.

И я сделала, как он хотел.

– ...чтобы забрать то, что ты забрал у меня.

– И что же это? – с неподдельным удивлением наморщил он лоб. Хорошо вампирам, сколько рожи не корчи, а морщин всё равно не будет.

– Камень, – наши взгляды встретились. – Об изъятии которого ты любезно уведомил в записке, вложенной в оставленную мне белую перчатку.

Его лицо застыло, как и моё.

Мы стали отражением друг друга.

О чем задумался этот древний вампир можно было только гадать. А вот я задалась вопросом, прознал ли он уже про моего шпиона или нет.

Это был самый очаровательный шпион на свете, которого я одновременно и любила, и ненавидела. Любила, потому что невозможно заботиться о ком-то не любя, а я старалась позаботиться о каждом из тех, кого собиралась повести за собой. Ненавидела, потому что у этого шпиона было то, что никогда не имела я.

И никогда не буду иметь. И с этим фактом, через боль, отрицание и злость мне пришлось смириться.

Ян всегда был для меня загадкой. Непреодолимым препятствием. Не только из-за моей к нему любви. Я не всегда

его любила. Когда-то я его ненавидела, и даже собиралась убить, пока вопреки собственной воле и выстроенным планам не влюбилась в него. Нет, дело было в другом. Князь был слишком сильным. Слишком влиятельным. Он мог мне помешать. Он был одним из немногих, кто действительно мог всё изменить, просто переставив несколько фигур на доске.

– Камень? – словно не понимая, о чем идет речь переспросил вампир.

– Да, камень, который ты похитил в день, когда мохнатые устроили в моем доме внеплановый «Голубой огонек» с участием привязанной к стулу Нисы, валяющейся на полу музыки и оборотней, таскавших туда-сюда мой чайник. Помнишь? Ты тогда еще очень вовремя развеялся в пространстве.

– Да, что-то такое припоминаю, – вампир попытался улыбнуться, но вышло не очень. Он был напряжен, о чем-то неустанно размышлял и это чувствовалось. Казалось, стоило мне приблизиться, и я услышу гул, похожий на тот, который издают трансформаторные будки, скрывающиеся в своих недрах высоковольтные электрические провода.

И ассоциации такие же: «не лезь, убью». Я почти видела пульсацию этой надписи в немигающем отстраненном взгляде.

– Верни его. Он мне нужен, – потребовала я.

– Ди, – начал Ян, складывая руки на груди. Я поспешила отвести глаза, чтобы не пялиться на его грудь, которая обнажилась в этом простом движении.

– Да, да, да, – прервала его я, теряя терпение. – Можешь не повторяться. Содержание записки я прекрасно помню. «Ценность некоторых вещей заключается не столько в обладании ими, сколько в отсутствии обладания». Хреновый из тебя философ хочу я сказать! Мне не важно, с каким умыслом ты забрал камень! Плевать! Но верни его прямо сейчас! От него зависит столько жизней, что даже если я начну перечислять, ты устанешь слушать!

– От него или... – взгляд Яна стал внимательным и таким пристальным, будто рентгеном просвечивал. – От них?

Заявление было неожиданным. Требовалось собраться с мыслями.

– Какая разница? – после некоторой заминки выпалила я. – Количество не имеет значения. Ты ведь давно понял, что это за камень.

Князь молчал, рассматривая меня со странным оттенком сочувствия на лице.

– Думаю, – продолжила я, просто чтобы заполнить тишину, – это случилось в день нашего знакомства. Тогда, на балу. В ту ночь камень был со мной, потому что долгое время я вообще никуда не выходила без него. Артефакт пропитан магией смерти. Той же магией, которая породила и тебя. Ты его ощутил... верно?

К моему удивлению вампир медленно и утвердительно кивнул головой.

Я почувствовала себя смелее.

– Тогда к чему вообще весь этот разговор? Просто отдай мне моё. И я уйду.

Момент, когда он оказался совсем близко я пропустила. Просто миг – и вот он стоит, передо мной, прижимая к стене. Его руки такие же холодные, как и его глаза, а он сам хмурый, непоколебимо свирепый и непримиримо жестокий, под стать своим вечно туманным владениям.

– В этом камне заключена разрушительная сила. Великая – да, но разрушительная, – прошептал Ян, склонившись к моим губам. – И она поглотила тебя.

Он был так близко ко мне. Более того, он был в таком домашнем, уютном, не привычном для вампиров незащищенном виде, но внутри меня сохранялась тишина и пустота. Полный штиль. Я не чувствовала ни прежнего трепета, ни волнения, ни бабочек в животе. Моё тело больше не замирало в истоме от одного только его прикосновения. Кажется, всё ушло. Или я заставила это уйти.

– Эта магия, – продолжил вампир, – как наркотик. Она затягивает. Тебе кажется, что ты всесильная, что ты способна на всё. Но это не так. Есть в этом мире силы, с которыми тебе не справиться, как бы ты не старалась, – закончил он шепотом, практически превратив его в поцелуй.

Он чуть отклонил голову, чтобы взглянуть на меня с видом покровителя и наставника. Хотя никогда не был ни тем, ни другим.

Он был... моим врагом, в которого я влюбилась. И любовь

к которому хранила в сердце как самую большую драгоценность. Если бы тогда, много-много лет назад, он не прислал моей семье это чертово зеркало. Если бы потом я не пошла на бал, чтобы увидеть собственными глазами того, кто желал мне смерти. Если бы он просто попросил меня отступить, когда всё понял. Если бы не продолжил притворяться моим другом. Если бы не любил другую... всё могло бы быть иначе.

– Да, когда мы встретились, я ощутил его практически сразу. Такая мощь, что кружится голова. Древняя мощь, мощь старых богов. Сперва я не мог понять, откуда именно «фонит». Я и предположить не мог, что нечто настолько редкое и губительное заключено в маленьком сером камне. А когда понял, то решил забрать его. У меня не было уверенности, что ты понимаешь, чем обладаешь. Допускал, что ты нашла его на пляже или выловила в море. Но потом узнал, что Макс ищет некий амулет, созданный кем-то великим, который после этого перестал быть таковым. И всё встало на свои места. Ты должна была избавиться от него, Ди! Потому что он способен изменить тебя! Он уже тебя меняет!

– Или же ты просто не знал, что я всегда была такой, – с усмешкой допустила я, вздернув подбородок. Мне не было грустно, скорее... мне было скучно.

– Это ведь он и есть, правда? Амулет. Тот, кто создал его, вложил в эту вещь всё, что у него было и полностью выгорел. Это очень редкое явление, но иногда, когда ритуал выхо-

дит из-под контроля, такое случается. Знаешь, как я узнал? Когда я прикасаюсь к нему, я чувствую боль потери, такую всеобъемлющую, что у меня начинает колоть сердце. Тот самый орган, в наличии которого вот уже который год сомневается твоя подружка. Кстати, о ней, – Ян убрал руки, отступил на несколько шагов и отвернулся. – Ниса знает, что ты затеяла?

– А что я затеяла? – отряхнулась, выпрямилась и ответила вопросом на вопрос. – Ничего такого, что могло бы нанести вред... тем, кто это не заслуживает.

– Насколько мне известно, таких амулетов было три, верно? – похвастался своей осведомленностью Князь, смотря в сторону непроглядного леса, окутанного молочной дымкой. Она стелилась по земле, окутывала ветви, завивалась вокруг могучих стволов и наводила странное ощущение первобытного страха, того, который заложила в нас природа, чтобы мы выжили. И чем дольше мы с Яном разговаривали, стоя на пороге, тем гуще становилось подбирающееся марево, словно эти двое были чем-то единым. Возможно, так и было, и причиной моего немотивированного страха был не туман, а сам Князь.

– Гриша очень дотошен в своих отчетах, – покивала с одобрением я.

– Значит, и камней должно быть три, – заключил вампир. – И если в одном сосредоточена такая мощь, то мне страшно представить, что будет, если все три собрать вместе.

Ты справишься с такой силой?

– Справлюсь, – уверенно заявила я. – И знаешь почему? Потому что у меня нет других вариантов. У меня нет выбора справиться или не справиться! У меня есть только один выход – сделать всё, как надо.

– Иногда одной только силы воли может оказаться недостаточно, – тихо заметил вампир, продолжая рассматривать лес.

– Достаточно, когда нет ничего, кроме неё. И огромного желания отомстить!

Злость изменила, ужесточила его лицо, но не смогла испортить. Оно оставалось идеальным, искушающим, заставляющим думать о том, как выглядит это лицо в моменты наслаждения.

Там, на балу, я долго наблюдала за ним. За ним и красивой брюнеткой, в компании которой он провел не больше десяти минут. Потом она стремительно исчезла, а он остался стоять, глядя ей вслед. И весь он был такой... одинокий. Никогда больше, ни до, ни после встречи с ним, я не видела никого настолько отделенного от всего остального мира, уверенного в собственной неспособности любить, и одновременно умирающего от тоски.

– Если ты не отдашь мне камень, – пригрозила я, рассматривая небо и очертания гор, которые, скорее всего, видела в последний раз, – я убью её.

Ян замер, как умеют замирать исключительно вампиры,

будто застывая в пространстве и времени.

– Хорошо, – скорее, проскрипел, чем проговорил он спустя почти минуту.

Когда Ян вынес мне камень, я молча забрала его с ладони вампира, благодарно улыбнулась и собралась уходить, как вдруг решила выяснить правду.

Развернувшись к вампиру, который наблюдал за мной, сунув руки в карманы халата, я спросила:

– Мы ведь никогда не смогли бы быть вместе, правда?

– Смогли бы, если бы ты выбрала себе другую роль, вместо образа маленькой наивной девочки с широко распахнутыми светлыми глазами. Но сыграла ты её отменно, правда. Даже я обманулся... Хотя... это и было твоей целью, верно? Обмануть всех, кого только получится.

– Кто бы говорил об обмане! – рассмеялась я, не скрывая злость. Ту злость, что тлела во мне годами и которой я не давала погаснуть. Только она меня и питала все эти годы, была моим стимулом. – Ты тоже не был честен. Ни со мной, ни с самим собой, ни с той девушкой, которая так тревожит твои мысли. Но... Иногда, одной только любви недостаточно, мы с тобой знаем это лучше всех остальных. А еще мы оба знаем, что жить без любви гораздо проще. Наверное, именно поэтому мы так и не сблизились.

– Нет, не поэтому. А потому, что было очевидно – рано или поздно ты уйдешь. И я не хотел, чтобы ты забрала с собой и моё сердце. Наверное, это моё наказание – влюбляться

в женщин, которые уходят.

– Я бы поспорила насчет того, кто был чьим наказанием, – ухмыльнулась я, – но у меня нет на это времени. Да и желания тоже нет.

Сказав так, я бросила последний взгляд на замок, зная, что больше никогда не смогу к нему приблизиться, и направилась к машине.

– Ди, – окрикнул меня Князь, спускаясь на одну ступеньку. Вампир будто боролся с желанием догнать и остановить, но я знала, что он не станет этого делать. Вместо бессмысленных действий Ян грустно улыбнулся и у меня защемило сердце от печали. – Когда я впервые взглянул в твои глаза, я знал, что смотрю в глаза убийцы. Я видел в тебе – себя. И жалел, что мы такие, какие мы есть.

– Я не убийца, я всего лишь принцесса, которая очень хочет жить.

Ян ничего не ответил, а я просто пошла дальше.

Впереди меня ждала большая битва.

Глава 23

В обратную сторону путь занял в два раза больше времени. Не только, потому что дороги заполнили машины трудяг, которые с унылыми лицами спешили разъехаться по своим рабочим местам. Но и потому, что мне сперва пришлось остановиться у развилки и немного поработать лопатой, а после найти того, чьим телефоном можно было бы воспользоваться для отправки короткого сообщения. Кое-кому пора было выходить на сцену...

С девчонками мы договорились встретиться у музы дома. Её квартира была единственным местом, где по логике нас должны были найти не в первую очередь, потому что там уже искали. Кому нужно успели наведаться, а кому не нужно вряд ли спонтанно загорится подобным желанием. Собственными телефонами мы договорились не пользоваться, чтобы не стимулировать некоторых любопытных подслушивателей. Нужно было еще что-то придумать с привычкой Лозовского подсматривать с помощью камер, но это была проблема повышенной сложности, для решения которой требовалось время.

– Один подсматривает, другой подслушивает, – проворчала я, сворачивая в переулок, ведущий к дому Фирусы. – Не продохнуть от извращенцев.

Очень скоро я сидела на кухне музы, хрустя крекерами,

заедаю их сыром и ожидая появления подруг.

Первой в дверях возникла Ниса. Банши выглядела как обычно. Взъерошенные волосы, которые просто не умели пребывать в порядке. Чуть шаркающая походка человека, чья лень родилась раньше, чем он сам. И хулиганская улыбка, которая легко заменила бы собой вывеску с надписью: «Я – проблема, но со мной вам никогда не будет скучно».

– Запираться на замок не учили? – поинтересовалась Ниса, захлопывая дверь.

– А зачем? – хрумкая печеньем, пожала плечами я. – Если явится кто-то, кого я не захочу впустить, то этот кто-то просто выломает дверь.

– Логично, – подумав, согласилась Ниса, в характерной манере чуть склонив голову налево.

А после подошла и отобрала у меня упаковку с остатками печенья, высыпала крошки в рот и начала быстро орудовать челюстями.

– Вредина блондинистая, – отреагировала я на воровство еды.

– И я тебя люблю, – подруга растянула губы в широкой улыбке.

– Где муза? – спросила я, наливая в стакан воды из прозрачной пластиковой бутылки, что стояла рядом со мной на столе.

– Поручение, наверное, твоё выполняет, – безразлично проронила банши, падая на стул. – А может, опять сбежала.

– Не веришь ей, – догадалась я, убирая со стола мусор.

– А ты?

– Не до конца.

– Вот и я так же.

– Но рассказать правду всё же придется.

– Рассказать и надеяться, что она не доложит обо всем сестре. Иначе нас ждет печальный исход...

Не успели мы поделиться соображениями, как дверь вновь распахнулась и вошла муза. И она, и Ниса в отличие от меня успели переодеться. Банши надела спортивный костюм. Муза выбрала простые черные брюки и тонкую водолазку. А вот я продолжала шастать в платье.

– Принесла? – по-деловому спросила я.

Руся прошла, сбрасывая на ходу туфли, и печально ответила:

– Нет. Я ему позвонила, он меня выслушал и сказал ждать. Потом перезвонил и предложил встретиться, но я потребовала доказательство, что камень у него. На что Лозовский ответил, что камня у него нет, потому что и у Макса его нет.

Я побарабанила пальцами по столу, повернулась к Нисе и потребовала отчета:

– А у тебя какие успехи?

Ниса недовольно поморщилась, но всё же сообщила:

– На отряд напали на северном склоне буковой рощи. Это рядом с горой Агармыш.

– Ясно, – покивала я и решительно хлопнула ладонью по

столу. – В таком случае, собираемся!

– Куда?! – в один голос выкрикнули муза и банши.

– Как куда? – я встала. – В рощу! Руся, у тебя есть спортивки или хотя бы шорты?

Муза неодобрительно покачивала головой, но выдала мне лосины для пилатеса и майку. Сама поменяла брюки на джинсы. Мы прихватили кепки и солнцезащитные очки, а после вновь загрузились в мою машину.

Слежку я заметила только на выезде из города. Либо Макс нашел более опытных «следильщиков», либо те, которые были в прошлый раз умели учиться на собственных ошибках.

Машина ненавязчиво следовала за нами, держась на расстоянии, то возникая, то пропадая вновь. Спустя какое-то время мне удалось разглядеть помимо водителя еще двух мужчин в салоне. Лица пассажиров не взбудоражили памяти и не показалось знакомыми, но это еще ничего не значило. Так же, как и мы, ребятки нарядились в кепки и очки.

Съехав с основной дороги на проселочную, ведущую мимо нескольких ферм, мы услышали мычание коров и бляние коз. Ворвавшийся сквозь приоткрытые окна ветерок донес до нас аромат сушеного сена и свежего навоза.

– Очарование сельской местности, – проворчала на заднем сидении Руся.

– Не бухти, – одернула её Ниса, которая была моим штурманом и всю дорогу следила за картой. Периодически банши нервно ерзала, но больше не чесалась. Что удивительно, она

больше не пыталась содрать с себя кожу ногтями, как делала последние несколько дней.

– За нами свернули две машины, – отрапортовала Руся, видимо, решив побыть полезной, а не только вредной.

– Уже две? – удивленно обернулась Ниса. – Была ж одна, серая «Хонда»!

– К ней прибавился серебристый седан, марку не знаю, не могу разглядеть, – оглянувшись назад, сообщила муза. – Вторая машина едет медленней первой, но совершенно точно это одна компашка и цель её – мы. Никто не попрется в такую глушь в будний день. Не за лекарственной же ромашкой парни собрались?

– На травников-собирателей эти товарищи похожи еще меньше, чем мы, – бросив взгляд в зеркало заднего вида, фыркнула банши.

– Вот дураки! – оценила умственные способности наших сопровождающих муза. – Ну, ладно они тащились за нами в городе, там легко затеряться, но здесь-то все как на ладони!

– Дорога закончилась, – сообщила я, притормаживая.

– Потому что мы приехали, – угрюмо ответила Ниса и сложила бумажную карту, чтобы убрать ее в бардачок.

Мы вышли и уставились на кромку роши, у которой заканчивалась накатанная грунтовая колея. Слева от нас тянулось поле, засеянное некоторой всходящей растительностью. Справа зарастал сорняками заброшенный пустырь, который когда-то был шалфейной плантацией, о чем напоми-

нали редкие кустики с мелкими голубыми цветками, постепенно умирающие под нашествием борщевика.

– Ну, что, пошли что ли? – нерешительно предложила Руся, покрепче вцепляясь в битую, которую ей вручила банши.

Лично я сильно сомневалась в целесообразности подобного вооружения. Вряд ли Фируса сможет этой битой хотя бы замахнуть, а уж про то, чтобы приложиться ею об чью-нибудь голову так и вовсе речи не шло. Но у Нисы на это имелось своё собственное мнение, и она не собиралась отступать, поставив перед собой цель снарядить нас тем оружием, которым мы располагали на данный момент. Мне она доверила молоток. И меня не столько удивил выбор орудий защиты, сколько сам факт того, что в багажнике моего авто нашлись и бита, и молоток одновременно. Складывалось ощущение, будто я только тем и занималась, что играла в бейсбол да гвозди заколачивала.

– Идем, – кивнула Ниса и бросила на меня угрожающий взгляд исподлобья. – Если я сегодня умру, то буду являться тебе в кошмарах следующие триста лет.

– А если мы все умрем? – предположила я.

– Тогда я найду тебя после смерти и убью еще раз, – пообещала мне подруга, для пушей достоверности пригрозив кулаком. – Так что, как бы там не сложилось, а умирать не смей!

Мы ступили в рощу, прошли метров тридцать и только тогда я обернулась назад. Независимо от того, кто послал по-

следовавших за нами ребят, в лес эти спонтанные разведчики заходить не спешили, что меня категорически не устраивало. Я специально сделала так, чтобы и Макс, и Лозовский узнали о том, что я ищу и где ищу. И не просто отправили за мной своих сподручных, но и присоединились к намечаемому веселью лично. Они должны были оказаться в роще одновременно с нами. Иначе половина из того, что я задумала теряла весь смысл.

– Что-то мальчиков не видно, – понизив голос, ведь под сенью раскидистых деревьев была отличная слышимость, проговорила Ниса.

– Скорее всего, докладывают начальству, – ответила ей муза, аккуратно переступая через корягу. – И спрашивают, что делать дальше.

– Каков шанс, что обо всем происходящем узнает твоя сестра? – я оперлась рукой о шершавый ствол, обходя кривое дерево.

– Большой, – пожала плечами Руся. – Я же говорила, у неё везде есть свои люди.

– И как скоро?

– Не знаю, – Руся, казалось, старалась отвечать честно. – Может, уже знает. А может, еще нет.

– Хотелось бы услышать конкретику, а не невнятный бубнёж, – идя позади и прикрывая наши тылы отреагировала Ниса, которая пребывала в паршивом настроении и ни капли этого не скрывала.

– Чего ты хочешь от меня? – огрызнулась через плечо муза. – Пророчеств? Я не гадалка и не ясновидящая!

– Ты – одна из тех, кто заварил эту кашу, – рыкнула Ниса, прикладывая усилие, чтобы не повышать голос. – Надо было послать к чертям и сестру, и Совет, вместо того, чтобы плясать под дудку умалишенных стариков!

– Ей было двенадцать лет, – напомнила я. – Ты много, кого могла послать в двенадцать?

– Да я любого могла послать в двенадцать! – яростно зашипела нам в спины Ниса.

Муза не выдержала, остановившись, крутанулась на месте и встретила с претензиями банши лицом к лицу:

– Но не в том случае, когда за каждую ошибку расплачивается твоя семья, – с холодным спокойствием произнесла Руся. – Круговая порука. За одного наказывают всех. На этом Совет и стоит. И поверь, он умеет наказывать.

Банши и муза уставились друг на друга подобно двум большим хищным кошкам, вырвавшимся из клетки. У одной было много претензий, а другой... не было ничего, кроме оправданий. И всё же, мы должны были держаться вместе. Мы прошли долгий путь втроем. Втроем и должны были его завершить.

– Хватит в гляделки играть, – одернула я подруг, чем вынудила вздрогнуть и отвести взгляды. – Еще успеете насмотреться. Идем.

И мы пошли дальше, продвигаясь вглубь лиственного ле-

са. Постепенно тропа, которая служила нашим ориентиром, становилась всё более крутой, резче уходя вниз по склону. Пришлось прекратить даже незначительные разговоры и сосредоточить внимание на дороге, напряженно прислушиваясь к каждому шороху.

Но как бы мы не старались быть незаметными, большую часть шума здесь создавали именно мы.

– Что-то мне всё меньше и меньше нравится эта затея, – проворчала Ниса, останавливаясь и задирая голову. Солнце стояло высоко в небе, однако из-за густой листвы над нашими головами в роще сохранялась приятная прохлада и тень.

– Она тебе изначально не нравилась, – напомнила я. – Получается, сейчас ты в минусе, но это всё равно ничего не меняет.

Прищурившись, банши присела на корточки и начала пристально рассматривать утопанную землю. Потыкав во что-то, видимое только ей пальцем, она выпрямилась, быстро преодолела несколько метров, замерла и заявила:

– Слушайте, там дальше, кажется, овраг, – она покосилась на нас. – Если эти змееподобные существа всё еще здесь, то разбить лагерь в овраге вполне логично.

– Но не безопасно, – подвергла я сомнению такой вывод. – Легко окружить и напасть.

– На такой случай выставляют дозорных, – решила поспорить подруга.

– Только что-то мы пока ни одного не встретили, – ехидно

заметила муза.

Очень вовремя.

Стоило ей договорить, как сверху послышался тихий свист, потом шелест листы и нам на головы рухнуло что-то тяжелое.

Я рефлексивно припала к земле, прикрыла голову руками и попыталась осмотреться, но едва пошевелилась, как что-то вцепилось мне в волосы и вздернуло на ноги, едва не сделав лысой. Я в полной мере насладились хрустом в собственной шее, а когда боль чуть стихла, поняла, что болтаюсь в воздухе, словно тряпичная кукла, висящая на чем-то, что не желало отпускать.

– А-а-а-й! – заорала где-то рядом муза. Чуть впереди грозно материлась Ниса.

Извиваясь и дергая ногами, я закинула руки за голову и нащупала... лапу. На ощупь она была жесткой и бугристой, покрытой чешуйчатым панцирем. Каждая из чешуек имела острый, как лезвие, край и неплотно прилегала к коже, топорщась наподобие щетины. Едва прикоснувшись, я порезалась. Вскрикнув, отдернула руку и прижала к груди.

Сбоку появилась другая, похожая на первую чешуйчатая лапа с четырьмя пальцами вместо привычных пяти, каждый из которых заканчивался острым длинным загнутым когтем. Цапнув за ладонь, лапа вывернула мою пораненную руку и длинный раздвоенный язык коснулся кровоточащего пореза, исчезнув также стремительно, как и появившись.

Перестав бесполезно дергаться, я застыла в воздухе.

Муза больше не орала, а сдавленно мычала. Кажется, ей принудительно закрыли рот. А вот Нисе пока материться не мешали, наоборот, позволили даже увеличить громкость.

– Ниса! – выкрикнула я.

Подруга на секунду заткнулась, а после вполне спокойно и осознанно спросила:

– Чего тебе?

– Заткнись, – приказала я. Ниса подчинилась, муза тоже решила быть тихой – то ли в знак солидарности, то ли просто устала.

Все мы как по команде стали предельно покорными.

И это сработало.

Как только свалившиеся нам на голову чудовища сообразили, что мы признаем их верховенство над собой, то сразу изменили подход.

Тот, который держал меня, подбросил мою тушку в воздух, легко, словно пушинку поймал, перехватил поперек талии, закинул себе на плечо и направился вниз по склону.

Приподняв голову, я с трудом удержала вопль.

У несущего меня существа не было ног. Вместо них имелся извивающийся и приминающий собой редкую траву длинный мясистый хвост. Существо ползло, балансируя на этот самый хвосте, кончик которого был вытянутым, острым, периодически раздраженно ударяющим о землю. Выше пояса хвост перерастал во вполне себе человекоподобное тулови-

ще, которое было покрыто точно такими же крупными плотными чешуйками, что и руки. Однако страшнее всего была голова на короткой шее. Шея росла из узких плеч и когда существо оглянулось в ответ на мой вскрик, я узрела лицо, рассмотрев его во всех деталях. Своим строением оно напоминало человеческое. Но только в том случае, если человеку отрезать уши, нос, губы и веки, выдрать волосы, сделать горизонтальные надрезы в уголках глаз и рта, а кожу заменить на змеиную, которая, когда на неё падали редкие солнечные лучи, переливалась всеми оттенками синего и зеленого.

Глава 24

Змеелюди, которых мы искали и нашли, двигались почти бесшумно, лишь едва слышно хрустели обломанные сучки и перекатывались мелкие камушки под тяжелыми хвостами.

За существом, которое несло меня, ловко петляя между деревьями полз второй змеелюд, везущий на своем плече Нису. Подруга находилась в точно такой же позе, что и я, то есть, ехала попой вперед. Третье существо с музой на руках было замыкающим. Руську не потрудились куда-то закидывать, а просто подхватили на руки. Я со своей позиции видела её лицо. Подружка была бледной, потной и как никогда близкой к истерике. Кажется, тесное знакомство с представителем племени змеиных окончательно выбило её из колеи. Это, а еще периодически вылетающий из безгубой пасти розовый раздвоенный язык, который касался кожи Фирусы, будто пробуя её на вкус. И, как мне показалось, то, что он пробовал ему нравилось.

Когда спуск закончился и наш караван достиг оврага, я исхитрилась и выгнулась на плече змеелюда, оцарапав острыми чешуйками кожу даже сквозь одежду. Обернувшись, я увидела то, что про себя обозначила как змеиное гнездо.

С правой стороны оврага были собраны и уложены друг на друга валуны всех форм и размеров. В некоторых местах между валунами были проделаны проходы, достаточно ши-

рокие для того, чтобы кто-то некрупный мог протиснуться. Змеелюди, по крайней мере те, с которыми мы уже успели встретиться, были слишком крупными, а это значило, что проходы делались не для них. А для кого-то другого.

Прямо впереди, по другую сторону оврага, роща возобновлялась. Сквозь не плотно растущие буки просматривалась поляна. Вольготно растянувшись на самодельных лежанках, сооруженных из ободранной с деревьев листвы и коры, там принимали солнечные ванны другие чешуйчатые существа. Издалека оценив их размеры я предположила, что это были самки змеелюдов или их детеныши.

Слева, в центре оврага, было выстроено некоторое подобие шалашей из сложенных друг на друга толстых веток. Между шалашами виднелись свежевыкопанные ямы, каждая примерно с метр глубиной. В некоторых ямах лежало что-то белое, но рассмотреть, что именно я не успела.

Змеелюд дополз до шалашей, остановился, скинул меня с плеча и швырнул вниз, на пожухлую травку. Я приземлилась на попу, ощутимо приложившись копчиком, и болезненно поморщилась. Нащупала под собой камень. Вытащила, сжав в пальцах, но так, чтобы это выглядело естественно и не подозрительно.

Очень скоро рядом со мной при помощи того же принудительного способа приземлились Ниса, которая лишь огромным усилием воли не сорвалась вновь на ругательства, и Руся, которая даже была рада такому исходу, лишь бы оказать-

ся подальше от змеелюда, который всю дорогу её облизывал.

– Что дальше? – зло зашептала Ниса, потирая спину. – Есть еще какие-нибудь феерические идеи?

– Пока ждем, – прошептала я в ответ и быстро оглядела склон, лицом к которому сидела. Слева, у протоптанной тропинки по которой спустились мы, успела заметить движение. Почти сразу высокая мужская фигура исчезла из виду, скрывшись за густым диким кустарником.

– Смотри, – дернула меня за руку банши.

Я оторвала взгляд от склона и повернулась вправо. Как раз вовремя, чтобы пронаблюдать за появлением того, в ком по осанке, посадке головы, надменному взгляду и золотому рисунку короны на лбу без труда можно было опознать главного здесь.

Король, как я обозначила его мысленно, медленно выполз из-за валунов. Крупный хвост двигался из стороны в сторону резкими сильными волнами, лапы были заложены за спиной и смотрел он строго на нас. Так, будто мы оторвали его от чего-то важного. От чего именно я сообразила сразу же, как только со стороны всех тех же валунов показался змеелюд-самка, поправляя прикрывающую грудную клетку тряпичную повязку.

– Кажется, мы явились в самый разгар брачных игр, – проговорила одними губами Ниса, которая тоже быстро сообразила, что к чему.

Муза в ужасе пискнула и ринулась за наши спины. Её же-

лание спрятаться было понятным. Теперь уже не вызывал сомнений интерес к ней языкатого змеелюда, который был совсем не плотоядным, а конкретно сексуальным. И тут еще неизвестно, что хуже – чтобы тебя съели или...

Король дополз до нашей могучей кучки, сбившейся в тесный кружок по интересам.

Остановился, пристально оглядел.

Несколько раз я успела заметить молниеносно мелькнувший во рту язык. Видимо, это был основной способ коммуникации у этих существ – они всё пробовали на вкус.

«Нет, не только на вкус», – прозвучало в моей голове.

И не только в моей. Рядом как ужаленная подпрыгнула Ниса, в изумлении выпучив на короля глаза, а муза за нами спинами судорожно вдохнула и рискнула высунуться со словами:

– Вы тоже это слышали или я брежу?

– Ага, – моргнула Ниса.

«Вы – телепат?», – мысленно спросила я.

Главный змеелюд одним стремительным движением, от которого я непроизвольно вздрогнула и едва не бросилась ползком наутек, придвинулся вплотную.

Ответ прозвучал в моей голове. И, судя по тому, что на лицах подруг возникла живая заинтересованность, услышать его позволили только мне. Значит, змеелюд по желанию мог переключаться с коллективной связи на диалог, а возможно, даже на одностороннюю трансляцию.

«Мы все умеем общаться на расстоянии. Такими нас задумала наша создательница», – вторгся в мой мозг чужой голос. Он был размеренным, странно монотонным, будто говорящий не умел придавать какую-либо эмоциональную окраску своим словам.

«Для нас эмоции ничего не значат», – объяснил король мои наблюдения.

Подумав о необходимости контролировать сознание и мысленный поток, я попыталась сосредоточиться на том, за чем пришла.

«Зеркало, – и я мысленно воспроизвела образ названного предмета. – Вы забрали у меня моё зеркало».

«Я не знаю, как называется эта вещь, – проговорил король. – Но она не твоя. Больше не твоя. Создательница приказала забрать его».

«Как вы это сделали? – любопытство сгубило кошку, но мне было очень интересно. – Как вы добрались до города, забрались в подъезд и выломали дверь? В смысле, ваш вид очень... примечательный».

Главный змеелюд ответил и вполне охотно.

«Наши дети очень быстрые и юркие. А люди по ночам спят. И даже если не спят, то все равно мало на что обращают внимание».

«Надо же, – подумалось мне, – меня ограбила шайка хвостатых подростков».

Король нехорошо прищурился.

Я поспешила вернуться к основной теме разговора.

«Зеркало. Оно мне нужно, – и рефлексивно подалась вперед, не зная, как убедить змеелюда вернуть то, что у меня украли. – Очень нужно».

«Создательница приказала хранить его и никому не отдавать до того момента, пока не поступит приказ об обратном», – проговорил король змеелюдов, качнувшись на сильном широком хвосте.

«Это моё зеркало! – мысленно воскликнула я. – И я имею право получить его назад!».

Ответ был кратким и категоричным.

«Нет».

Я замешкалась на мгновение, бросив взгляд на Нису, которая активно гримасничала, потому что не слышала нашего разговора и пыталась то ли догадаться, то ли экстренно развить у себя навыки чтения мыслей.

«Вы не можете говорить за свою создательницу, – нашлась я что сказать. Возможно, помогла пантомима подружки. – Дайте мне поговорить с ней!».

«Зачем?», – прозвучал логичный вопрос.

«У меня есть то, что ей нужно», – ответила я.

«Говори», – потребовал король и ужасная морда с вылетающим из пасти языком оказалась в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я вцепилась в руку Нисы. Та отреагировала ругательством, выдохнутым сквозь сцепленные челюсти.

Чего мне стоило усидеть на месте – словами не передать, но я все-таки смогла не поддаться страху и даже дать честный ответ.

«Со мной та, которая идеально подойдет для вселения вашей создательницы. Она ведь хочет вернуться обратно, верно?».

Глава 25

Король замер, едва заметно покачиваясь. Тонкий змеиный язык медленно выбрался из пасти и потянулся в мою сторону с едва слышимым стрёкотом, доносящимся откуда-то из глубин этого существа. Коснувшись кожи, что по ощущениям напоминало севшую на кожу муху, язык втянулся обратно.

«Ты говоришь правду», – подтвердил король, опровергая свои не озвученные сомнения. И стремительно отодвинулся, кивнув куда в сторону.

Дальше он ничего не делал, просто стоял, возвышаясь над нашей жалкой троицей, и смотрел.

Делали другие.

Из шалашей выбралось несколько змеелюдов, которые учтиво поклонились своему правителю и исчезли за валунами. Чем они там занимались мне было не видно, даже звуков никаких не доносилось, но быстро вернулись обратно, торжественно и аккуратно неся между собой моё зеркало. То, как они это делали больше напоминало ритуальное шествие, пусть даже у них не было ног. Зеркало было небольшим и не нуждалось в таком массовом сопровождении. Даже я смогла бы пронести его несколько метров самостоятельно и без посторонней помощи.

Змеелюди подошли к нам и замерли в поклоне. Король

ударил хвостом по земле и метнулся в сторону. Его подданные, двигаясь так синхронно, будто тренировались всю жизнь, опустили зеркало передо мной на расстоянии чуть меньше метра. Я покосилась на короля, ожидая дальнейших указаний, однако никто ничего у меня в голове больше не произносил.

Змеелюди выпрямились и отползли, через каждые несколько метров склоняясь к земле. Отбивали поклоны они не королю, и даже не нам с подружками, а зеркалу. И делали это до тех пор, пока вновь не исчезли в шалашах, в которые заползли спинами вперед. Когда мы вернулись к прежнему составу переговорщиков король выпрямил указательный палец и когтем резанул себя по сгибу локтя. Подняв руку, верховный змеелюд позволил нескольким темно-коричневым, почти черным каплям упасть на безупречно отполированную зеркальную поверхность. Капли сердито зашипели, впитались, и я увидела перед собой лицо, с которым уже встречалась. Во внешнем облике того, что осталось от Нуатль ничего не изменилось. Всё тот же лысый обугленный череп, облепленный хлопьями выгоревшей плоти, черные, сочащиеся глазницы и выбитая, кривая челюсть.

Муза высоко пискнула, тяжело задышала банши, я закусила губу, но каждая из нас справилась.

«Говори», – приказал король. – «Она тебя слушает».

«Мысленно? – спросила я, стараясь смело глядеть в лицо той, что однажды лишила меня почти всего, а потом верну-

лась, чтобы забрать остатки. – Или вслух?».

«Наша создательница умеет слышать только наши мысли», – заметил король, в глубоком поклоне склоняясь перед чудовищным изображением.

Пока он сгибался в три погибели, я покрепче сжала в пальцах кусок горной породы, подобранный с травки.

«Говори, – требовательнее повторил голос в голове. – Создательница ждет!».

Я кивнула, делая вид, будто собираюсь с мыслями, а после смело подняла взгляд, сосредоточив все свои мысли на Фирусе, чтобы король раньше времени не разгадал мои намерения.

А потом....

...потом с воплем:

– Сдохни, мерзкая тварь! – швырнула обломок известняка в зеркало, для ускорения приложив все имеющиеся у меня силы.

Звон прорезал воздух. Осколки, блеснув остриями, брызнули в разные стороны. И будто в замедленной съемке я наблюдала, как падает на траву старая рама и взлетает к небу стукот черноты, подобный ожившей кляксе.

Мою голову взорвал жуткий бессловесный вопль, который затмил весь мир. Кто-то толкнул меня в плечо, и я рухнула вниз. Сверху приземлилось что-то увесистое, еще сильнее вжимая меня в траву. Я схватилась за голову, стискивая виски, которые ломило так, будто мозги пытались вывернуть

наружу.

А там, наверху, кричали, рычали, шипели, клокотали.

Вздрагивала земля, словно стадо кенгуру скакало на скалке. Шуршала трава. Хрустели ломающиеся ветви, а, возможно, даже и стволы. Со свистом рассекали воздух сильные удары хвостов.

В какой именно момент всё закончилось, я не поняла. Как и не поняла, сколько пролежала, елозя лицом по травке. Но вот, с меня убрали то, что громоздилось сверху, а по ощущениям это был целый автобус, и помогли сесть. Я убрала с лица налипшие травинки и частички земли, и огляделась.

Оказалось, на мне вольготно валялась муза, защищая собственным телом. Её черные глаза были широко распахнуты, и в них в них вихрями кружились страх и растерянность.

– Что случилось? – откашлялась я, проследила за взглядом Фирусы и обернулась.

Вокруг, тут и там, на склоне и в овраге, у валунов и у шалашей, лежали змеелюди. У одних было вырвано горло, у других разворочена грудина, у третьих зияла дырка от пули в сердце. Из ран сочилась кровь, густая, темная, уже начавшая сворачиваться и превращаться в нечто желеобразное. Король тоже был повержен, но не убит. Он лежал, скорчившись и схватившись за живот в ногах у... Лозовского. Надо же, а я-то ждала их обоих, раз уж они договорились не соперничать, а просто образовать дружную полигамную семью.

Я оглядела собравшихся в овраге. Всего их было около

десяти. Все крепкие молодые мужчины, некоторые были вооружены пистолетами, но большинство явились с голыми руками, имея в своем распоряжении лишь собственные когти и зубы, которые и демонстрировали, не стесняясь.

– Если тебе нужна была помощь, – заговорил Лозовский, впиваясь в моё лицо холодным властным взглядом, который он демонстрировал редко, стараясь прикрываться маской добросердечия, – нужно было просто попросить. Зачем всё настолько усложнять? Подсылать ко мне музу со странными рассказами и просьбами...

– Это тебе кажется, что я всё усложнила, – криво усмехнулась и потерла о бедра вспотевшие ладони. – А на самом деле – я пошла самым коротким путем.

– И чуть всех не угробила, – низко прорычал Лозовский, чьё лицо приобрело жесткость, а в глазах полыхнула злость. – Интересные у тебя пути...

– «Чуть» не считается, – отмахнулась я, оперлась о плечо музы и встала. – А где Ниса?

Фируса сжалась и бросила нерешительный взгляд на Лозовского.

Тот сильнее сжал челюсти.

– Что? – почувствовала я неладное.

– Ди, – осторожно начала муза, – зачем ты разбила зеркало?

– Как зачем? – с раздражением дернула я плечом. – Чтобы уничтожить эту тварь!

– Я не знаю, что произошло, – муза закусила губу, её глаза повлажнели и подернулись грустью. – Но когда тень освободилась...

– Ну! – поторопила я. – Говори быстрее!

– Она вселилась в Нису! – договорил за музу Лозовский и рывкнул: – Зачем ты это сделала?! Ты ведь не могла не знать, что разбив зеркало, выпустишь зло на волю! А теперь твоя подруга одержима! И, скорее всего, навсегда! Нуатль отпустит её только в одном случае – если найдет кого-то еще сильнее, чем она, что весьма сомнительно! Ты буквально преподнесла ей свою подругу на блюдечке!

Я схватилась за голову.

– Не может быть... Нет! Я была уверена, что разбив зеркало уничтожу тень!

– Очевидно, кто-то ввел тебя в заблуждение, – взволнованно заметила Фируса. – Что же нам теперь делать?

***

Следы случившегося в равнине мы ликвидировали долго. В основном потому, что прятать трупы и замечать следы Лозовский и его мохнатая команда отказались, молча убравшись восвояси и не забыв прихватить с собой полуживого короля.

А мы с музой, оставшись вдвоем в окружении уже начавших чернеть и коченеть трупов провозились до вечера. Среди убитых были женщины, подростки и даже дети. То белое нечто, лежащее в вырытых ямах, оказалось отложенны-

ми яйцами. Мы долго простояли над этими кладками, раздумывая, что же делать. У меня рука не поднималась уничтожить кого-то настолько беззащитного и безвинного. Я никак не могла решить, что хуже: не дать малышам родиться вообще или позволить прийти в мир, в котором у них больше никого не было, потому что я была уверена, Лозовский не позволит королю выжить. Змеелюд пытался убить меня, поэтому Лозовский убьет его.

Пока я сражалась с моральными дилеммами, Руся не выдержала, кинула на гнезда ветки и подожгла их со словами: – Змеиное барбекю заказывали?

По возвращению в город мы разделились. Я высадила музу в центре, приказав ехать домой, запереть двери и окна, спрятаться в ванной и ждать от меня новостей.

А сама направилась к морю.

До берега добралась быстро. Дороги были пустынными. Врывающийся резкими порывами воздух был наполнен свежестью и отлично бодрил. А впереди путеводной звездой сияла цель.

Я была близка. Я почти достигла того, к чему стремилась долгие годы. Ради чего преодолела путь, длинную в целую жизнь. И ради чего рискнула многим, в том числе, и жизнью близких.

Припарковавшись чуть в стороне, я вышла, захлопнула дверь, оставив ключи внутри и уверенно зашагала к воде, ступая по песку и чувствуя, как в него легко погружаются го-

лые ступни. Обувь я тоже оставила в машине. А вот одежду сбрасывала на ходу. Бретельки майки соскользнули с плеч, потом я стянула лосины и полностью раздетой вошла в воду, чье внутреннее свечение и пение волн манили с каждой минутой всё сильнее.

Нырнув с головой, зажмурилась, затаила дыхание. В первую секунду вода показалась обжигающей холодной, но почти сразу тело вспомнило, как это – быть под водой. Жить под водой. Быть частью воды. Быть частью стихии.

Почувствовав легкое покалывание, я распахнула глаза и пронаблюдала за тем, как моя кожа приобретает голубоватый оттенок. Как начинает светиться, будто я проглотила луну. Как вокруг тела скапливаются крошечные огоньки, притянутые неведомой силой и похожие на алмазную крошку. Сгущаясь и обтекая меня по контурами тела, огоньки образовали подобие сверкающей оболочки, одновременно напоминающей наряд.

Улыбнувшись, я почувствовала, как душа погружается в состояние спокойствия и безмятежности. Какими бы сложными не были наши с отцом отношения, вода всегда была моим домом. В воде я чувствовала себя увереннее, чем на суше, ощущая сопричастность к чему-то бесконечному, бессмертному и чистому.

Море лечило. Оно всё понимало, всё принимало, убаюкивало, унося вдаль от всех проблем и от любых страданий.

Море было для меня всем. Моей жизнью, моей колыбе-

лю.

Широко размахнув руками, я радостно крутанулась в воде и рванула вперед, к подводному дворцу.

Глава 26

На самом деле, на морском дне расположился не только дворец. Это был целый город, в котором обитало огромное количество самых разнообразных существ. Русалки и сирены, морские демоны и морские змеи, тритоны и водяные псы, наяды и мелюззины, накки и гриндилоу, и многие-многие другие. Все они жили по соседству друг с другом, подчиняясь, конечно же, моему отцу.

Припоминая прежних знакомых, я плыла, никуда не торопясь и наслаждаясь каждым мгновением, проведенным в воде. Я погружалась глубже, туда, куда не добирались солнечные лучи, из-за чего вода казалась почти черной. Потом выныривала на поверхность, чтобы весело попрыгать на разбушевавшихся волнах приветствующего меня моря, ловя руками барашков. Вскоре ко мне присоединилась стая дельфинов, которые издавая счастливую трескотню и довольное пыхтение мчались рядом со мной, кувыркались и выпрыгивали над поверхностью воды, превратив встречу в веселую игру. Вскоре среди задорного молодняка, который на инстинктивном уровне почувствовал во мне свою, я заметила их маму, с которой вот также, как и с её детьми сейчас, резвилась когда-то, устраивая заплывы на скорость.

Едва только я поманила к себе афалину, ставшую уважаемой главой семейства, как она рванула в мои объятия,

взвизгнув подобно ребенку и едва не отшвырнув сильным ударом гибкого тела. Когда-то я дала ей имя Флория и она благородно его приняла.

Я погладила Флорию по спинному плавнику, показывая, что тоже очень скучала. И это было правдой. Поглядев на меня умными глазами, в которых я видела не только разум, но и личность, афалина ткнулась мне в плечо головой и указала вперед.

Я кивнула. И дальше мы поплыли рядышком, как в старые добрые времена. А за нашими спинами резвились дети и внуки Флории, для которых моя подруга детства теперь была непререкаемым авторитетом. Одного её недовольного взгляда было достаточно, чтобы детвора прекратила толкаться вокруг меня и последовала за нами в качестве шумной, очень шумной свиты.

Так, в окружении семейства дельфинов, я подплыла к подводному городу, чьи очертания проступили сквозь воду задолго до того, как снизу вынырнули морские демоны, они же кибиры, перегородив собой дорогу.

Выставив вперед острые трезубцы, они пробулькали:

– Назовись!

Я оглядела одного, потом второго.

Внешность у кибиров была примечательная. Широкая выпуклая грудная клетка, узкий гибкий таз, вытянутые мускулистые конечности, между пальцев прозрачные перепонки. Волосяной покров отсутствовал как таковой, на голове имел-

ся лишь перепончатый гребень, отливающий зеленью. Глаза узкие, продолговатые, с хищным недобрым прищуром и вертикальными темно-синими зрачками. К ношению одежды в морском королевстве относились весьма пренебрежительно. Кто-то использовал её, кто-то нет. Например, морские демоны традиционно носили что-то вроде набедренных повязок, прикрывающих их первичные половые признаки. И я была им благодарна за то, что прикрывались. Потому что однажды в детстве я увидела полностью голого кибира и это впечатлило меня на всю жизнь.

Фло возмущенно затрещала, но я остановила дельфина движением руки и промолвила высокомерно:

– Ди Аман Та, дочь Талласа, – подумав, добавила: – Ваша принцесса и будущая королева.

Морские демоны недоуменно переглянулись и подплыли ближе, осматривая меня с ног до головы и глубоко втягивая воду сквозь две вытянутые щели надо ртом, там, где у многих располагался нос.

– Ваше... Высочество? – так, будто не был уверен в том, что видел, спросил правый кибир.

– А вы знаете кого-то еще с таким именем? – криво усмехнулась я.

Морские демоны переглянулись и одновременно покачали головами, отчего гребни на их головах волнообразно задвигались, мол, нет, не знаем.

– Ну, и отлично, – выдала я и невозмутимо двинулась ми-

мо стражи.

Вход в морскую столицу представлял собой череду арочных проемов, прорубленных в монументальных каменных оградительных плитах. Каждый из проемов был оборудован высокими двустворчатыми воротами, самые первые из которых отличались особенными чарами.

– Расступились!

Кибирь сиюминутно подчинилась, рванув в разные стороны. Один из них, освобождая мне дорогу, швырнул свой трезубец в сторону врат. Острия орудия с протяжным звоном и гудением воткнулись в металл. Несколько секунд ничего не происходило, а после створки начали медленно распахиваться.

Я приземлилась на расчищенное от камней и кораллов ровно дно и уверенно зашагала вперед. Фло, как и её дети, рванули за мной. Морские демоны, заметив, что я ничего не сказала по поводу дельфинов, промолчали, лишь взглядом проводив беспокойную детвору.

Как только я преодолела первые врата, как распахнулись следующие и так еще четыре раза. Пять врат по количеству правителей с момента основания города. Сменяется правитель – добавляется еще одна пара врат. Традиции – странная штука, но символизм – основа веры. А в морском королевстве верили, что правители, даже ушедшие, продолжают беречь свои земли, помогая потомкам.

Преодолев последние врата, я вошла в город, который

помнила с детства, который ни на каплю не изменился и который даже спустя года продолжал завораживать.

Улицы в подводном граде пролегали между домами, которые из-за входов без дверей, окон без стекол и стен без крыш напоминали составленные друг на друга осиные гнезда, только изящнее и с большим количеством всевозможных украшений. Да, в морском королевстве любили украшать и не важно, что именно. Главное – всего и побольше, порой вообще не видя границ.

Не успела я дойти до конца улицы, как мне навстречу начали выплывать изумленные моим появлением местные обитатели. Многие из них видели меня последний раз еще совсем ребенком.

Похирикав в кулачок и весело помахав народу ладошкой, я вышла к перекрестку, где высилось огромное, размером с пятиэтажный дом и такое же монументальное изваяние моего предка.

Замерев в гордой величественной позе и зажав в одной руке свой зачарованный трезубец, который, кстати, исчез вместе с дедулей, каменный повелитель грозно глядел куда-то вдаль, презрительно наморщив тонкогубый рот. Наверное, высматривал предполагаемых врагов. Видел или нет – непонятно. Но на страже стоял исправно. Массивная сверкающая корона, взгроможденная поверх длинных, спутанных и небрежно разбросанных по плечам волос, была отлита из настоящего золота и украшена рубинами. Лично я не понима-

ла, зачем памятнику корона, да еще и золотая, но отец решил, что очень нужна.

Вокруг постамента росли кусты водорослей, чьи тонкие зелено-бурые талломы извивались и тянулись вверх, будто бы желая прикоснуться к почившему монарху, но не дотягивались, закручиваясь в спираль подводным течением.

Из короны великого короля выскользнула стайка изящных красных рыбок, которые, бодро махнув тонкими длинными хвостиками, умчались. Наверное, разносить весть о моем возвращении во всему королевству.

Вдоль щиколотки быстрой тенью скользнуло что-то холодное, взболтав воду и подняв со дна облачко песчинок. Присмотревшись в уже исчезающие силуэты, я поняла, что это была парочка шальных электрических угрей.

Улыбнувшись им вслед, я обошла каменное напоминание о величии моего давно исчезнувшего божественного прародителя и пошла дальше.

Строения вокруг изменились. Приобрели некоторую монументальность и основательность. Теперь вместо собранных в одну кучу домиков, облепленных кораллами, жемчужными нитями, сердоликами, яшмой и другими полудрагоценными камнями, меня окружали вытянутые вверх, идеально круглые белые башни со множеством балкончиков и небольших овальных окон, из которых на меня глядели изумленные лица и округлившиеся глаза. Чем дальше я шла, тем выше и объемнее становились башни, и тем меньше оби-

тателей выныривало из-за их стен, чтобы бросить на меня взгляд, вроде как украдкой.

Дойдя до последней башни, я притормозила, потому что песчаное дно под моими ногами закончилось. Приблизившись к каменистому краю пропасти, я заглянула в темноту. Туда, где, казалось, воды не было вовсе, а имелась лишь черная бездна, будто бы ведущая к центру земли. На самом деле, бездонной эта пучина не была и край у неё очень даже имелся, просто место это было заколдовано. Так, чтобы замедлить чужака, проникшего в город с враждебными намерениями.

Задача пучины напугать, остановить врага. Заставить его растеряться, задуматься, как преодолеть препятствие. А еще там, в бездне, обитали чудища такого вида, что кровь стыла в жилах. У непосвященных...

Чем дальше я всматривалась в темноту перед собой, тем сильнее она затягивала, завораживала. В пропасти мелькнул огонек, словно кто-то зажег и сразу же потушил спичку. Я проследила за движением огонька и улыбнулась. Присев на корточки у опасно крутого края, я приветственно протянула руку на пропасть, подзывая к себе одного из обитателей пучины.

Приглашающее шевеление пальцами – и моя давняя знакомая вновь зажгла огонек. Несколько долгих мгновений она выжидала, решая, стоит ли появляться или нет, а после медленно поплыла навстречу. Стремительное ускорение

произошло у самого края, и она буквально вылетела мне на встречу, прыгнув в протянутую ладонь.

Я подхватила внушительную тушку, чей спинной плавник болтался перед широкой зубастой пастью, напоминая удилище. Другой рукой придержала и погладила темное брюшко, отчего рыбка прикрыла глаза и заулыбалась. На самом деле, понять, улыбалась она или нет было затруднительно из-за обилия острых как иглы и опасно торчащих наружу зубов, но я точно знала, что моя подружка обожала, когда ей гладили пузико. А еще она обожала меня и всё мое детство следовала за мной, как собачонка. У человеческих детей в качестве домашних питомцев были кошки и собаки, а у меня – удильщик с мерцающей в темноте слизию, чьи кожные наросты и выступающая нижняя челюсть могли бы показаться уродливыми, но лично я считала этих рыбок ужасно милыми.

– Скучала? – спросила я, почесывая бочок.

Террария закивала, отчего её знаменитый светящийся фонарик весело закачался.

– Я тоже, – отпустив рыбку, вновь заглянула в пропасть. – А где Мирелла?

Террария качнула удилищем, мол, откуда мне знать. И ринулась навстречу семье дельфинов, которые кружили рядом со мной, ожидая, пока я пойду дальше, чтобы сопроводить до самого дворца. Я уже собралась встать, как из пропасти вырвался поток холодной воды, будто кто-то там, где копилась тьма, проснулся и махнул чем-то большим и сильным.

Я замерла, напрягла слух и услышала далекое клацанье зубов. Больших острых зубов.

– Мирелла, – позвала я. – Выходи, не бойся!

Только договорила, как из темноты показалась акуля го-лова, а следом выплыла и вся акула целиком.

Мощное тело, заостренная морда, жесткие треугольные плавники – всё в ней было идеальным и предназначенным для охоты. А вот окрас имелся особый, позволяющий узнать Миреллу не то, что из тысячи, из миллиарда.

Обычно у белых акул спинная и боковые части окрашены в темно-синий или темно-серый цвет, а брюхо – светлое. Но Мирелла была особенной. Она была акулой-альбиносом.

Снежно-белый хищник, который напоминал свой собственный фотоснимок в режиме негатива. Настолько редкое создание, что встретить хотя бы одного почти невозможная удача. Внешне такие акулы выглядели фантастически, будто гости из космоса, и лишь немногие знали, как трудно таким, как Мирелла.

В подводном мире эстетика для хищников не важна, а броский белый цвет, не позволяющий эффективно маскироваться под окружающий ландшафт, вызывает лишь трудности и привлекает внимание, часто превращая охотника в жертву. Из-за своего необычного окраса альбиносы обречены на изгнание из сообщества себе подобных. И голод. Именно такой, крохотной, одинокой, истощенной и очень голодной я встретила Миреллу однажды.

Я была ребенком. Очень любопытным, любящим всё живое и стремящимся помочь каждому, кому могла. Подобрала маленькую и почти умирающую акулу, я принесла её в замок и там несколько дней выхаживала, отправляя стражу за обедами для хищницы. Очень скоро она пошла на поправку, окрепла, познакомилась с придворными и стала моей напарницей во всех шалостях. Мирелла была никому не нужна, и в какой-то степени это было хорошо, потому что она была нужна мне. А я – ей. Мы стали друзьями – Мирелла, Террария и я. Какую бы проделку я не затевала, они всегда были рядом со мной. Покидая королевство, я приказала им держаться вместе, не покидать город и ждать меня. Я пообещала, что вернусь. Обязательно вернусь.

И сегодня я сдержала обещание.

Мирелла аккуратно подплыла, помня о своих огромных размерах, а после, стараясь не причинить вреда, со всей нежностью прильнула ко мне, помахивая боковыми плавниками.

– Ты скучала? – поняла я. – Я тоже. Очень.

Акула выскользнула из моих рук, обплыла по кругу и заглянула одним своим умным глазом в мои.

– Правда, – подтвердила я. – Честное слово!

Обрадовавшись, акула резко вильнула в сторону, потом рванула вверх со скоростью запущенной торпеды, достигла купола, который накрывал город защитной магией, и понеслась обратно, обдав меня потоком воды такой силы, что едва не столкнула в пропасть. Купол, обычно невидимый, мигнул

призрачно-сиреневым, ведь акула задела его хвостом, и через секунду вновь стал прозрачным.

– Ладно, – проговорила я, с трудом выравниваясь. – Я во дворец. Вы со мной?

Мирелла, всем своим видом выражая недоверие, проплыла мимо Фло, которая, в отличие от акулы, предпочитала обитать за границами города, свободно перемещаясь по морю. После акула вернулась ко мне и зависла по правую руку. С другой стороны пристроилась Террария, которая кивнула подруге светящимся удилищем, мол, все на своих местах, можно двигать дальше.

Фло в ответ на такие демонстрации лишь коротко презрительно булькнула и первой двинулась вперед.

Глава 27

Я легко оттолкнулась и поплыла за афалиной, двигаясь легко и ощущая себя перышком, подхваченным стремниной. Я чувствовала воду, чувствовала направление каждого потока, чувствовала море. Его настроение, его желания, его страхи. Стихия была живой, и несла в себе жизнь для всех, кого создала.

И для меня тоже.

Покинув воду я будто бы затаила дыхание и не дышала долгие годы. Рыба, выброшенная на берег, погибает, если не вернется в воду. Я же не погибла, но и не жила, застыв в одном состоянии, выжидая.

Чего?

Я ждала именно этого момента – возвращения домой, но на своих условиях. Условиях, которые обеспечат не только мое будущее, но и тех, кого хотела вернуть.

Стоило мне только оказаться над пропастью, как сверху начали опускаться огромные, способные заменить собой кровать, двустворчатые раковины. Их изящные волнистые створки были приветственно распахнуты, а внутри сияли и переливались жемчужины таких размеров, что приди кому-нибудь в голову желание сотворить из них ожерелье, то подобное украшение невозможно было бы надеть. Оно просто прибило бы к полу.

Я поплыла между этими раковинами, зависшими в метре над подводной впадиной, легонько отталкивая их в стороны, чтобы не пораниться об острые створки. Также осторожно раковины огибали Мирелла, Терра и Фло, которые знали – сунешься внутрь, пусть даже случайно, и окажешься в ловушке. Раковина захлопнется, взмоет ввысь и после выбраться самостоятельно будет невозможно.

А вот выводок мелких афалин при виде жемчужин подняли радостный визг и закружили вокруг с такой силой, что едва не перевернули Миреллу, чьи покрасневшие глаза превратились в два стоп-сигнала. Однако не успела акула угрожающе клацнуть зубами вдогонку самому прыткому дельфиненку, как все раковины разом захлопнулись и застыли, перестав покачиваться, сиять и манить.

Это произошло потому что мы достигли противоположного края впадины, проплыв над непроглядной тьмой.

Нащупав мягкое дно, я ступила на него и моему взору открылась королевская долина – место, где находился сам дворец и жили придворные.

Дома местной аристократии в спонтанном порядке были разбросаны по правую и по левую стороны от дворца и имели одинаковую пирамидально-спиралевидную форму с острыми вытянутыми вершинами. В знатных домах почти отсутствовали окна, разброс оттенков тоже оставлял желать лучшего. Долина была сосредоточением белого цвета, такого пронзительного, что, глянув и отведя взор, потом еще

несколько минут приходилось интенсивно моргать, прогоняя белые пятна.

Между домами парили полупрозрачные оранжевые медузы, под грибовидными телами которых болтались длинные ажурные щупальца. Стоило медузе пошевелиться, как щупальца, сверху окантованные дополнительным рядом оранжевых усиков, начинали извиваться будто бы в танце. У некоторых особенно крупных особей щупальца достигали пяти метров и почти касались песчаного дна.

Медузы эти назывались морской крапивой и плавали они именно здесь, у подножия дворца, не просто так, а ради безопасности короля. Стрекающие были плотоядными и, что еще важнее, очень прожорливыми. На своих не нападали, но регулярно выгуливались за границами города для плотного перекуса. Процесс ловли добычи у них не занимал много времени, а потому охранницы быстро возвращались на пост. В благодарность за преданную многолетнюю службу отец позволял им жрать всех, кого захочется и всех, кого получится переварить. Условие одно: «обедать» подальше от столицы.

Казалось бы, как медузы могли кого-то сожрать?

Но эти могли. Поймав щупальцами добычу, они парализовали жертву, впрыскивая яд при первом же контакте. Затем, плотно обхватив теми же щупальцами, затаскивали свой улов в подобие ротовой полости, где продолжалось пищеварение, начатое с момента прикосновения. Да, они перевари-

вали еду своими отростками, которые оставались ядовитыми даже если их оторвать, и это должно было бы вызвать содрогание и ужас, если бы я не росла в окружении этих созданий, входящих в королевскую охрану, с самого рождения. Среди них, наверняка, до сих пор присутствовали и те, которые стерегли мою колыбельку. Я никогда их не различала, а вот они умели узнавать членов королевской семьи.

Стоило мне приблизиться, как медузы прекратили своё мерное покачивание вверх-вниз, резко сократили мускулы и выбросили мощные струи воды. Так они приветствовали меня. Я в ответ никаких струй выпускать не стала, все-таки, какая никакая, а принцесса, ограничившись взмахом руки. И направилась дальше, стараясь не наткнуться на студенистые куполообразные шапки, которые лишь в последний момент соизволяли убраться с дороги. Для меня их яд не представлял угрозы, но ощущения от прикосновений всё же были болезненными.

Мои морские спутники неуклонно плыли за мной. Из всей нашей компании лишь Терра сохраняла спокойствие. Фло недовольно ворчала, согнав в кучу и подталкивая перед собой притихшую детвору. Мирелла плыла позади дельфинов, клацая зубами и показывая, что так-то она тоже плотоядная, а периодами еще и очень кусачая.

Я рассеянно погладила акулу по голове, приближаясь к лестнице, облепленной пучками красных кораллов, напоминающих цветы. Лестница была многоярусной и уходи-

ла круто вверх, настолько, что невольно возникало желание сдаться и поплыть, вместо того, чтобы топтать собственными ножками. Но имелся один подвох. Посещение королевского дворца нужно было заслужить и заслуживалось оно собственными усилиями, путем преодоления ступеньки за ступенькой бесконечной лестницы. Лишь правитель мог обойти эту преграду, а еще те, кто въезжал во дворец верхом на морских дьяволах, они единственные имели иммунитет к этой магии.

Я ступила на первую ступеньку и подумала, что зря раньше жаловалась на Лорса, главу королевских стражников. Каждый раз он сажал меня рядом с собой на дьявола, не позволяя идти пешком, хотя я и неистово порывалась. Но Лорс был непреклонен и мне приходилось подчиняться, ведь на протяжении многих лет он оставался одним из немногих во дворце, кого я уважала и чей авторитет признавала.

Первый ярус я преодолела вполне бодро, размышляя о прошлом. Следующий дался труднее, трудными были и мысли. По ступенькам третьего яруса я поднималась, громко топая и ненавидя всех на свете. На четвертом начала ругаться сквозь зубы, хотя Фло, оставшаяся внизу вместе с Террой и Миреллой, с укоризной посматривала на меня, недовольно треща и кивая на мелких, которые ни меня, ни что я там бормочу вдалеке на самом деле и не слушали, а гонялись за косяком тунца.

Остановившись, чтобы перевести дух, я облокотилась о

фигурную балясину и не сдержала улыбки, наблюдая за хвостатой бандой, которая пыталась сообразить, как поймать вертких скумбриевых. А с ними, действительно, было справиться непросто.

Рыбки, такие маленькие и уязвимые по отдельности, сбиваясь в организованный косяк, образовывали суперорганизм, плотный и действующий настолько синхронно, что хищник, попав в него, терял ориентацию в пространстве. Общими усилиями, пусть и небольшого сообщества, они увеличивали шансы каждой отдельной особи на выживание.

Завистливо вздохнув, я отправилась покорять следующий ярус...

До дворца добралась спустя, кажется, целую вечность и с языком, болтающимся даже не на плече, а за плечом.

Сошла с последней ступеньки, преодолела барьер и оказалась внутри воздушного пузыря, в который была помещена королевская обитель. Вода схлынула и я столкнулась с...

– Лорс! – выдохнула я, хватаясь за ребра и пытаюсь не слишком откровенно умирать от усталости. – Давно не виделась!

– Ваше Высочество, – поклонился мне главный из стражников, держа одну руку за спиной, а другую на наплечной португее, поддерживающей ножны с мечом. Мужчина был одет в свою привычную форму – высокие сапоги, состоящие из переплетающихся кожаных ремешков, широкие светлые штаны и такую же свободную рубашку.

Длинные волосы цвета весенней листвы были заплетены по бокам в косички и скреплены на затылке длинной тонкой заколкой. Остальные локоны свободно струились по спине светло-зеленым водопадом.

Лицо бледное и красивое, с высоким лбом и переносицей, острым упрямым подбородком и губами, будто бы постоянно порывающимися улыбнуться из-за высоко поднятых уголков. Но он, как и всегда, оставался беспристрастным, отстраненным. Другим, кажется, я Лорса и не видела.

Некоторая изящность в его облике лишь подчеркивала воинственную мужественность, играя на контрастах. Он очень нравился женщинам. Почти каждая из придворных дам в своё время пережила этап влюбленности в главу стражи. Некоторые смогли пойти дальше, другие же продолжали лелеять мечты об этом неприступном мужчине. Против дамского внимания Лорс не имел ничего против, был готов провести ночь с обаятельной красоткой, но вот всё, что предполагалось делать дальше, стойко не переносил, прощаться с холостяцкой жизнью не собирался и всегда старался сохранять личную жизнь в тайне. За всё детство я ни разу не застала его с любовницей, хотя знала, что она у него была и не одна.

– А я смотрю, вы уже в курсе моего прибытия? – весело спросила, вдыхая полной грудью. Комфортное существование под водой таких как я обуславливалось магией, позволяющей жить вообще без кислорода. И всё же, рефлексy, кото-

рые мы сохранили от предков, когда-то обитавших на суше, вызывали желание полноценно дышать, как и любое другое млекопитающее. Именно поэтому был создан пузырь, чтобы не забывать, как это – наполнять свои легкие воздухом.

– Всё королевство в курсе, – с любезностью в голосе, но без любезности на лице ответил мне глава стражи.

– А... Ну, так не будем топтаться на месте!

И я попыталась обойти Лорса, но была решительно остановлена. Выгнув бровь, я подняла взгляд на мужчину, показывая, что его действия выглядят, как минимум, странно.

– Зачем вы здесь? – вежливо, но холодно спросил он.

– В смысле? – поперхнулась я от изумления. – Я не могу зайти в собственный дом, не докладывая о причине возвращения?

– В последнее время ситуация весьма напряженная, – начал Лорс, продолжая удерживать меня вытянутой рукой. – Поэтому король опасается, что вы намереваетесь сделать что-то...

– Чтобы я не собиралась сделать, – ответила зло, – я не обязана докладывать об этом кому-либо, даже собственному отцу. Я – принцесса этого королевства! Первая и единственно законная!

Отбросив руку Лорса, я прошла мимо, поправляя подол переливающегося кристаллами платья, которое создала из той же магии, что окутывала меня в воде.

Я гордо шагала по подвесному мосту, ведущему ко вхо-

ду во дворец. Последний выглядел так же, как и дома аристократии, только больше, величественнее, ярче и шикарнее во много раз. По форме он напоминал ракушку нерита – широкую, устойчивую у основания и завивающуюся сужающейся спиралью кверху, где каждый виток был дополнительно украшен кружевными вертикальными линиями. В целом, дворец был похож на кремовый торт, представляя собой величайшее творение королевства.

Я дошла только до середины моста, как мне навстречу выступил отец в сопровождении всей своей придворной свиты, среди которой я не увидела ни одного знакомого лица. Женщин, одетых слишком откровенно даже для придворных, было больше, чем мужчин. И последние так же не стеснялись демонстрировать свои тела.

Я отвела взгляд от гладкой мужской груди и взглянула на отца. В памяти мгновенно всплыло воспоминание о ночи, проведенной в клубе Макса. Неужели папаша настолько ненасытный, что ему уже недостаточно дворцовых прелестниц, и захотелось... кого попало!

Внутри начала закипать злость. Отец долгие годы жил прекрасной свободной жизнью, меняя девиц даже чаще, чем украшения, удовлетворяя все свои желания и воплощая самые развращенные фантазии.

Интересно, он хотя бы раз задумался о маме?

Глава 28

подавив желание заорать, я стиснула кулаки и постаралась успокоиться.

Отец и его делегация шли намеренно медленно, я же наоборот – почти летела, а потому встретились мы почти у самого начала моста.

– Дочь, – холодно кивнул мне папаша.

– Здорова! – выпалила я, отчего пара барышень, вырезы на платьях которых были такой глубины, что я почти видела их тазовые кости, нервно вздрогнули и возмущенно покосились в мою сторону. Я в ответ широко улыбнулась, подошла, девиц растолкала и потопала ко дворцу. Не дожидаясь, пока отец начнет меня воспитывать, что и в былые годы удавалось до ужаса плохо, ведь начинать всегда надо с себя.

Быстро пройдя в парадный зал для торжественных приемов, я жестом подозвала к себе прислужницу и приказала принести мне вина. У отца был огромный погреб, который он заполнял усилиями отправляемых к людям гонцов. В его личной коллекции присутствовали настолько редкие экземпляры, что на суше их не найти даже у самых богатых ценителей.

– Но..., – услышав мой приказ, начала было сопротивляться девушка.

– Неси! – рыкнув, распорядилась я.

И она умчалась испуганной ланью.

Когда отец влетел в зал, я прохаживалась туда-сюда перед тронном.

– Что ты себе позволяешь?! – провопил он, срывая с себя подбитую мехом накидку и оставаясь в одной только тонкой, почти прозрачной тунике.

Я изо всех сил отводила взгляд, стараясь не наткнуться на тот самый орган, которым, собственно, и была зачата. Но отец, как и многие в королевстве, своей наготы и откровенности не стеснялся, а потому достоинство прятать не пытался, несмотря на то, что видел, как мне некомфортно.

– Ты, моя дочь, кровь от крови моей, плоть от плоти моей, стесняешься смотреть на меня?! – возмущенно проревел он, расправляя плечи.

– Есть вещи, о которых лучше не знать и на которые лучше не смотреть, – отворачиваясь, заявила я, с радостью перехватывая у прислужницы поднос с кубками, наполненными добротным алкоголем.

Другой здесь не наливали.

– Ты слишком долго жила среди людей, – разочарованно проговорил отец, прошел и рухнул на трон, вольготно развалившись. – Зачем ты здесь?

– Я не могу вернуться домой? – вскинула я бровь с вызовом.

– Можешь, – кивнул отец, жестом показывая прислужнице подойти.

Едва только девушка приблизилась, как отец с треском расходящейся по швам ткани сорвал с неё простое длинное платье. Прислужница даже не пикнула, лишь зажмурила глаза, сжимаясь всем телом и замирая. Не считая подноса, которым она даже не попыталась прикрыться, девушка теперь стояла перед нами абсолютно голая.

– Так и ходи, – приказал отец, а после указал кивком головы: – Иди.

– И зачем это было нужно? – спросил я, когда девушка, мелко семеня ногами, торопливо исчезла за высокой дверью, стараясь быть как можно меньше ростом и незаметнее.

– Чтобы ты не тешила себя надеждами, будто здесь что-то изменилось, – прищурившись, ответил король. – Ты сбегала, потому что тебе, якобы, было здесь плохо. Так вот, не думай, что твое возвращение заставит меня что-то изменить в собственном королевстве. Я здесь закон! И ты либо принимаешь свой дом и свою семью такими, какие есть, либо возвращаешься в мир, на который ты нас променяла!

– Хорошо, вернись, – легко согласилась я, делая большой глоток вина. Оно было горьковатым, терпким, выдержанным. Еще чуть больше танинов – и его невозможно было бы пить. А так, весьма терпимо. – Но только после того, как ты сделаешь то, ради чего я вернулась.

– И что же это? – безразлично откликнулся отец, откидывая за спину прядь волос.

В зал вошел Лорс и застыл у дверей, будто опасаясь что я

начну вытворять всякие безумства.

Я решила не обманывать возложенных на меня ожиданий и начала вытворять.

– Подними усыпальницу матери, – не просила, я требовала.

– Что? – выпрямился отец, перестав разглядывать вино в своем кубке.

– Что слышал, – грубо откликнулась я и сделала еще глоток. – Я знаю. Я всё знаю: про усыпальницу, про месть жрицы, про планы двух братьев. И то, что ты всегда был в курсе всех событий. Что они тебе пообещали за помощь? Пожизненный свободный вход в клуб секс-игрищ Макса?

Отец вздрогнул, будто хлыстом ударили, и резко сел, перестав изображать фривольную утомленность.

– Откуда ты знаешь?

– Я видела тебя там, – честность всегда была лучшим оружием.

– Ты...? – отец изумленно приподнялся. – Ты была в «Шанхае»?

– Ага, заглянула на огонек, – злобной гиеной улыбнулась я. – Вернее, Макс силой затащил, предварительно помариновав в подвале и отработав на мне навык метания ножа. Это у него забота такая, – я отогнула край платья и продемонстрировала затянувшуюся красной кожей рану, которая будет таковой еще долго. Серебро ведь. – Пытался защитить. Думаю, Макс не верит в верность моей подруги и считает,

что она представляет для меня опасность. Знал бы он, кто на самом деле здесь самый опасный...

Я мрачно хихикнула.

– Ты был в курсе этого?

– Что? Нет..., – быстро замахал руками король. – Нет, я не знал об этом! Я бы ему не позволил!

– Ага, сейчас бы не позволил, а через год вручишь меня ему как трофей. И он сможет делать всё, что захочет. И он, и Лозовский! – последнее я выкрикнула отцу в лицо, ненавидя за все.

За то, что он такой и за то, что сделал меня такой же, как он сам.

Потому что...

Потому что я действительно была дочерью своего отца.

Я осознанно делала зло и шла дальше, не оборачиваясь.

– Мне уже наплевать, что будет со мной. Хочешь, чтобы я вышла замуж за Макса? Или за Лозовского? Или за обоих сразу? Хорошо, пусть будет так. Но взамен я хочу, чтобы ты поднял усыпальницу мамы, потому что кроме тебя никто не знает, где она. Я, возможно, могла бы справиться и сама, но есть шанс, что во время поисков смою какой-нибудь континент.

Отец стиснул губы в одну тонкую линию.

– Нет, – выдал он. – Этого не будет. Твоя мать ушла и этого не исправить.

– Я знаю, – спорить не стала. – Но есть то, что еще испра-

вить можно.

– О чем ты? – напряжение в его голосе было таким плотным, что я на себе ощутила тяжесть его мыслей.

– Затеянная вами игра обернулась большими проблемами. Договариваться с Нуатль изначально было паршивой идеей.

Очень паршивой, потому что они спутали мне все карты...

– Знаю, – отрывисто произнес король, вставая с трона. – Но Макс сказал, что проблема решена. Сейчас с ним Змей. И жрица более не представляет угрозы.

– Ага, – со злой насмешкой проговорила я. – Вот только всё пошло не по плану.

Взгляд короля потемнел, а вместе с ним, я это знала, потемнело и небо над морем, заволновалась вода, и ветер начал рваться шквалистыми порывами.

Надвигался шторм.

– Неожиданно, да? – я улыбнулась, в то время, как сердце сковывал лед. – Нуатль вырвалась на свободу. И сейчас эта дрянь сидит в моей подруге. В Нисе, дочери Изельта, предводителя клана банши. Надеюсь, ты еще помнишь, кто это? А еще я надеюсь, ты понимаешь, как трудно будет выковырять из Нисы неприкаемую душу! И в этом виноват только ты! Когда Макс пришел к тебе с разговорами о жрице, ты понял, о ком идет речь. Понял и ничего не сделал! Ты не остановил его! Что он тебе пообещал? Раз противостояние

двух братьев больше не актуально, значит, появилось что-то другое? Что?

Отец отвернулся.

– Нет, – невесело засмеялась я. – Не может быть... Неужели вы договорились о возвращении под контроль принцев Небесного царства? Серьезно?

– Это их царство, оно принадлежит им по закону, – прозвучало от входа. Я оглянулась на Лорса, с удивлением вспомнив о его присутствии. Значит, и он тоже знал. – А после свадьбы оно станет принадлежать и вам, моя принцесса.

– Вы хоть знаете, кто его захватил? – накатила усталость.

– Да, – мне вновь отвечал Лорс. – Один из военачальников бывшего царя. Когда-то он был генералом.

– А никто из вас не задался вопросом, как генерал смог заполучить трон царства, которое считалось и продолжает считаться одним из сильнейших? – мне бы плюнуть на всё и проспять века три.

– Мы знаем, что за ним кто-то стоит, – махнул рукой отец и пригладил свои волосы.

– Не кто-то, – отрезала я. – За ним стоит Совет! Захват власти в Небесном царстве уже третий за последние двести лет, который произошёл при поддержке стариков! А вы что намеревались делать? Просто отправить туда армию в надежде, что ваше кунг-фу победит их кунг-фу?

– Что такое кунг-фу? – король растерялся окончательно.

– Не важно! – я топнула ногой, не сдержав эмоции. – Вся

эта махинация с подселением с самого начала отвратно воняла! – я почти орала. – Неужели вы думали, что Нуатль станет с вами сотрудничать и поможет вернуть утерянную власть?

Я была безмерно зла. Если бы Симона не отправила Фирусу к Максусу, если бы муза не подкинула ему идею о создании симбионта, если бы Морин не согласилась сотрудничать, и если бы я обо всём узнала раньше, а не тогда, когда зеркало почти окончательно вышло из-под контроля... если бы, если бы, если бы... Многого не пришлось бы делать, много можно было бы успеть. И почти не пришлось бы врать.

И Лорс, и отец молчали.

– Из-за вас эта недобитая гадюка сейчас в Нисе. И лишь вопрос времени, как быстро она подавит её волю и чем после этого займется!

– Захват не то же самое, что подселение, – отрезал отец, бегая глазами вокруг, но не глядя на меня. – При захвате тень тратит много сил на подчинение чужого сознания, а при подселении создается связь, которую невозможно разорвать в одностороннем порядке. Так что, чего бы не желала Нуатль, ей потребуется время, чтобы освоиться в новом теле.

– Сегодня тень заполучила Нису, а завтра... Что если завтра она придет за мной? Когда вы соглашались на сделку вы не могли не понимать, что собираетесь выпустить на свободу кого-то очень страшного, желающего смерти, в том числе, и мне, – я очень сильно старалась не срываться на крик, а потому большую часть времени шипела боевым гусем. Раз-

ве что крыльями не хлопала. – Отец, подними усыпальницу матери и пусть эта тварь забирает её тело.

– Думаешь, Нуатль согласится на обмен? – отец казался растерянным. Ситуация поставила его в тупик.

– Согласится, – уверенно ответила я. – Она ненавидит маму, потому что ненавидит бабушку. Для жрицы поселиться в теле матери станет величайшей победой над врагом. Папа, – позвала я, чем ввергла короля в ступор, ведь не называла его так больше десяти лет. – Вы заварили эту кашу, вам и тушить огонь под кастрюлей!

– Если ты рассчитываешь на помощь Табиты, то не жди её появления, – проговорил отец и на молодом лице, которое будет оставаться таковым еще очень долго, появились следы измождения. Это напомнило, что ему уже много-много лет. – Она не сможет победить Нуатль, потому что давным-давно лишилась почти всей своей магии. Никто не знает жива ли она вообще или нет.

– И что ты предлагаешь?

– Если ты боишься мести жрицы, то возвращайся домой и займи положенное рядом со мной место, – отец указал на второй трон, размером чуть поменьше первого, который стоял рядом. Стоял пустым, потому что никто не имел на него прав. Никто, кроме меня. – Здесь тебя никто не достанет.

– Да, – согласилась я и добавила дрогнувшим голосом: – И тогда моя подруга погибнет!

– Подруга тебе ценнее матери? – на лице короля отобра-

зилось сомнение.

– Ты сам сказал, маму не вернуть, – я позволила слезам заполнить мои глаза. – А Нису еще можно спасти.

Отец заложил руки за спину, встал, покачался на пятках, уставившись в пол на собственное отражение, не менее властное и величественное, чем оригинал, и спустя некоторое время заявил:

– Хорошо, я сделаю это.

Я, больше не сдерживаясь, выдохнула с откровенным облегчением.

Отец кивнул, будто бы принимая это искреннее проявление эмоций за благодарность, и приказал Лорсу, подпирающему дверь:

– Готовь дьяволов.

Когда мы с отцом по мосту вышли к ступеням, по ту сторону прозрачного пузыря нас уже ожидали три оседланных ската, которые висели в воде, плавно и неторопливо двигая головными плавниками, словно взмахивая крыльями.

– Куда мы? – спросила я, рассматривая крайнего правого и самого мелкого манта. Исходя из размеров, он предназначался мне.

– Скоро всё узнаешь, – не стал заранее анонсировать отец.

Обернувшись и подняв голову, я увидела на одном из балконов дворца, в той его части, которая традиционно принадлежала королеве, свои младших сестер.

Фелис, Элора и Тэйла.

Принцессы-погодки. Фелис шла сразу после меня по старшинству, потом Элора, затем Тейла. Они терпеть не могли меня, а я – их. Всё детство они раздражали меня своим бесполезным и бесконечным нытьем, махровым эгоизмом, самовлюбленностью, возвращенной в них матерью, второй женой отца, и постоянным желанием быть в центре внимания.

Они считали себя лучше меня во всем. А я в ответ не уставала напоминать, что никого не интересуют младшие сестры, до тех пор, пока самая старшая – жива, здравствует и не замужем. Сестричек мои слова злили еще сильнее, стимулируя делать гадости с утроенной силой. Стекло в еде, иглы в подушке, лезвия в обуви, отравленные перчатки на постели – это были одни из самых невинных их забав. Знаю, что сестрички не могли проделать подобное исключительно самостоятельно, им просто обязан был помогать кто-то взрослый, кто обладал хитростью и желанием не просто сделать больно, а устранить окончательно и навсегда. На эту роль отлично подходила их мать. К моей и не только к моей радости, мамаша троицы сама в королевах долго не проходила, уступив основательно нагретое местечко другой, такой же, какой она сама была когда-то, любовнице, ставшей третьей супругой. И тоже нарожавшей целый выводок дочерей...

Испытав прилив вредности, я поднесла пальцы к губами и послала сестричкам воздушный поцелуй.

Высокая, стройная, белокурая Фелис, которая стояла ближе всех, опираясь на перила, вздернула милый носик и над-

менно отвернулась, сложив руки в том месте, где у всех женщин имелась выпуклость, а её природа наградила впуклостью, практически каньоном.

Элора, с волосами красными, как кораллы и таким же румянцем на щеках с ямочками, с отвращением фыркнула, потряхнув упругими кудрями.

Тейла, которая была ниже своих старших сестер и шире раза в два, поправила складки на платье с утягивающим корсетом, одновременно погрузнев и поскучев.

И ни одна из них ничего не сделала в ответ, хотя могла бы, как минимум, продемонстрировать парочку неприличных жестов, которые они заучили еще до того, как научились полноценно разговаривать.

Пожав плечами, мол, неинтересно мне с вами, я повернулась обратно и наткнулась на внимательный взгляд отца, который, как оказалось, за нами наблюдал. Одного его быстрого взмаха рукой оказалось достаточно, чтобы сестры унеслись с балкона, и мы остались без лишних глаз.

– Ты всегда была слишком жестокой, – ни с того, ни с сего брякнул отец.

Я выгнула бровь, показывая, что не понимаю, по какому поводу сии откровения.

– Ты могла бы хотя бы попробовать наладить отношения с сестрами, – дополнил свою предыдущую претензию папаша. – И со мной.

– Ага, а еще с десятком твоих ежегодно меняющихся жен,

чьи имена даже ты сейчас не вспомнишь, – грубо заявила я. – Зачем было тащить всех во дворец и под венец? Ну, спал ты с ними, так спал бы на сторону! Зачем мне всё это было показывать?

– Мне нужен был наследник, – жестко отреагировал отец, сжимая кулаки, каждый из которых обладал внушительными размерами. О таких еще говорят пудовые.

– Да, помню, – с горечью усмехнулась я. – Я тебя никогда не устраивала. И вынуждена была расти с этой мыслью. С мыслью, что меня тебе недостаточно! И мамы тебе недостаточно! Тебе нужны были другие. Другие жены, другие дети! Иногда я думаю, что лучше бы ты с самого начала сослал нас к бабушке. Тогда бы и мама была жива, и я увидела бы куда более счастливую жизнь. Рядом хотя бы с одним любящим родителем.

Глава 29

– Ты винишь меня? – отец был ошарашен этой мыслью. – Винишь за то, что случилось с мамой? Но это ведь твоя бабка, эта старая ведьма, еще в начале времен ввязалась во всю эту возню с одной из нагов! И это она за сотни лет так и не смогла прикончить эту змеиную пакость, подставив под удар своих дочерей! Сподобилась лишь соорудить им какие-то паршивые амулеты, и то едва не лишилась последних остатков разума в процессе. Думаешь, я не любил твою мать? Я любил! Я любил её так сильно, что в каждой следующей женщине я искал её черты – лица, тела, характера. Искал и не находил!

– А потому никогда не прекращал поисков? – мой голос зазвенел от переизбытка эмоций. Всего было слишком много: любви, ненависти, боли.

– Я помнил о ней каждый день, – всматриваясь в моё лицо, прошептал отец так искренне, что у меня заныло под ребрами. Не всегда стоит требовать откровенности, потому что порой эту откровенность практически невозможно выдержать. – За последние два десятка лет не было ни одного дня, который бы я прожил, не вспоминая о ней. Даже, когда ты ушла, покинув меня так же, как покинула она. Я думал о вас – о тебе и о ней.

– Надеюсь, когда имел своих любовниц ни обо мне, ни о

маме ты не думал, – поморщилась я, видя страдание в его глазах и какой-то темной частью себя желая это страдание увеличить. Сделать его глубже. Это как взять гвоздь и из маленькой царапины проковырять рану побольше. – Потому что это прям мерзость.

Отец с разочарованием выдохнул, потер лицо, а после холодно заметил:

– Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь меня. Скоро ты выйдешь замуж и начнешь рожать детей, много детей. И ты не единожды столкнешься с ситуациями, когда придется принимать непростые, но нужные решения. Потому что все мои попытки получить наследника мужского пола были одним из таких сложных решений.

– Ну, да, забыла. Я же просто ходячий инкубатор, к которому прилагается корона. И ты не прав. Я никогда не буду принимать никаких решений. Мне просто не дадут этого сделать те двое, которым ты меня собираешься отдать. И ты это прекрасно знаешь.

Сказав так, я сделала несколько шагов вперед и выскользнула из пузыря, погрузившись в воду. Подплыла к самому маленькому из дьяволов, поводья которого передал мне Лорс. Я устроилась на широкой черной спине, поджав под себя ноги так, чтобы не мешать скату плыть.

Чуть погодя тоже самое проделал отец, сев на самого крупного манта. Левого крайнего оседлал Лорс. Дернув поводья, мы развернули дьяволов и поплыли к воротам.

Город больше не был ни полусонным, ни пустынным. На улицы высыпали обитатели подводной столицы. Все они желали увидеть свою принцессу, то есть, меня. Я плыла на дьяволе, сохраняя королевскую осанку, что было очень нелегко, и величественно поглядывая вниз, на своих подданных, зная, что многие из них считают меня предательницей, которая большую часть жизни провела вдали от тех, кем должна была учиться править. И править во благо. А потому любопытство в глазах горожан соседствовало с осуждением и где-то даже с презрением. Некоторые кибирь, так вообще неприкрыто скалили зубы мне в спину.

Несмотря ни на что я держала на лице выражение безразличия, зная, что никому не интересны мои чувства, важно лишь то, что я делаю.

Мы приблизились к воротам, и они начали по очереди распахиваться с таким звуком, будто падали выстроенные в цепь костяшки.

Никуда не торопясь, мы выплыли за пределы города.

С тем же звуком ворота за нами по очереди захлопнулись.

– Куда плывем? – покосившись на отца, спросила я, когда закрылись последние ворота и перед створками появились уже знакомые мне кибирь с грозными выражениями на мордах. Даже их гребни топорщились с напыщенной воинственностью.

– К границе Атлантического океана и Карибского моря, – сообщил отец. – К желобу Пуэрто-Рико.

Мои глаза непроизвольно расширились. Названная отцом точка – одна из самых глубоких в мире.

– Далековато, – осторожно заметил Лорс.

– Да уж, – поддержала я главного стража. – Долго плыть будем. Чтобы покрыть такое расстояние мантам потребуется часов шесть, не меньше.

Названная мною цифра была с учетом того, что дьяволы – зачарованы магией и могли развивать скорость куда больше, чем их обычные сородичи.

– Будем там через пару минут, – возразил король, переложил поводья в одну руку, а другую вытянул вперед. Вокруг его пальцев за клубилось сиреневое свечение, которое едва появившись, начало стремительно разрастаться и темнеть, образуя завихрения. Это напоминало заполненную до краев раковину, из которой выдернули пробку.

Отец хлестнул поводьями и устремил своего дьявола напрямиком в эту воронку. Мы с Лорсом неуверенно переглянулись и беззвучно последовали за своим правителем.

Я знала про подобный способ перемещения, но никогда не пробовала, более того, никогда не пыталась перемещаться так самостоятельно. И правильно делала, потому что ощущения были тошнотворными. Меня будто бы протянули сквозь узкое бутылочное горлышко, вытолкнув где-то, где меня практически прибило ко дну. Огромное давление водной толщи ощущалось очень четко и вызывало скованность в груди, потому что лишь немногие из нас имели привычку

погружаться на столь экстремальные глубины.

Я знала, что не погибну, меня защищала моя магия, но чувство естественного страха всё же накатило, заставив сердце колотиться быстрее.

Лорс взмахнул рукой и создал несколько пульсирующих сфер, от которых исходило розоватое свечение. Даже для нас здесь было темно. Как только появился свет, я смогла оглядеться.

Мы находились в узком ущелье, которое образовалось в результате разлома в океаническом дне. В центре ущелья, зависнув в воде, покачивался каменный прямоугольник размером примерно два на три метра.

Я замерла, сердце пропустило несколько ударов, а по спине прошелся холодок.

– Плывите к ближайшему берегу, что на юго-западе, там есть остров, – приказал отец. – Я доставлю саркофаг туда.

– Почему? – оживилась я.

– Здесь опасная зона, – кивнул отец на окружающий мир. – Когда я начну подъем усыпальницы, это может спровоцировать сдвиг тектонических плит.

– Не мог спрятать в месте попроще? – проворчала я, крепче стискивая поводья.

– Нет, – пресек критику отец. – Потому что я – единственный, кто способен добраться сюда.

– Ваше Высочество, – прикоснулся к моей руке Лорс. – Надо плыть.

Я кивнула, бросив последний взгляд на отца и вместе с Лорсом направила своего манта резко вверх, почти по вертикальной траектории, одновременно прикладывая магическое усилие для ускорения дьявола.

Это было похоже на полет, если бы только в воде можно было парить. И это... завораживало. Перехватывало дух, волновало разум и заставляло думать, что если жить и стоит, то ради вот таких вот моментов.

Мы с Лорсом, охваченные сиянием, я – голубым, а он – розовым, неслись сквозь воду, ощущая, как нас периодически подхватывают течения, то теплые, то холодные. Мы мчались туда, где сияло солнце, с самого дна к самой поверхности, ощущая себя детьми водной стихии и зная, что дети мы любимые.

Вынырнув, я тяжело задышала. Подъем был головокружительным, но потребовал больших магических и физических затрат.

– Туда, – указал Лорс на желто-зеленую полоску суши слева от нас. Глава стражи отличался немногословностью, но он всегда был таким. Возможно считал, что ему со мной просто не о чем поговорить.

Направив своего манта в нужную сторону, я несколько минут рассматривала мокрую спину Лорса. Мы оба были обнажены, потому что, как только вынырнули на поверхность, наша магия, позволявшая нам создавать одеяния под водой, перестала работать.

Проконтролировав, чтобы мои мокрые и заметно отросшие за последнее время волосы прикрыли всё, полагающиеся стандартным нормам приличия, я поинтересовалась у стража:

– Вы только со мной столь молчаливы или со всеми?

Лорс некоторое время ехал молча на расслаблено взмахивающем плавниками дьяволе, а после спокойно ответил:

– Я не имею права быть с вами разговорчивым, Ваше Высочество.

– Почему? Разве на разговорчивость требуется право? – продолжая рассматривать рельеф его спины, ударилась я в уточнения.

– С вами требуется право на всё, – невозмутимо ответил Лорс. – Вы – принцесса, я – ваш страж. Моя задача убереечь вас от любой физической или магической угрозы. А разговорчивость в задачи не входит.

– Я сама могу убереечь себя от угрозы. И физическая угроза – не самое страшное, что может случиться. От самого страшного, от того, чего действительно стоит бояться, вы меня убереечь не смогли.

– Я знаю, – проговорил Лорс. Впереди уже четко вырисовались очертания пустынного песчаного острова, усеянного обточенными водой осколками скалы. Вдоль линии берега росли пальмы вперемешку с еще какой-то густой зеленью. – И помню, что вы можете постоять за себя. И всё же я должен быть рядом с вами. Жить рядом с вами или умереть рядом

с вами. Или за вас. Ваша жизнь – моя жизнь, ваша смерть – моя смерть.

– Вы как будто мне только что клятву принесли, – смутилась я.

– Всё верно, – не стал отпираться Лорс, по-прежнему не показывая мне своего лица. – Я готов служить вам, Ваше Высочество. И я готов помочь вам взойти на трон. На трон, которой по праву ваш. Только ваш, а не вашего... мужа. Или мужей. Вы желаете надеть корону. И я могу помочь вам в этом.

Я закусила губу, чтобы не выдать себя звуком изумления. Услышать подобное от Лорса было очень неожиданно. Такого я не предполагала, а ведь жила с уверенностью, что все предсказуемы.

– Как вы поняли? – чуть успокоившись, спросила я через некоторое время. Насколько мне было известно, когда моя мама только прибыла во дворец Лорс уже был взрослым мужчиной, целиком преданным моему отцу. Между нами был разрыв практически в вечность, но теперь, кажется, мы оказались в одной команде.

– Я знал это с самого вашего детства, – промолвил страж. Мы уже были метрах в ста от берега. – В день, когда ваш отец официально представил двору свою новую, на тот момент только вторую жену, я увидел ваш взгляд. Я увидел, как вы посмотрели – и на него, и на неё. И понял кое-что очень важное. В тот день я подумал: «Она за всё отомстит».

– Неужели у меня настолько плохо получалось скрывать настоящие эмоции? – нервный смешок вырвался из груди.

– Хуже, чем вы думаете, – подтвердил Лорс. – На самом деле, для кого-то в ваших глазах – весь мир.

Повисло молчание. И я впервые в жизни подумала, что, возможно, Лорс не был таким уж недосягаемым айсбергом, каким его все считали. Размышлять так было странно.

Он был идеальным мужчиной для всех женщин столицы. С их точки зрения он практически воплощал в себе мечту – притягивающая внешность, твердый характер, уравновешенный нрав и опытность.

Он был мужчиной для всех, но только не для меня. Для меня он был... просто верным другом.

– «Я никогда не мщу. В случаях, когда я вынужден действовать против других людей, я ничего против них не предпринимаю сверх того, чего требуют необходимость самосохранения или предотвращение нового вреда с их стороны», – процитировала я Бетховена и спросила: – Так, значит, вы на моей стороне?

Глава стражи остановил своего дьявола, развернулся, поклонился, так низко, что кончики его пропитанных соленой водой волос вновь окунулись в воду и проникновенно проговорил:

– Да, моя принцесса.

Я остановилась рядом, рассматривая его волосы.

– Почему? Вы столько лет были верны моему отцу и те-

перь готовы предать его? Ведь вы же понимаете, что выбирая меня, отрекаетесь от него?

– Потому что я могу понять это. Я могу понять злобу, ненависть, желание ответить ударом на удар, отомстить за свою семью. Это то, что мне близко, как близки и вы, Ваше Высочество.

Я кивнула, принимая его ответ, и поплыла к берегу.

Больше мы не разговаривали. Но я чувствовала на себе его взгляд.

Удивительно, но мне нравилось то, что он смотрел на меня.

Глава 30

Достигнув берега, мы отпустили скатов, которые остались плавать тут же, и ступили на песок.

Почти исчезнувшее за горизонтом солнце роняло прощальные темно-оранжевые лучи, окрасив небо в багряные тона.

Я быстро огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы прикрыть наготу, потому что волосы мои прикрывали только верх, но не низ. И не позволяли укутаться в них, словно в пелерину, как сделал это Лорс. Поэтому я подхватила кусок чего-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось обрывком рыболовной сети, и обернула её вокруг бедер. Сеть была старой и пропитанной солью, а потому жесткой и колючей, неприятно царапающей кожу. Но вариантов имелось немного – либо терпеть неудобства, либо щеголять перед отцом и Лорсом голой, что для них было естественной частью бытия, а для меня – чрезмерной эксцентричностью.

Мы успели лишь осмотреться по сторонам и убедиться в отсутствии любопытных глаз, как вода метрах в двухстах от берега начала бурлить, клокотать и захлебываться пеной, будто закипая. Что-то, что было под водой прогнало штиль, взбудоражив стихию.

Поднялись волны, сперва небольшие, но они крупнели с каждым очередным набегом на берег, пока не слились в че-

реду водяных гигантов. Выгнувшись, волны с грохотом одна за другой обрушивались на остров. Да так, что нам с Лорсом пришлось броситься врассыпную, укрывшись за валунами, чтобы не оказаться смытыми. Вмешиваться магией ни он, ни я не рискнули. Океан и так был недоволен, это чувствовалось в концентрированной солености брызг, в гудении дна, в рваном треске ветра.

Но вот, последняя из сокрушительного каскада волн отступила, утянув с собой в океан значительную часть песка с прибрежной части острова, и в оранжево-красном ореоле закатного солнца на поверхность вместе с фейерверком брызг вырвался саркофаг. Следом из воды поднялся отец, окутанный перламутрово-сиреневым сиянием. Король постепенно поплыл над водой, погрузив каменный короб внутрь водяного шара, которым управлял одной рукой. Надо сказать, управлял крайне паршиво, потому что шар, крутясь волчком, на всех порах мчался к нам.

Я уже начала прорабатывать экстренный план, взволнованно размышляя, как так словить усыпальницу и при этом не обрушить остров на дно, но продемонстрировать ловкость и упражняться в выживаемости к великому облегчению не пришлось.

Едва гробница достигла берега, как вода шумными потоками схлынула вниз, и сооружение рухнуло на песок с такой силой, что пробило неглубокую яму. От толчка я пошатнулась и повалилась бы на колени, если бы не была вовремя

подхвачена Лорсом.

– Мог бы и поаккуратней, – проворчала я, отряхиваясь от комков мокрого песка, адресуя свою претензию к отцу.

Король с видом победителя достиг острова, легко сошел на песок и самодовольно поглядел на меня, ожидая похвалы.

Но я сходу срезала все его надежды:

– Аплодисментов не дождешься.

Папуля сердито поморщился, сверкнув белоснежными клыками.

– Что теперь? – вопросительно перевела я взгляд на Лорса, который старался стоять ко мне боком и не демонстрировать то, что не могли прикрыть распущенные и уже успевшие высохнуть локоны. Папуля таким пониманием не отличался, ничего не стеснялся, а стоял гордо, широко расставив ноги и уткнув руки в бедра.

– Я думал, ты мне расскажешь, – самодовольно хмыкнул отец, прекрасно понимая мои чувства, но не желая их учитывать. – Это ведь ты всё затеяла.

– Да, я затеяла спасение своей подруги, – не сдержалась и огрызнулась. – Но для этого нужно сперва достать тело из этого каменного ящика!

– Доставай, – щедро разрешил отец.

– Я? – от возмущения аж подпрыгнула на месте.

– Ну, не я же! – округлил глаза король.

– И как мне это сделать? – продолжила я пререкаться. – Я не умею каменные гробницы разбивать!

– Это сделаю я, – прервал наш спор Лорс, поправляя португую. – Отойдите, Ваше Величество. Ваше Высочество, встаньте за моей спиной.

Я послушно заняла обозначенную позицию, спрятавшись за его широкими плечами.

Лорс вынул длинный тонкий клинок из ножен, приблизился к каменному ящику, на мгновение будто бы задумался, а после... молниеносно занес руку и вонзил клинок в каменную крышку по самую рукоять.

Несколько секунд ничего не происходило, а после от того места, где зачарованный меч пронзил такой же зачарованный камень начали разбегаться трещины. Разломы расползались подобно червякам. Неведомая сила разрушала гробницу. От больших трещин моментально разлетались изломанные лучи поменьше, а от тех – еще меньше. Всё это сопровождалось таким хрустом, словно кто-то валил деревья, одновременно топчась по сухим веткам.

Когда звук прекратился и трещины остановились, больше не расползаясь, достигнув каждого из четырех углов, повисла тишина. Некоторое время, показавшееся вечностью ничего не происходило, а после вниз посыпались обломки. Сначала несколько, потом их становилось всё больше и больше, пока процесс разрушения гробницы не превратился в громоподобный обвал!

Помахав ладонью перед лицом, разгоняя оседающую пыль, я дождалась, когда упадет последний камешек, а после

медленно обошла Лорса по дуге.

Страж неуязвимой горой остался стоять на месте, закрывая меня от возможной опасности. Ни один камень не задел ни его, ни меня, лишь серый налет припорошил идеальную бледную кожу.

Заглянув за образовавшиеся каменные холмы я увидела её.

Она выглядела так, будто спала.

И вот-вот должна была проснуться...

Узкие длинные ладони были сложены на груди друг на друга. Черные с серебряным отливом волосы, кажущиеся бесконечными, рассыпались вокруг, подобно драгоценному покрывалу. Тело расслабленно вытянулось. Бледно-розовое платье из тонкой ткани красиво оттеняло смуглую кожу, каким-то чудесным образом сохранив свежий и чистый вид. Казалось, будто наряд пошили буквально вчера, готовя первую и единственно настоящую супругу короля к очередному торжественному приему.

– Надо переправить её домой, – распорядилась я, проглотив ком, подкативший к горлу. – В смысле, туда, где я живу.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас? – вспыхнул папуля. – Сказала бы сразу, я не тащил бы саркофаг сюда!

– Мне нужно было убедиться, что здесь действительно она, – на отцовскую гневливость я ответила спокойствием. Поправила рыболовную сеть на своей талии и направилась к воде. Стоя по щиколотки в океане, я недовольно поинтере-

совалась: – Надеюсь, ты доставишь нас обратно?

Вода медленно отступила, будто океан глубоко вздохнул, а после сформировался водяной выступ, который полетел к берегу, но не обрушил всю свою мощь, пытаясь подчинить, а аккуратно подхватил тело мамы, вынув из остатков разрушенной усыпальницы, закрутил внутрь себя, будто в кокон, и утянул королеву обратно в воду.

Мы с Лорсом переглянулись, свистом подозвали к себе морских демонов и погрузились в воду. Необходимо было достигнуть определенной глубины, чтобы отец вновь смог перебросить нас воронкой тем же путем обратно. На самом деле, любой водоем, даже пресный, был для меня родным. Но там, в подводном городе, меня ждали Фло со своей семьей, Терра, Мирелла. Получается, важно не само место, а те, кто в нем остался. Те, кто продолжают ждать, даже, когда не понимают, куда ты ушел и зачем. Наверное, это и является самой главной ценностью. Мой взгляд невольно метнулся к Лорсу, плывущему впереди. Почему-то подумалось, что он лучше всех понимает мои мысли.

Я пронаблюдала, как тело мамы исчезает в воронке, как ныряет в омут с головой Лорс, а после расслабилась, позволив магии отца подхватить и меня. Сам король остался позади, чтобы войти в водоворот последним.

Вынырнули мы точно у врат, которые в момент нашего появления начали распахиваться. Король взмахом руки уже направил тело мамы к ним, но я остановила:

– Отнеси её на сушу.

Отец замешкался.

– Ты должна знать, что как только тело твоей матери окажется на поверхности, Нуатль почувствует это. Не знаю, каким образом, но между ними существует связь. Об этом мне рассказала мать Шетти, твоя бабка. Может быть, связь была выстроена между этими двумя старыми сцепившимися кикиморами еще в доисторические времена, и передается по наследству от матери к дочери, я не знаю. Но именно Табити убедила меня спрятать тело как можно глубже, так, чтобы никто не добрался.

– Мне это известно, – спокойно отреагировала я. – Связь существует, и именно на неё я и рассчитываю.

– То есть, ты знаешь, что делаешь? – засомневался отец.

– Конечно, – подтвердила я.

Король помолчал, а после шевельнул запястьем и тело поплыло наверх.

– Спасибо, – скупно поблагодарила я.

Таллас ничего не ответил, лишь кивнул главе стражи и направил своего дьявола к воротам.

Когда отец был почти у самого входа, я окликнула его.

– Ты до сих пор не оставил надежды на появление сына. Настолько, что теперь пробуешь даже человеческих женщин... в качестве кандидаток на пост матери наследника.

– Да, я хочу сына, – легко подтвердил король, не поворачиваясь ко мне лицом.

– А как же... как же я? – вопрос был слишком болезненным и задать его равнодушно не получилось.

– Ты, – отец на короткий срок задумался, будто прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. – Ты – моя надежда. Сын – это наследник рода, его продолжатель, символ установления и поддержания власти. А дочь – это душа. Это идеал. Это женщина, которую отец приводит в этот мир, которую воспитывает так, как считает нужным и которая всегда будет принадлежать только ему. Говоря «моя дочь» я в первую очередь произношу «моя». Ты будешь моей даже тогда, когда выйдешь замуж и станешь принадлежать другому мужчине. Даже, когда будешь любить его и делить с ним постель. Неважно, кто будет рядом с тобой потом. Главным мужчиной в твоей жизни всегда буду я.

Эти слова отца были самым честным и искренним, что я когда-либо слышала от него.

Поняв, что мне нечего, пока нечего, ответить на его откровенность, отец коротко улыбнулся и сказал:

– Иди, дитя моё, и делай то, на что решилась.

Когда до поверхности оставалось несколько метров, и я уже видела россыпь звезд сквозь толщу воды, сзади послышался задорный свист и мимо промчался подводный детский сад, организованный в рамках одной дельфиньей семьи.

Вскорости и сама Фло появилась рядом, покосившись на меня умными глазами.

– Не переживай, – сказала ей я. – У меня всё под контролем.

Вынырнув, с наслаждением набрала полные легкие свежего воздуха, позволяя волне поддержать меня и подбросить над водной гладью. С плеском упав обратно, я радостно рассмеялась, убирая с лица пряди мокрых волос.

– Мы обязательно еще поиграем, – пообещала я, ловя рукой волну, которая разгладилась, чтобы с волнением воспрянуть вновь.

Мамино тело плавало на поверхности. Несмотря на трудное путешествие, она по-прежнему была до невозможности прекрасной. Одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять, в кого я уродилась внешностью.

Ага, в папу.

Отдав воде мысленный приказ отнести тело мамы на сушу, я погребла следом, периодически осматривая берег на предмет возможных свидетелей. Не хотелось бы появиться в утреннем выпуске новостей и прославиться на весь город как девица, которая рано по утру волочила из воды бесчувственное тело неизвестной женщины предположительно мертвой.

Ступив на песок, я быстро подобрала брошенную одежду и споро натянула вещи на мокрое тело. Основные трудности начались, когда попыталась поднять маму, чтобы отнести её подальше от воды, к другому концу набережной. Родительница оказалась хоть и очень хрупкой, но слишком тяжелой для меня, не тренировавшейся таскать тяжести.

– Надо было не бегать, а со штангой приседать, – отдуваясь, пробормотала я после очередной попытки сделать хотя бы пару шагов вместе с ношей. – Да, в такие моменты Нисы очень не хватает.

– Зато у тебя есть я, – с ленивой насмешкой протянули за спиной.

Выпрямившись, я медленно повернула голову.

Глава 31

Гриша стоял, скрестив руки на груди и привалившись плечом к одному из четырех деревянных столбов, на которых держался такой же деревянный навес. Навес предназначался для отдыхающих, где они могли расставить шезлонги и не жариться на палящем солнце, выпрашивая у судьбы меланому.

Легкие модные брюки, тонкая футболка, отдохнувшее лицо, небрежно уложенные волосы и бодрая улыбка – оборотень выглядел так, будто собирался в круиз.

– Заблудился? – ласково поинтересовалась я.

– Не совсем, – он оттолкнулся и пошел мне на встречу, шагая размеренно и не торопливо. – Ты ведь знала, что я приду. Так, к чему делать вид, будто не рада мне?

– Если ты не принес то, что мне нужно, то я действительно буду тебе не рада, – пообещала с улыбкой и с угрозой. – Так, как? Есть, чем похвастаться?

Гриша сунул руку в карман, вытащил обратно и раскрыл кулак, поднеся его к моему лицу. На ладони лежал серый, ничем не примечательный камень неправильной формы с крохотной дырочкой точно по середине. Куриный бог – так люди называли подобные камни, которые на местных пляжах далеко не редкость. Считалось, что куриный камень способен отгонять зло...

Вот только тот, который лежал на ладони Гриши был совершенно особенным, такого больше не найти и не сделать.

– Ты этого хотела? – с самодовольной улыбкой поинтересовался волк, хотя прекрасно знал ответ.

– Да, – выдохнула я, аккуратно забирая камень, касаясь руки, пахнущей мужским лосьоном после бритья.

Вожак оборотней приблизился совсем близко и положил руку мне на талию, притягивая рывком к себе. Я не стала сопротивляться, подняв лицо ему навстречу. Он склонился и в приоткрывшиеся для поцелуя губы прошептал:

– Я заслужил твоё доверие?

– Отчасти, – уклончиво ответила я. – Макс ничего не заметил, когда ты забирал у него камень Маф-Дет?

Именно из-за этого камня тетушка так и не смогла улететь. Не нужно было ей выдавать все свои тщательно хранимые тайны по телефону. Уверена, даже в аэропорту у Макса имелись свои люди, которые не дали «ведьме» покинуть город.

– Даже если и заметил, какая теперь разница? – с безразличием поинтересовался Гриша, продолжая жадно рассматривать мои губы.

– Ты всё еще связан с ним клятвой крови, – напомнила я. – Если начнется война, ты будешь первым, кого он призовет в своё войско.

– Думаешь? – приподнял бровь Гриша. – А если не начнется?

– В таком случае, всем нам очень сильно повезет, – хмыкнула я. – Совет уже здесь.

– В курсе. Мои волки учуяли их присутствие, – кивнул Гриша. – Старики хотят твою голову на блюде с запеченным яблочком в зубах.

– Где они сейчас? – оживилась я.

– Не знаю, но знаю, где были до этого. Вернее, некоторые из них, – и на мой немой вопрос, который я выразила глазами, ответил: – В «Шанхае». Пытались договориться с Максом, чтобы в случае чего он не вмешивался. Уж не знаю, за что они тебя так возненавидели, но старики готовы в любой момент отдать приказ корволанту притащить тебя в суд, где будут судить, приговорят и казнят, – оборотень внимательно следил за моей реакцией. Паршивый из парня получился аналог ИТАР-ТАСС, потому что его новости протухли лет двадцать назад. – Единственное, с чем так и не смогли определиться члены Совета, так это с обвинением. А еще они не достигли согласия в отношении самого Макса. Одни боятся того, кем он может стать, другие не хотят расставаться с деньгами, которые получают, закрывая глаза на то, что он творит в городе.

Я некоторое время размышляла, потом оттолкнула Гришу от себя и потребовала:

– Телефон с собой?

Гриша вынул устройство и передал мне, я быстро набрала номер и стала слушать гудки. Слушала недолго, но даже за

этот короткий срок успела здорово разнервничаться.

– Да, – наконец, прозвучало на том конце.

– Прыгай в такси и кати на юго-западный пляж, туда, где раньше был детский лагерь, – указала направление я. – И захвати с собой бутылку, которую я оставила на твоём столе.

– А бутылка зачем? – задала самый бестолковый вопрос муза.

– Пить хочу! – рявкнула я в ответ и отключилась.

– Так, это она и есть? – Гриша решил обратить внимание на тело, которое лежало ногами к морю, головой к нам. С подолом насквозь мокрого и липнущего к коже платья ребячливо играли тихие волны, размеренно набегая и отступая. – Королева?

– Моя мать, – поправила его я.

– Вы не похожи, – решил поделиться наблюдениями Гриша. И пока он разглагольствовал, я написала сообщение, которое отправила на вызубренный наизусть номер: «Они были в Шанхае, попробуй взять след оттуда». Быстро подчистила следы и только тогда вернула телефон владельцу.

– Кому писала? – спросил он, перестав улыбаться. Я вспомнила, что парень был умнее, чем предпочитал казаться, а наблюдательность являлась частью его непростой профессии.

– Подруге, – размыто ответила я, наклоняясь, чтобы поправить на маме платье, задранное шкодливой стихией.

– У тебя только две подруги, – похвастался оборотень сво-

ими навыками счета. – И одна из них сейчас одержима тенью древней и крайней кровожадной жрицы. А со второй ты только что разговаривала. Так, значит есть еще четвертая? Четвертая участница вашей самоубийственной квадриги? Кстати, когда в следующий раз захочешь передать мне какую-то информацию будь чуть более конкретной. Пространные заявления вроде «не подходи в ближайшее время к воде» меня не устраивают. А так как ломать голову над всякой ерундой у меня нет ни времени, ни желания, пришлось вломиться в твою квартиру.

Мне всё стало понятно по его тону.

– Блин!

– Да брось! – отмахнулся оборотень. – Ты ведь знала, что именно так я и сделаю! Иначе не оставила бы свой дневник с откровениями и указанием, где находится камень, на самом видном месте. Кстати, – интимно прошептал он, вновь подступая ближе. – Мне понравилось, как ты описала меня после нашей первой встречи: «Его рукопожатие было идеальным – уверенным и крепким, но не слишком сильным, без никому не нужной демонстрации силы. Рука была теплой, мягкой и сухой. И что самое главное – его не смутило, что женщина протянула руку первой».

– Рада, что мне удалось тебя впечатлить, но не рада, что придется опять чинить дверь, – отвернулась, вздохнула печально, пригрозила пальцем окончательно расшалившейся воде, развернулась обратно, чтобы потребовать от Гриши

принять участие в ремонте... и так и осталась стоять с раскрытым ртом.

Потому что напротив, на другом конце набережной стояла... Ниса.

Она изменилась.

Раньше подружка чуть сутулилась, что являлось результатом длительных занятий рукопашным боем. Теперь же она стояла ровно и гордо. В глазах не было привычной дурашливости, вместо неё горела свирепость и неистовость. Лицо ужесточилось и стало более угловатым, а вот движения наоборот обрели мягкость, текучесть.

Зло ухмыльнувшись, Ниса двинулась в нашу сторону.

Она шла, а казалось, будто танцевала некий ритуальный танец, лет которому было больше, чем я могла себе представить. Я смотрела на неё и словно заглядывала в древние времена, слыша перестук барабанов, напевное бормотание шаманов и завывания погруженной в экстаз толпы.

– Здравствуй, потомок царицы царей.

Я махнула рукой, отдавая приказ морю. Волна поднялась, нахлынула на маму с головой и утянула в воду.

– Привет, – отделалась я коротким приветствием, не углубляясь в подробности, потому как не знала родословную Нуатль и знать не желала. Лишняя информация. – Ты изменилась. Не сильно. Чуть-чуть.

– Твоей подружки здесь нет, – прервала моё невнятное бормотание Ниса таким повелительным тоном, до которого

мне еще расти и расти. Вот уж кто королева без короны, так это она. А я принцесса... и тоже без короны. – Сегодня я вместо неё. У тебя есть кое-что, что хочу я.

Глаза Нисы, обычно голубые, затянуло белесой пленкой, и она рванула ко мне.

Дальше произошло подряд сразу несколько вещей.

Гриша толкнул меня в грудь, отбрасывая одной рукой подальше, а другой принимая удар ураганом налетевшей на нас Нисы.

Я упала спиной назад, сразу же подхватила и встала, чуть припадая на ушибленную левую ногу.

На дороге, которая вела к пляжу, затормозило такси. Из машины вылетела Фируса. Остановившись, муза большими глазами уставилась на дерущихся оборотня и банши, но ожила, заслышав за своей спиной визг тормозов. Это водитель, завидевший драку, решил споро убраться подальше.

Я со всех ног бросилась к музе. К трепетному randevу хотела было присоединиться и Ниса, но подсечка Гриши свалила одержимую банши с ног. Лежать охваченная злом подруга долго не собиралась, а потому рывком вскочила и вновь ринулась в атаку. Кем бы она ни была, Нисой или Ну-атль, ловко использующей боевые навыки захваченного тела, дралась она остервенело, будто машина, почти не обращая внимания на ответные удары Гриши, которые были такими, что обычного человека уже переломило бы пополам. Оборотень был достаточно силен, чтобы удерживать её внимание

на себе, но вот до победы было далеко. Медленно, но верно он отступал под натиском древнего зла.

И я прекрасно понимала, почему так происходило и даже была благодарна за проявленное благородство. В отличие от Нуатль, не жалевшей тело в которое она влезла, словно в костюм, Гриша все-таки не хотел убивать Нису, а потому сдерживался. Но долго так продолжаться не могло. Рано или поздно оборотню придется выбрать – или он сам, или Ниса. И я знала, что к самопожертвованиям вожак не склонен, а потому мне следовало поспешить.

– Давай! – закричала я, отбирая у музы бутылку.

Споро открутив крышку, я перевернула бутылку и подставила руку под струю воды, ощутив, как на ладонь упало что-то небольшое и твердое. Как только поток жидкости иссяк, проявились камни. Два камня. Тот, который был у меня всегда, сколько я себя помнила, и тот, который был закопан в землю недалеко от фазенды Князя.

– Ух, ты! – выдохнула муза. А после мы как по команде подняли головы на дерущихся.

Нуатль уже почти загнала Гришу в море, скорее всего, пытаясь добраться до мамы и по пути заодно притопить назойливого мохнатого.

– Камни, невидимые в воде? – поняла Фируса.

– Да, амулеты так заколдованы, – кивнула я, добавляя к двум другим врученный Гришей камень, принадлежавший Морин, она же Маф-Дет. Три камня от каждой из трех се-

стер.

Как только я сжала их вместе, они притянулись друг к другу, подобно магнитам, образуя треугольник. Триада – один из самых мощных символов в магии, позволяющий концентрировать энергию.

Ощущая, как сочленение камней, зажатое в моих пальцах утончается, вытягивается и заостряется, я повернулась к сражающейся парочке.

Гриша, стоял по колено в воде, перехватил обе руки Нисы и в данный момент пытался завести их ей за спину. Та с таким положением дел был категорически не согласна и изо всех сил рвалась обратно, намереваясь освободиться.

– Нуатль! – крикнула я. – Стой!

Ниса замерла, остановив драку и начала медленно открывать рот. Я знала, что она хотела сделать. Использовать силу банши.

Сорвавшись с места, я побежала к ней, мысленно приказывая морю вернуть тело мамы обратно. Стихия с готовностью подчинилась: зашумела, заволновалась и вынесла на песок королеву, в чьих прекрасных волосах успели запутаться водоросли, а на груди лежала маленькая прозрачная медуза, совсем безобидная, похожая на желе.

– Тебе нужна она, – притормаживая, кивнула я на маму, сильнее стискивая камень, чтобы его острые края вонзились в кожу и пролилась кровь. Моя кровь. – Хочешь её? Я помогу.

– Зачем тебе это? – низким, скрежещущим голосом, в котором не было ничего от Нисы, как и в полностью белых глазах, спросила тень.

– Когда я разбила зеркало, то думала, что ты заберешь меня, – тяжело выдохнула я. – А вместо этого ты выбрала мою подругу. Ты вернулась отомстить, но чтобы ты не выбрала, твоя месть свершится при любом из вариантов. Верни мне Нису и забирай то, что осталось от дочери твоего врага.

Тень задумалась.

– Так просто?

– Меняю одну на другую, – попыталась убедить её я.

– Ладно, деточка, – не без удовольствия протянула Нуатль с премерзкой ухмылочкой, которую так и хотелось стереть, желательно, топором. – Но после того, как я займу это тело, твоя мамочка погибнет. Окончательно и бесповоротно. Готова к этому?

– Для меня она умерла давным-давно, – во что бы то ни стало требовалось убедить тень перейти в тело мамы. – А Ниса жива. Пока еще жива. Ведь так?

– Пока, да, – мелкими рывками, будто бы через силу, кивнула тень, и я поняла, что это душа Нисы пыталась вернуть себе обратно контроль над телом. – Но что мне мешает перебить вас всех, когда я натяну на себя новую оболочку?

– Ничего, – развела я руками. – Но затевать новую драку тебе будет некогда. Как только вселишься, советую поспешить обратиться отсюда. Потому что мой отец уже знает о по-

хищении тела своей жены. И, сейчас, пока мы болтаем, на всех порах мчится сюда. Хочешь встретиться с Талласом? Мне он ничего не сделает, а вот с тобой церемонится не станет. Уверена, что справишься с богом, сидя в только-только добытом теле?

Тень скрипнула зубами. Я видела, она колебалась. Пыталась углядеть подвох, но я приложила огромное количество сил, чтобы подкопаться было не к чему, чтобы многие события произошли вроде как спонтанно. Да, часто я полагалась на удачу, на случай, на предсказуемость людей, но именно это должно было стать моим ключом к успеху.

– Договорились, – наконец, в сопровождении жуткого гортанного стрекота прорычала тень.

Я подала Грише знак. Он с облегчением выдохнул, отпустил руки Нисы и, пошатываясь, отступил.

Ниса отерла кровь из разбитой губы, и пошла прочь от воды. Зайдя под навес, она отдала нам приказ:

– Несите тело сюда.

Я повела бровью, указывая Грише на очевидность того факта, что сегодня именно он будет главной тягловой силой.

Вожак волков удрученно качнул головой, явно не обрадованный, что после нелегкой схватки ему придется еще и кого-то носить, но не нам же с музой это делать. Если я еще хотя бы могла попытаться, то Руся загнется при первой же попытке поднять королеву.

Когда маму положили на песок рядом с тенью, та хищно

улыбнулась и аж вся затряслась от нетерпения.

Присев на колени, она прикоснулась к маме. К той её части, где должно было биться сердце.

Должно было. Но не билось.

Потому что мою маму у меня забрали.

Прошое изменить нельзя, только принять. А вот будущее изменить можно.

Глава 32

Когда сгустки черноты полезли изо рта, ушей, носа и глаз банши меня замутило от отвращения. А когда вся эта болотно-слизкая гадость начала пробираться в тело мамы я с трудом смогла остаться стоять.

Тело Нисы забилося в спазмах, глаза закатались, но веки мамы еще не открылись. Тень была в процессе переселения, а это значило, что время пришло.

Нерешительно сделав первый шаг, я отвесила себе самой мысленную пощечину и остальные три промчалась со всей возможной скоростью, налетая на Нису с треугольным камнем на изготовку.

Вложив всю свою силу и всю свою ненависть в удар, я воткнула острие камня прямоком в грудь той, которую десять лет называла лучшей подругой. Прорезав кожу и прорвав мышцы, камень проломил ребра и вонзился во что-то мягкое, что по вибрации, которая стала откликом камня на внутренние сокращения, являлось сердцем.

Кто-то закричал.

Закричал так пронзительно, как лезвием резанув по ушам.

Я непроизвольно сжалась в комок, пытаюсь минимизировать ущерб, пытаюсь спрятаться от крика, но камень не выпустила и хватку не ослабила. Наоборот, толкнувшись впе-

ред, я вдавила камень еще глубже в тело Нисы, в её сердце...

А оно, несмотря на повреждения, всё еще билось. Но каждый следующий удар был слабее предыдущего. Сердце боролось и своей борьбой напоминало раненного воробья, пытающегося вспорхнуть, но его крылья больше не могли летать. И так до тех пор, пока последний, будто бы прощальный удар не свел тело банши судорогой, после чего она обмякла.

Чернота, протянувшаяся между Нисой и мамой, но так и не успевшая полностью выкарабкаться из банши, завизжала. Она царапалась, дергалась, рвалась изо всех сил, однако словно застряла в том месте, в котором её остановил камень – наполовину в одном теле, наполовину в другом.

Так продолжалось недолго. Силы уходили из меня и это было правильно. Камень выступал проводником, проводником между жизнью и смертью, заставляя выбирать жизнь. Но выбирала сейчас не я, потому что свой выбор сделала давно. И нужно было просто завершить начатое, сделать всё правильно. Спасти не одну душу, а несколько. На самом деле, я хотела спасти стольких, скольких могла.

Заверешав еще громче и выдав практически ультразвук, тень растворилась в воздухе, оставив после себя лишь черный дымок, будто свеча накопила.

А после исчез и он.

Послышался глубокий шумный вздох. Воздух с протяжным сухим свистом ворвался в легкие, которые много лет не дышали.

Мама распахнула глаза.

Несколько долгих мгновений она лежала, бессмысленно глядя перед собой, будто бы прислушиваясь к миру вокруг и к своим внутренним ощущениям.

– Ну, ни черта себе! – выдал Гриша, разрушив хрупкий момент тишины, повисший тонкой нитью между почти случившейся трагедией и наступившим спасением.

Я со стоном повалилась на тело Нисы, позволив мышцам расслабиться. Мелко-мелко тряслись руки, ноги, внутренности и, кажется, даже мозг.

– Черти не имеют к этому никакого отношения, – мне стало смешно. – А вот я – да.

Кое-как подползла к маме.

И когда она повернула ко мне голову, поприветствовала её с улыбкой:

– Добро пожаловать домой, Ваше Величество.

На красивом лице отразилась растерянность. Столько непонимания было в её взгляде.

Она даже не знала, кто я.

– Что случилось? – сипло спросила королева, двигаясь так, словно не чувствовала собственных рук и ног.

Я помогла ей сесть, поддерживая за плечи, хотя сама с трудом шевелилась.

– Жрица погибла, – ограничилась кратким объяснением, понимая, что длинные монологи она сейчас просто не сможет осознать. – Теперь ты свободна, мама. Я вернула тебя, –

горячие слезы заполнили глаза, горло жгло и трудно было дышать. – Я тебя вернула...

Великое зло. И великое добро. Кажется, мне удалось совершить и то, и другое.

Королева подняла светлый, чистый взгляд, оглядела стоящих рядом оборотня и музу, сущность которых разглядела сразу же, а после повернулась ко мне.

– Вы..., – нерешительно начала она голосом, в котором мне слышался перезвон золотых колокольчиков, завывание летящего над барханами жаркого ветра и шелест пробегающего сквозь пальцы шелка. – Вы моя дочь?

***

С замиранием сердца я слушала тоскливую трель флейты, которая неслась над нами, собравшимся в поселении клана банши. Под ногами – утоптанная многими поколениями воинов плотная черная земля, над нами – замкнутое, затянутое размыто-серыми облаками небо, которое будто бы никак не могло определиться, хочет ли оно излиться дождем или нет.

Рядом со мной стояли банши из клана Нисы. Взрослые крепкие мужчины с мозолистыми грубыми руками и обветренными лицами. Под стать им были коротко стриженные женщины, чья готовность в любой момент встать под ружье читалась в уверенных позах с по-военному заложенными за спину руками.

Еще тут были мальчишки и девчонки, с чьих забавных мордашек жизнь пока не успела стереть остатки детства, но

они уже ощущали себя членами своего пусть небольшого, но древнего сообщества, как ощущали и всю тяжесть происходящего.

В самых задних рядах стояли те, кто приближался к закату своей жизни – седовласые мужчины и женщины с глубокими морщинами и понимающими глазами. Они составляли лишь малую горстку от всего клана, потому как банши в принципе редко доживали до старости. Но вокруг них будто витала та огромная мудрость, что накопилась за столетия бытия. Как и все, они были одеты в траурные белые одежды и каждый держал в руке по ярко-алому цветку паучьей лилии, символу невосполнимой потери.

Мы молча стояли на площади для собраний, куда жители поселения сходились для обсуждения значимых решений, проведения прямых голосований, заключения брачных союзов и... прощания с погибшими.

Вокруг нас кольцом высились одноэтажные деревянные постройки, окна в каждом из домов были закрыты белой тканью.

Все присутствующие смотрели в одну точку, туда, где на сложенных дровах, которые должны были вот-вот поджечь, лежало обернутое в белый саван тело.

Легкий, воздушный, пронизывающий насквозь звук струился над нами, будто бы порхая с места на место и напоминая пение печальных птиц, оплакивающих потерю. Музыка была изумительной, волшебной, необычайно чистой и ясной,

прозрачной, будто затерянный среди гор источник. Не зря флейту часто наделяли мистическими свойствами. Слушая её, душа разрывалась, а слезы сами собой текли без остановки, орошая цветок лилии, который я прижимала к груди.

Я чувствовала себя изможденной. Будто бы все, что было внутри вынули, а то, что осталось отправили на похороны. И вот такой пустой и бесконечно утомленной я пришла, чтобы попрощаться с Нисой.

Когда флейта доиграла, её отец, Изельт, или просто дядя Изя, как я его звала, взял из рук старшего сына подожженное с другого конца поленце и поднес к погребальному костру, позволяя огню перебежать на залитые бензином бревна. Колотая древесина с трескающим шипением вспыхнула и прожорливое пламя начало разгораться. Вскоре огонь поглотил и тело, с головы до ног плотно обмотанное в ткань и напоминающее древнеегипетскую мумию.

В абсолютном молчаливом единении мы наблюдали за тем, как уничтожалось то последнее, что осталось от Нисы – дочери, сестры, подруги.

Никто не всхлипывал, никто не кидался грудью на костер, никто не голосил и не вопрошал небеса «за что?». Даже отец Нисы, суровый вояка, по шрамам на лице и теле которого можно было изучать историю сражений, стоял ровно и достойно, смело глядя на огонь и провожая в последний путь последнюю женщину в своей семье.

Хотя, может быть он догадывался?

Догадывался, что еще однажды увидит её?

Когда костер догорел, а это произошло быстро, мы по очереди потянулись к обгоревшим головешкам, усеянным пеплом, укладывая поверх них красные цветы и создавая подобие мемориала. Я знала, что остатки кострища, усыпанные лилиями, простоят несколько дней, а потом их засеют земли, и Ниса останется в кругу своего клана навсегда.

Такие традиции.

Когда последний цветок был возложен, народ начал расходиться по своим деревянным домам, чтобы каждый в одиночестве мог подумать о ней и вспомнить то лучшее, что знал и помнил.

Я же попрощалась с дядей Изей, который напоследок очень крепко обнял меня и попросил:

– Береги себя.

Я пообещала, что беречь буду и направилась к выходу с владений клана, которые были обнесены высоким бревенчатым забором. Место находилось за городом, и многие жители из соседних поселков считали, что здесь обитала некая секта язычников. И старались объезжать их стороной.

Меня уже ждал черный джип с тонированными стеклами. Я подхватила подол длинного белого платья, села на переднее сидение, мотор завелся, мы развернулись и поехали прочь.

– Как всё прошло? – спросила девушка за рулем.

– Так, как и должно было, – скупой ответила я, роясь в су-

мочке.

– Они поверили? – задала новый вопрос моя водительница. – Поверили, что похоронили банши?

– Поверили, – проронила я, вздохнула и все-таки смогла её похвалить: – Ты молодец. И всё сделала так, как должна была.

Чума хитро улыбнулась.

Но ликующая улыбка быстро потускнела.

– Изначально план был другим.

– Знаю, – с грустью согласилась я. Мне действительно было жаль. Тень должна была остановить свой выбор на мне, а вместо этого под раздачу попали другие. – Я приняла единственно верное решение в той ситуации. Надеюсь, ты это понимаешь. Если бы тебя не было там, в овраге, если бы ты не страховала меня, неизвестно, чем бы всё закончилось. И закончилось ли... Я сделаю всё, чтобы ты забыла об этой твари. Её в тебе больше нет. Это главное.

– Ты не должна объяснять и оправдываться, – помолчав, проговорила Чума. – Ты вообще никому и ничего не должна. Я знаю, если ты что-то делаешь, значит, так надо. Значит, другого выбора либо нет, либо конкретно этот самый оптимальный при долгосрочном планировании.

– Как бы там ни было... мы справились, – кивнула я, признавая собственную победу.

– Но, – красивое лицо омрачилось. – Фируса всё знала с самого начала, но Гришу ты не собиралась предупреждать.

Но, думаю, он об всём догадался. Рано или поздно волк потребует объяснений.

– И я их ему дам, – сухо отрезала я, потому что сама пока не понимала до конца, как мне разобраться с вожакom вервольфов.

Она уловила моё настроение и не стала углубляться в тему.

– Я хотела тебе сказать, что удар был отличным! – напоследок похвалила меня моя напарница.

– Я старалась, – хмыкнула я, оставляя сумочку в покое.

– Как хорошо, что камень не способен убить никого, кроме Нуатль! И как хорошо, что притвориться твоей подругой оказалось не так уж и трудно, – её глаза заблестели ярче самых дорогих бриллиантов.

– Моя бабушка бы тобой гордилась. Ты следуешь кодексу во всем. И это только начало великого пути.

Розабель счастливо рассмеялась, вжимая туфелькой педаль газа в пол.

Наблюдая за ней, я тоже не могла не улыбнуться. И вспомнила слова, которые долгое время хотела сказать Яну.

Но так и не сказала.

Я хотела сделать ему больно, забрав ту, которую он любил. Я желала убить эту молодую женщину, вырезать её сердце и швырнуть окровавленный кусок Князю в лицо со словами: «Ты потерял её навсегда». Но вместо этого я отдала ей своё бессмертие и силы своего рода.

Я сделала то, что хотела – я забрала её у него, но не в могилу, а в новую жизнь.

Почему я так сделала?

Просто... в какой-то момент я увидела в ней себя. Она умирала в замке вампира также, как когда-то умирала я в своём дворце. И обе мы умирали, потому что нас не любили. А мы мечтали о любви!

Так, с моей помощью, Князь лишился своей Бель. Его Бель больше не существовало, и он проживет следующие сотни лет своей долгой вампирской жизни, пытаясь примириться с этой мыслью

Но я не собиралась поступать с ней так же, как поступил он. Я хотела быть лучше. Мне нужно было верить, что я – лучше, что я не превратилась в окончательное зло, что моя ядовитая ненависть была и остается, но я могу с ней бороться.

– Ты так странно смотришь на меня, – проговорила она с тихой улыбкой.

– Странно – это как? – уточнила я.

– Как будто, – она сама удивилась тому, что заметила, – как будто хочешь извиниться. Что ты задумала, Ди?

Я не успела ответить.

Из-за поворота на нас вылетел грузовик.

Завизжали тормоза, заскрежетал металл, затрещало стекло, верх и низ поменялись местами.

Машина, сделав кувырок, юркнула куда-то вниз и,

прежде, чем удариться виском о что-то твердое, я успела подумать: «Надо было сказать ей... Надо было сказать, что я спасла её – для него. Потому что он любил её, а я любила его. А теперь, кажется, уже поздно...».

Глава 33

Три года назад. Вторая неделя сентября, суббота.

– Я не пойду на бал, – заявил Ян утром во вторник во время завтрака.

Служанка Карла, прислуживавшая им во время трапезы, вернулась с высоким прозрачным графином, наполненным густой темно-красной жидкостью. Аккуратно, стараясь не расплескать, она поставила его в центр стола, который был застелен плотной бордовой скатертью.

Бордовое на бордовом.

– Почему? – удивленно вскинула брови его мать, легким взмахом руки давая знать Карле, что она может идти.

– Потому что я ненавижу балы. Ненавижу тех, кто их организывает и тех, кто в них участвует. Сам в них участвовать я тоже ненавижу, – начал перечислять Ян, не отрывая взгляда от утренней газеты.

Ему нравилось читать газеты по утрам. Нравился тихое шуршание страниц, нравился их древесно-сладковатый запах, нравился некий привкус ностальгии по тем, давно ушедшим временам, когда утреннее чтение прессы было неотъемлемой частью повседневности. – А ещё я ненавижу лживые улыбки, лицемерие и вопросы. Всё это – пустая трата времени. Моего времени!

– Ты невыносим, – опечаленно вздохнула мадам Ясмин,

прикладывая длинные тонкие пальцы к вискам.

Она была старой, даже по меркам вампиров, и в истинно вампирском стиле презирала почти всё и всех.

Кроме двух вещей: своей семьи и традиций.

Несмотря на прожитые годы и отвратительный характер, она была и оставалась красивой женщиной, на лице которой и под лупой не углядеть почти тысячелетний опыт.

Высокая, с тонкой талией и узкими плечами, с копной густых, черных, как ночь волос и запоминающимся лицом, которое она тщательно поддерживала в ухоженном виде. Она очень любила себя, но ещё больше любила своего сына, безграничной, практически всепоглощающей любовью. Возможно, именно из-за этой любви им очень частенько не удавалось найти общий язык. Как в болоте они увязали в спорах и противоречиях, болтаясь в трясине до тех пор, пока один не уступал другому.

– И что мне делать? – трагично спросила мадам Ясмин. – Идти на бал одной?

Ян безразлично пожал плечами, не отрывая взгляда от черных строчек. С большим удовольствием он бы сейчас покинул столовую и скрылся от матери в глубинах замка, но как хороший сын продолжал сидеть на месте. После потери мужа и старших сыновей в последней битве против ликантропов, чтобы не сойти с ума от горя и как-то оправиться от потери мадам Ясмин решила отойти от прежних привычек и попробовать зажить по-новому. Результатом этого «по-но-

вому» стало несколько нововведений. Одно из них – обязательный, пусть и весьма редкий, завтрак всей семьей. И хотя от некогда большой семьи остались лишь двое, да и те собирались вместе в лучшем случае пару раз в году, Ян с терпением и пониманием относился к материнским чудачествам, осознавая, что таким образом женщина пыталась идти дальше.

Мать он действительно любил, но при всей своей любви категорически не желал проводить целую ночь в обществе старых снобов, пытающихся заискивать перед ним, молодым Князем, представляя ему одну за другой своих дочерей.

Именно ради ежегодного Бала Дождей, традиционно проводящегося в первый день лета его мать и прилетела из Швейцарии, где последние двадцать восемь лет проживала в небольшом доме на берегу озера, периодически принимая редких гостей. В ближайшее время она планировала вновь переехать, скорее всего, в Данию. Так она поступала каждые двадцать – тридцать лет, меняя место жительства и имя, чтобы не вызывать подозрения у окружающих, ведь женщина, которая не меняется и не стареет десятилетиями рано или поздно станет объектом нехорошего интереса.

– Да, – просто ответил Ян. – Или ты можешь вообще туда не идти.

– Это традиция, Ян, – с нажимом произнесла мадам Ясмин, чуть повысив голос. – Традиции необходимо соблюдать, особенно такие.

Молодой мужчина едва заметно скривился, а после спросил:

– И чем эта традиция важнее всех остальных?

После недолгого молчания мадам Ясмин ответила:

– Тем, что наша семья ежегодно посещала Бал Дождей с самого первого дня его проведения, – её голос едва слышно дрогнул. – Именно там мы с твоим отцом впервые признались друг другу в любви.

Молодой Князь вздохнул, отложил газету и повернулся к матери, намереваясь сказать, как ему жаль и как он тоже тоскует по отцу. Но это не значит им, Яном, можно так грубо манипулировать.

Увидев лицо матери, он осекся. Её миндалевидные глаза влажно блестели, нижняя губа чуть подрагивала, а руки нервно комкали льняную салфетку.

– Сын, – проговорила она глухим голосом, – я тебя очень прошу...

– Ладно, – Ян подхватился, с раздражением отодвинув стул. Деревянные ножки противно скрипнули, проехавшись по полу. Бросил на стол сорванную с колен салфетку, он широкими шагами покинул столовую, направившись в свой кабинет, чтобы ознакомиться с кое-какими документами.

Но сосредоточиться и поработать ему не дали.

В кабинет ураганом внеслась мать, плюхнулась в старинное кресло, обтянутое коричневой кожей и уставилась на сына с молчаливой претензией.

Несколько минут Ян старательно пялился в документы, игнорируя родственницу, но в конце концов не выдержал:

– Что?

– Бал уже завтра, – проговорила мадам Ясмин, поиграв дорогой туфелькой на высоком каблуке, надетой на длинную изящную ногу.

– И? – недоуменно поморгал Ян.

– И, если ты не хочешь опозорить и себя, и меня заодно, то надо начинать готовиться прямо сейчас, – деловито проговорила вампирша, постучав ноготком по деревянному подлокотнику кресла.

– И как же я могу тебя опозорить? – возвел глаза к потолку Ян.

– Облачившись в неподходящую одежду или ведя себя неподобающе, – процедила сквозь зубы мадам Ясмин.

Ян знал, что Бал Дожей, как и все подобные ему мероприятия был сосредоточением правил, церемониала и условностей в таком количестве, что если бы кто-то взялся всё записывать, то составил бы целый свод законов о том как, что, где и почему НЕ надо делать, если вы не хотите, чтобы орда благообразных мамаш, папаш и девиц на выданье не обсуждала вашу скромную персону на протяжении всего следующего года.

– В прошлом году ты пропустил торжество из-за необъяснимой лихорадки, с которой слег накануне бала и которая чудесным образом прошла, едва наступил рассвет, – продол-

жила давить мать. – В позапрошлом ты не был на балу, объяснив своё отсутствие необходимостью отправиться в командировку. И за год до этого ты поступил точно также.

– Не надо на меня наговаривать, – холодно проронил Ян, устало откидываясь назад и понимая, что изучить отчеты сегодня не получится. – В позапрошлом году тебе, как и всегда, удалось затащить меня на этот наискучнейший во вселенной мерзко-светский раут.

– Ты пробыл на балу ровно восемь минут! – недобро прищурилась мадам Ясмин. Темно-ореховые глаза под пушистыми черными ресницами начали наливаться кровью, что означало лишь одно – вампирша теряла остатки самообладания. Хоть она и жила последние сто пятьдесят лет среди людей, но контролировала себя куда хуже сына. – А потом просто сбежал!

– Я не сбежал, – не согласился Ян, складывая руки на груди и готовясь к длительной обороне. – А придумал благовидные предлог, объяснивший мой уход.

– Благовидный предлог?! – переспросила вампирша упавшим до глухого рычания голосом, в котором слышалось предвестие семейных разборок. – Маркиз де Турнон как раз рассказывал тебе о талантах его дочери Глорианды, когда ты вдруг прервал его словами: «Извините, что-то здесь душно-вато», развернулся и покинул бал! Как впоследствии рассказывали присутствовавшие там дамы, уходил ты с широкой улыбкой, напевая себе под нос детскую песенку!

– Я так сделал? – притворно изумился Ян, прикладывая руку к груди. – Не помню. Ничего не помню. Наверное, в тот вечер у меня тоже была температура.

– У тебя было обострение наглости, – зашипела его мать, вцепляясь обеими руками в подлокотники, словно пытаясь удержаться и не впиться коготками в лицо сына.

Конечно, Ян успел бы увернуться. Неважно, насколько стара была его мать. Князь сильнее, тренированной, быстрее. На самом деле, и эта информация тщательно умалчивалась, в скорости Князю не было равных. И не только среди вампиров. Мать это знала, как знала и то, что он не позволит расцарапать своё лицо, а перехватит разъяренную женщину еще до того, как она встанет с кресла.

– Возможно, – не стал спорить Ян и решил, что эту ссору пора прекращать. – Ладно, чего ты хочешь? Говори конкретно!

– Хочу, чтобы ты позволил мне подготовить тебя к балу, – сразу же перешла на деловой тон мадам Ясмин.

– Если после этого ты успокоишься и больше не будешь врываться в мой кабинет, – выставил свои условия вампир, – тогда ладно. Я согласен.

Его мама широко улыбнулась, блеснув крепкими белыми зубами.

Через час он стоял в гардеробной, а вокруг него, как лиса вокруг зайца, наворачивала круги мама, присматриваясь к нему и так и эдак, комментируя, что ей нравится, а что нет.

Не нравилось ей практически всё, начиная от стрижки сына и заканчивая его манерой держать одну руку в кармане брюк. Здесь же вертелась Карла, под чутким руководством матери снимая мерки с хозяина замка.

– Дресс-код в этом году очень строгий – White Tie, – щепетала мадам Ясмин, экспериментируя с волосами вампира, зачесывая светлые пряди то на одну, то на другую сторону, периодически недовольно фыркая. – То есть, полностью торжественный.

– Как будто в предыдущие годы был какой-то другой, – морщась и пытаясь уклониться от маминых цепких рук, проворчал Ян. – Он такой с шестнадцатого века, когда этот чертов бал начали проводить регулярно.

– Не ругайся, – одернула сына мадам Ясмин, легонько ударив по гладкому лбу сложенными вместе пальчиками. – В этом году основные цвета – синий и серебро, в честь... Ну, не важно. В любом случае, это отличная новость!

Она хлопнула в ладоши, источая радость ребенка, впервые оказавшегося на новогоднем утреннике.

– Почему? – устало спросил Ян, зная, что именно этого от него и ждали.

– Потому что тебе, как блондину, именно эти цвета идут необычайно, – заверила его мама всё с той же жизнерадостной улыбкой. И метнулась к швейному столу, где лежало несколько отрезков ткани разных оттенков синего. Так же стремительно вернувшись обратно к едва успевшему облег-

ченно выдохнуть Князю, она начала по очереди приклады-
вать к нему ткани, выискивая оттенок, который наиболее вы-
годно подчеркнул бы благородную красоту её сына.

– Мама, – закашлялся мужчина. – У меня такое ощу-
щение, что ты решила сделать из меня не просто рядового
участника бала, а его главную звезду.

– Так и есть, – не стала спорить женщина. – Ты уже его
главная звезда. Количество участников, подтвердивших своё
присутствие на балу увеличилось вдвое, как только стало из-
вестно, что ты тоже придешь.

И мадам Ясмин потянулась к следующему отрезу, отдав
предыдущие три молчаливой Кларе. Последняя периодически
кидала жалобные взгляды на хозяина, который отвечал
ей едва заметным пожиманием плеч, мол, а что тут подела-
ешь? Надо потерпеть. Мне и самому, видишь, приходится
натягивать улыбку на лицо и изображать статую в ожидании,
пока маман наиграется с новой игрушкой.

– А как они узнали, что я буду на балу, если я сам об этом
узнал несколько часов назад, – Ян подозрительно покосился
на мать.

Ответом ему стала еще более широкая улыбка, в которой
просматривалась гордость победителя.

– Я сообщила об этом графине Баденской, а она расска-
зала всем остальным, – пояснила вампирша, пробуя новый
отрез. – О! Вот это то, что нужно! Клара, убери всё осталь-
ное.

И в несчастную служанку полетел разноцветный ворох тканей, который она, девяностолетняя вампирша, едва успела поймать. Мадам Ясмин нашла то, что искала: насыщенно синее полотно с мягким серебристым отливом. Ткань поблескивала на свету и действительно выглядела необычайно.

– Ты будешь великолепен, – сунув край полотна в руки сына, мадам Ясмин отошла на пару метров назад и залюбовалась высоким вампиром. – Ты и так великолепен, а в костюме из этой ткани ни одна девушка не сможет устоять перед тобой.

– В таком случае, – опустив руки, сурово воззрился на мать вампир, – тебе следует озаботиться поиском доктора.

– Зачем? – в недоумении моргнула мадам Ясмин, взмахнув длинными ресницами, словно опахалами.

– Если на балу начнется массовый падеж дам, то стоит заранее найти того, кто будет их всех откачивать. И посоветовать ему прихватить с собой побольше нашатырного спирта.

Вампирша выслушала сына с абсолютно невозмутимым лицом, а после заявила:

– Будешь упражняться в остроумии, заставлю остаться на балу до самого рассвета.

Ян решил не отставать от родительницы и парировал:

– Будешь мне угрожать – вообще никуда не поеду, а останусь дома, сидеть в халате и тапках перед камином и слушать Бетховена!

Бетховен был в их семье чем-то вроде запрещенного уда-

ра. Этого немецкого композитора мадам Ясмин люто ненавидела и все в замке об этом знали.

Вручив матери так полюбившийся ей отрез ткани, Ян покинул гардеробную, громко топая.

– Ян, вернись! – понеслось ему в след разъяренное. Потом раздался громкий стук. Или обморочная эпидемия началась с Клары, или мать от злости пнула ногой в дорогой туфельке что-то тяжелое. Скорее всего, второе, потому что в такт звуку чуть дрогнули стены и скрипнула люстра на потолке. – Мы еще не выбрали бабочку!

Услышав это, Ян на мгновение остановился, со стоном закатил глаза, сообразив, что ему придется помимо парадного фрака надевать еще и бабочку, схватился за голову и поспешил ускориться в своем побеге от матери.

И дело было не только в том, что он терпеть не мог бабочки, запонки, пояса и всё то, что предполагал на себя натягивать статус предстоящего мероприятия, но и в том, что строгие правила бала регулировали всё, вплоть до того, какого цвета и фасона должны были быть аксессуары.

Например, участники, собравшиеся появиться на балу в одиночестве, без сопровождения, должны были обозначать свой статус внешними элементами. Так, мужчины делали это при помощи черной бабочки, а женщины – повязывая или вплетая в волосы черные ленты, демонстрируя окружающим отсутствие пары и открытость к близким знакомствам с противоположным полом.

Но Ян категорически не желал никаких знакомств, ни близких, ни дальних! Ему хватало тех, что уже имелись, и к новым не стремился в силу характера. Он прекрасно понимал, что весь вечер на балу ему придется отбиваться, а точнее вежливо отговариваться от заботливых родителей, подсовывающих ему своих дочерей, от суетливых тетюшек и дядюшек, зазывающих в гости на чашечку бренди в дом какой-нибудь очередной племянницы, и от незамужних девиц всех мастей, родов и статусов, пытающихся подтолкнуть его к приглашению на танец.

Вся эта суматоха, так часто случавшаяся вокруг его любящей уединение персоны, провоцировалась не столько тем, что он был правителем на своей земле и владельцем огромного состояния. А тем, что таких, как он, то есть, молодых, приятных внешне, неженатых и способных реализовать matrimониальные планы юных девиц имелось в их сообществе немного. Не только среди вампиров, хотя они составляли подавляющее большинство участников бала, являясь его основателями, но и среди всех остальных магических созданий.

Бал Дождей – масштабное закрытое мероприятие, на которое собирались вампиры со всех уголков планеты и куда нереально было попасть случайному человеку. Невозможно просто купить билет и облачиться в парадный костюм, это не музей и не театральная постановка. Нет, на бал требовалось получить именно приглашение, которые начинали рассылать в марте. Считалось, что чем раньше ты получил запе-

чатанный черным воском красный конверт с двумя карточками внутри, белой и золотой, тем выше был твой статус и тем дольше ты мог раздумывать над ответом. Но его обязательно нужно было дать, выслав по указанному на конверте адресу одну из карточек: белую – если подтверждаешь участие, золотую – если отказываешься.

Поговаривали, что отказавшись три раза подряд участник вовсе терял возможность посещать бал. Однако это правило действовало в отношении тех, кто получал приглашительные последними и были не так чтобы особо важными гостями. Например, отец Яна игнорировал приглашения на бал на протяжении нескольких десятков лет, а они всё равно продолжали стабильно приходиться в первых числах марта. И каждый раз почти сразу же отправлялись в огонь, если его жена не успевала перехватить приглашения первой. Предыдущий глава вампирского семейства, несмотря на все заявления мадам Ясмин об их первом танце и щемящих душу воспоминаниях юности, не любил Бал Дождей не меньше Яна, утверждая, что сочетание блестящих платьев, шуршащих корсетов, сияющих тиар, бриллиантов всех размеров и бесполезной болтовни провоцирует у него изжогу и мигрень одновременно.

Каждый раз, слыша подобные слова, его дражайшая, лучшая и более клыкастая половина любезно напоминала любимому, что у вампиров не бывает ни головных болей, ни кислотного рефлюкса.

Её супруг в свою очередь сообщал, что тот отвратительный полонез, который пляшут пары-дебютанты, открывая бал, способен кого-угодно превратить в человека, а еще вызвать припадок эпилепсии, нервный тик и несварение.

На этом моменте мадам Ясмин соглашалась, что, да, полонез никуда не годится вот уже как лет пятьдесят. А мазурка так и вовсе откровенно плоха, и лучше бы её заменили на что-то, что не будет выглядеть как деревенский карнавал, проводящийся между курятником и загоном для свиней.

Метафора красочная и снобистская, как и сама мадам Ясмин, которая просто обожала всё преувеличивать и драматизировать.

Ян, который, погружившись в размышления и воспоминания, не заметил, как успел не только покинуть замок, но и добраться до конюшни, остановился.

Ему вспомнились слухи, которые неделю назад достигли даже его ушей, хоть он всеми силами отгораживался от подобных явлений, пресекая попытки перемыть окружающим косточки даже среди своей прислуги.

Слухи были прелюбопытными. Якобы в ближайшем к его замку городе тайно поселилась одна примечательная морская принцесса. Случилось это давным-давно, когда она была еще маленькой, но вскрылось только сейчас. Саму принцессу никто не видел и лично не знал. И это еще больше будоражило умы местных впечатлительных кумушек. Ведь как это так, мимо них проскользнула и умудрялась долгие годы

оставаться незамеченной целая принцесса!

Народ болтал о ней с каждым днем всё больше, рассуждая и предполагая, с чем связан внезапно обнаруженный факт обитания особы королевского рода среди людей. Многим это казалось подозрительным, сбивающим с толку и даже немного пугающим. Ведь всем было хорошо известно, что правители даже самых маленьких королевств во все времена отчаянно берегли своих наследников. Потому что наследник – это продолжение династии, это преемственность власти, это сохранение привилегий за всеми членами семьи. А численность в королевских семействах зачастую внушительна, и каждый причастный стремился удержать своё положение в обществе, залогом которого являлась сидящая на престоле родня.

Эта тема оказалась благодатной для тренировки воображения, захватив умы большинства на многие недели. И чем ближе подходила дата проведения бала, тем яростней обсуждался вопрос: а появится ли на нем принцесса? Ведь ей, как выяснилось, тоже долгие годы безуспешно отправляли приглашения. Но именно в этом году сам факт её существования был подтвержден публично. И это наводило на подозрения, что белой карточкой своё присутствие принцесса подтвердила.

Первый раз застав подобные рассказы, Ян посмеялся, громко заявив, что кто-то просто неудачно пошутил, а все поверили. Через несколько дней, проходя мимо оранжереи

по пути к тренировочному залу, вампир услышал приглушенный разговор. И это сразу же его насторожило.

Оранжереей и огромным прилегающим к ней садом завела Аксинья – крупная женщина возрастом за пятьдесят, которую случайно обратили во время Жатвы. До нападения Аксинья была поварихой в детском саду и имела такой громкий, пробирающий аж до костей голос, что когда заговаривала окружающие начинали вздрагивать и нервно оборачиваться. Совсем уж впечатлительные падали на колени, прикрывая голову руками, потому что голос статной дамы мог посоперничать с иерихонской трубой. Сама женщина свой своеобразный дар объясняла просто – громче всех звала деда Мороза на детских праздниках, потому что всегда верила в чудо. И однажды её вера в это самое чудо оправдалась. Хотя кто-то не такой оптимистичный, как Аксинья, мог бы расценить это иначе. Как проклятье.

Молодой вампир, укусивший Аксинью, на самом деле целился не в неё. А в девушку, однажды вечером шедшую по темному переулку, имея намерение сделать её своей вечной спутницей. Но в его планы вмешалась Аксинья, идущая следом. Она каким-то невообразимым образом заметила стремительное приближение клыкастого, который собирался использовать тактику «налетел-укусил-улетел», и кинулась защищать жертву буквально собственным телом. И как-то так получилось, что её шея попала прямым ходом под зубы вампира, не ожидавшего такого поворота событий, а потому не успе-

шего вовремя среагировать.

В итоге девушка, благодаря Аксинье оставшаяся человеком, с визгами и воплями унеслась. Вампир, быстро сообразив, что произошло, тоже поспешил убраться с места событий. А женщина, зажимая рану рукой и ощущая усиливающуюся с каждой минутой слабость во всем теле отправилась домой. Там, едва зайдя в квартиру, она добралась до кровати и рухнула в постель, уснув непробудным сном. Вернее, поварихе показалось, будто она уснула. На самом же деле, женщина умерла.

Инициация людей чаще всего протекала тяжело, поэтому вампирам, как и оборотням, выдавались квоты, определявшие количество людей, которых допускалось обратиться за конкретный период времени. Существовали и другие правила. Вампир, обративший человека, становился его всем: наставником, куратором, опекуном, попечителем, мамкой и папкой в одном лице. А еще нес полную ответственность за обращенного в течение первых десяти лет его существования в ипостаси вампира. И обязательно должен был присутствовать рядом во время трансформации.

Вампир, укусивший Аксинью ничего этого не сделал. И как только по городу разлетелась информация о некоем парне, попытавшемся напасть на молодую девушку в переулке, Князь сложил два плюс два, то есть, странные показания избежавшей страшной участи жертвы и период Жатвы, всё понял, и вызвал к себе всех вампиров, получивших квоты.

Вычислить виновного не составило труда, он себя сам выдал. Нервозностью и лютым страхом, затаившимся на дне налитых кровью глаз. Во время Жатвы они такими были у всех вампиров, но лишь этот смотрел на Князя так, словно ожидал казни прямо на месте. Этот страх был оправдан. Среди своих подопечных Ян славился тем, что за проступки наказывал с чрезвычайной изобретательностью. Справедливо, но порой очень жестоко. Вампира по имени Марсель он заставил найти укушенную женщину и привести к нему.

У Марселя ушло два часа на то, чтобы прошерстить весь город и по запаху определить нахождение его теперь уже подопечной. Еще пятнадцать минут понадобилось, чтобы доставить отчаянно сопротивляющуюся новообращенную вампиршу в замок Князя.

Аксинья кусалась, брыкалась, плевалась, орала и угрожала, но как только увидела представшего перед ней хозяина замка умолкла. И там было отчего умолкать. Ян прекрасно знал и понимал, как действует на женщин. Вот и эта, растрепанная, мертвенно-бледная после едва завершившегося перехода женщина, с выпученными от ужаса глазами и чуть вздрагивающими ресницами глядела на него словно на бога, спустившегося на землю по небесной лестнице, как бы банально это не звучало.

– Как вас зовут? – тихо и удивительно мягко поинтересовался Князь, чуть склонив подбородок к груди.

– Аксинья, – с трудом и не с первого раза выговорила жен-

щина.

– Я думаю, вам будет лучше остаться сегодня у меня, – не предложил, а приказал ей Князь, так, как умел только он один. И от таких его предложений еще ни один не смог отказать.

– У вас? – переспросила Акси́нья, вздрогнув всем телом.

– Да, – с улыбкой кивнул Ян и указал рукой на замершую в сторонку горничную. – Анна вас проводит.

Так Акси́нья оказалась в замке своего хозяина, который полностью забрал её под свой контроль. Когда выяснилось, что женщина – непревзойденный садовник, у которого начало расти всё, даже иссохшие корни кустарника непонятного происхождения, заваливавшиеся в углу кладовки, Князь отдал в её распоряжение пустующую оранжерею, которую Акси́нья превратила в буйно цветущий оазис.

Единственным её недостатком, по мнению Князя, была нежная привязанность к обсуждению других людей. Это в ней было раньше, во времена человеческого существования, это в ней осталось и когда она стала вампиром.

И именно её голос, который она попыталась опустить до приглушенного шепота услышал Князь. Одно только это вызвало подозрения, потому что шептать Акси́нья категорически не умела.

Женщина беседовала с каким-то мужчиной, в котором вампир, притормозив у чуть приоткрытой двери, распознал одного из охранников, недавно взятого на работу. Парень

был из клана банши, по каким-то причинам не пожелавший в нем остаться, а отправившийся в одиночное плавание.

– Я тебе говорю, это точно она, – убеждал он в чем-то Аксинью.

– Да нет, что-то мне не верится, – хоть женщина и пыталась говорить тихо, но с силой её голоса это было всё равно, что попытаться заставить снег не быть холодным.

– Да почему?

– Да потому что не похожа она на принцессу!

– Да это ж она в человеческом облике, – втолковывал садовнице охранник. – А в море она другая!

– Какая другая?

– Ну, не знаю... Я слышал, как дочка нашего главного говорила, что она – nereida.

– И что?

– А то! Значит, у неё должны быть перепонки, жабры и плавники.

– Вот и с чего ты это взял! – всплеснула руками садовница, размахивая какими-то длинными жесткими стеблями. – Ты что, видел её в настоящем облике?

– Не видел! Но они знаешь где живут? На самом дне моря! Там, куда людям в жизни не добраться! А значит, у них должно быть что-то... ну... для плавания! Хвост должен быть!

– Они же не рыбы, – начала отстаивать свою точку зрения Аксинья, для пушей убедительности притопнув ножкой, отчего подпрыгнули и жалобно звякнули друг об дру-

га несколько цветочных горшков. – А маги! И не важно, где они живут!

И они продолжили оживленно дискутировать.

Постояв под дверью еще минут пятнадцать Князь разобрался в чем было дело. Охранник пытался доказать, что школьная подруга банши из его клана – это скрывающая свою личность морская принцесса, у которой под водой отваливаются конечности и отрастают плавники. А Аксинья в свою очередь считала, что девушка слишком обычная для принцессы, но даже если это она, то никаких плавников у нее и в помине нет.

Вот с этого момента Ян и забеспокоился.

О принцессе он знал давно, более того, знал о ней больше остальных. Больше, чем она сама о себе знала. И в отношении самой принцессы он не однократно предпринимал определенные действия, которые, к его глубокому разочарования, не привели ни к каким результатам. Приняв решение на некоторое время отступить, он стал наблюдать за ней издалека, ожидая, пока она вырастет. И превратится в то, во что должна была превратиться. В угрозу для него.

С тех пор, как принцесса ступила на берег, Яну на стол регулярно ложилась папка с отчетом. Его люди старались, но информации всегда было мало. Жизнь её была настолько обычной, что порой Князю даже становилось скучно, и он просматривал отчеты одним глазом и наискосок.

Школа, университет, работа. Ухажеры, редкие отноше-

ния. Слишком редкие для особы, живущей в современном мире. Какие-то подружки, какие-то друзья, какие-то интересы, какие-то планы.

Скудная во всех отношениях характеристика, которая давала возможность лишь обозначить её личность, но не понять.

Сообразительная? Да.

Умная? Скорее всего.

Талантливая? Возможно.

Красивая?

Ну...

В один из последних отчетов вложили её свежее фото, сделанное, судя по антуражу, на выпускном вечере. Внимательно всмотревшись в молодое и достаточно смышленное лицо, вампир сам для себя решил, что не назвал бы девушку красивой. Она не была той, которой оборачивались вслед. К тому же, совсем не в его вкусе, слишком... простенькая, что ли?

Но больше, чем сама девчонка, его заинтересовал другой человек, тоже запечатленный на снимке. И пусть он явно пытался увернуться от камеры, пряча лицо в тени, фотограф всё же успел «поймать» его, да еще со вспышкой. И пусть снимок получился размытым, без приятной глазу четкости, но два светло-голубых пятна вместо глаз вызывали... так скажем, интерес. Обывателю могло бы показаться, что в камере произошел какой-то сбой, но вампир знал, что ино-

гда фотографии показывали больше, чем казалось на первый взгляд. Больше, чем нужно. Словно вскрывали саму суть жизни.

– Что б тебя, – выругался Ян, всматриваясь в снимок. Теперь всё его внимание занимал этот парень. – Не может быть...

Послушанный разговор давал основание предположить, что его люди проглядели рядом с принцессой банши. А увиденное на снимке доказывало, что не только её!

Теперь же еще этот бал, которого в один момент стало слишком много!

Было ли всё это связано или нет?

Но ответ на свой вопрос он так и не смог найти, хоть и потратил на размышления весь день.

Наступил день бала.

С самого утра все обитатели замка пребывали во взволнованном состоянии. Во многом из-за мадам Ямин, которая начала готовиться к вечернему мероприятию еще за десять часов до него, приводя в состояние переполоха, близкого к истерии всех, кто находился рядом с ней в радиусе полукилометра.

К обеду прибыли те, кого сам Ян мысленно назвал отрядом смертников, потому что находиться рядом с его матушкой, готовящейся к ответственному суаре, было близко к попытке суицида. Кого среди них только не было: куаферы, портнихи, визажисты, стилисты, имидж-консультанты и

прочая орда, которая прихватила с собой такое количества чемоданчиков, коробок, стоек с одеждой и прочего добра, что заняла две большие комнаты, одна из которых была банкетным залом на тридцать персон.

Глядя на всё это безумие Ян лишь вздыхал, мысленно молясь небу о терпении и надеясь, что сегодняшний день закончится быстро, а уже завтра его мама уедет обратно в Швейцарию.

Но отделаться малой кровью молодому хозяину удалось. Сперва мадам Ясмин заставила сына перемерять дюжину костюмов, сшитых специально по его меркам для Бала Дожей. И всё это ради того, чтобы убедиться – первый костюм из той самой переливающейся ткани, отороченный серебряной ниткой и украшенный пуговицами с небольшими бриллиантами, самый лучших вариант.

Потом ему пришлось вынести несколько долгих часов в кресле куафера, который шелкая вокруг его головы ножницами, едва ли не замерял линейкой каждую волосинку. Ян призвал на помощь всё своё терпение. Он так сильно стиснул челюсть, что почти сточил зубы, сдерживая желание свернуть шею парню, прыгающему вокруг под собственное раздражающее бормотание. И вот, казалось бы, все мучения подошли к концу, но тут настало время подбирать обувь...

– Ненавижу балы, – прорычал Ян, ступая в Белый зал Летнего дворца, принадлежащего герцогине Зальцбургской.

Это было залитое ярким искусственным светом огром-

ное помещение с помпезным интерьером, при помощи пилонов и арок поделенное на зоны. Наиболее вычурно и роскошно выглядела центральная часть, по которой перемещались участники бала, собравшиеся в полном составе. Они прохаживались туда-сюда, весело болтали и приветствовали знакомых, целуя воздух у щек друг друга, пока шныряющие безмолвными тенями официанты разносили наполненные напитками бокалы. Остальные части зала, боковые, были вспомогательными. Справа разместился оркестр, слева были установлены диванчики со столиками, чтобы танцующие имели возможность отдохнуть и перекусить.

В целом, всё внутреннее убранство герцогской трехсотпятидесятилетней резиденции было стилизовано под средиземноморскую виллу. Повсюду коринфские колонны и беломраморные статуи, а еще аркады, дополненные пилястрами, фрески в стиле европейского ампира и прочие зодческие изыски, в которых звучала целая эпоха.

Ян терпеть не мог этот дом, все эти карнизы и балконы давили на него, заставляя еще сильнее желать вернуться в родной замок – сосредоточение минимализма, симметрии, сумрака и спокойствия.

– Веди себя прилично, – зашипела на него мадам Ямин, поправляя подол длинного черного бархатного платья, которое ей необычно шло.

– Лучше я сделаю кое-что другое, – широко ухмыльнулся вампир, продемонстрировав в улыбке острые боковые рез-

цы.

– Что сделаешь? – не сообразила его матушка.

– Сделаю вид, что мы не знакомы, – заявил Князь и уверенно пошагал вперед, собирая восхищенные взгляды окружающих.

Стать, положение головы, разворот плеч – всё в нем выдавало аристократа до мозга костей, в таком поколении, что и считать бессмысленно.

– Как же хорош, – восхитилась вслух его мать, наблюдая за медленной, чуть ленивой и в то же время преисполненной внутреннего достоинства походкой своего сына, который не глядя ни на кого направился сразу же к диванчикам.

Танцевать он сегодня не собирался.

Следующие несколько часов Князь сидел, закинув ногу на ногу, наблюдая за окружающими с бесконечно скучающим видом и изредка кивая мимо проходившим знакомым. Большинство гостей едва только поймав его взгляд, поспешно растворялись в толпе, отчего вампир лишь едва слышно хмыкал. Он никогда не боялся внимания, но и не искал его.

Как только короткая стрелка часов достигла цифры десять, официанты исчезли, музыканты заняли свои места и грянул оркестр, давая понять, что Бал Дождей начинается.

Ещё ярче вспыхнули огни под высокими потолочными сводами, практически ослепляя присутствующих, и по лестнице начали спускаться пары. Бал по традиции открывали дебютанты, молодые парни в черных фраках и девушки в

корсетных платьях в пол нежно-персикового цвета. Все они были из богатых и знатных семей, которые внесли значительную сумму за возможность представить своё драгоценное чадо высшему обществу.

Ступив на отполированный до блеска паркет, пары выстроились в ряд друг за другом, чтобы станцевать полонез.

Руки девушек были украшены перчатками выше локтей. Парни, едва касаясь натянутых в шелк тонких пальчиков, вели их в танце. Так предписывал этикет. Мужчина ни в коем случае не должен был коснуться обнаженной кожи своей партнерши, это считалось не комильфо и сразу же выдавало невоспитанного человека. А все они старались показать себя очень воспитанными, смущенно отводя глаза и трогательно краснея. Это потом, в кулуарах, прячась за полотнами, которыми традиционно драпировались стены, они будут не только касаться друг друга, но и делать вещи куда поинтереснее танцев, но сейчас, у всех на глазах, необходимо было показать свою образованность и рафинированность. Ведь именно манеры, их наличие или отсутствие, были той лакмусовой бумажкой, с помощью которой на Балу считывали «свой» или «чужой».

После полонеза зазвучали звуки гротесфатера и следующим танцем был объявлен вальс.

Прозвучала фраза распорядителя:

– Alles Walzer!

То есть, «Вальсируют все!».

И к дебютантам начали присоединяться остальные участники мероприятия. Уже не такие молодые, и не такие задорные, как дебютанты, но еще помнящие свой первый выход в свет. В зал вновь вернулись официанты, которые начали разносить не только напитки, но и легкие закуски. Теперь они двигались не сквозь толпу, а по периметру зала, старательно пытаясь избежать столкновения с танцующими. Для присутствующих на балу вампиров были предусмотрены высокие бокалы из черного стекла, но их официанты не разносили, эти бокалы стояли на отдельном столике недалеко от диванчиков, где сидел Ян.

Танцы длились долго. После вальса была объявлена мазурка, потом галоп, следом за ним полька, затем фокстрот и снова вальс. Когда пришла очередь кадрили с её огромным количеством замысловатых фигур и переходов, Ян решил, что необходимое по этикету время он уже отприсутствовал, а значит, можно уходить.

За то время, что он охранял диван, ни разу даже не поднявшись с него, поблизости часто замирали девушки, по одиночке или в компании. Молодые, раскрасневшиеся от танцев, с призывно бьющимися жилками на раскрепощенно раскрытых шеях. Они бросали на Князя призывные взгляды и томно вздыхали. Некоторые, кто посмелее присаживались рядом, двое даже попытались завести разговор.

Всё происходящее напоминало Князю распродажу животных на сельской ярмарке, разве что только овцы не носи-

ли кринолин. Малышек, так рьяно пытавшихся завладеть его вниманием, он игнорировал. Во время непродолжительных бесед отвечал кратко и холодно, всем своим видом демонстрируя нежелание общаться.

Они его раздражали. Они были скучными и предсказуемыми. Завтра он даже не сможет вспомнить их лица. Просто парад облаченных в платья безликих тел.

Еще до того, как они появлялись рядом, он уже знал, что они попытаются сделать, что скажут, как посмотрят и как будут себя вести. Он даже знал, что уходить они будут с надутыми розовыми губками и злыми взглядами, старательно скрытыми за ажурными веерами, которыми барышни обмахивались между танцами.

Некоторых девушек он видел еще до попытки вынудить его пригласить их на танец. В обществе своей матери.

Мысленно простонав после очередной такой, переключавшей от его матушки к нему самому мадмуазели, Князь заключил – родительница закусила удила и теперь полна решимости его женить. Эта мысль добавила к скуке глухую злость.

Жениться Князь не хотел и, более того, даже не планировал. Ему было много лет по человеческим меркам и достаточно мало по вампирским, но как бы там ни было, прожитого времени ему хватило, чтобы понять – в его жизни никогда не было женщины, которую он захотел бы сделать своей. Своей женой, своей спутницей, хозяйкой своего замка, матерью своих детей.

Её не было, нет и скорее всего уже никогда не будет. Нет, он не жил монахом, в его постели всегда были дамы, много дам, но ни одна из них не тронула его сердце настолько сильно, чтобы он подумал: «Я останусь с ней навсегда».

А по его мнению, именно такой и должна была быть настоящая любовь. Сильной и отчаянной, грубой и нежной, страстной и согревающей, ломающей и возрождающей. Вечной. И непререкаемой. Любовь должна была быть чувством, в котором сосредоточены все краски мира, вся его боль, и вся его радость.

Вампир знал, понимал, что такое любовь. По крайней мере, конкретно для себя самого он давно определился с восприятием этого понятия, но испытать всё то, что он вкладывал в это слово «любовь»... ему не довелось. А потому и смысла жениться он не видел, ведь, по его мнению, связывать себя узами брака следовало лишь в том случае, когда в твоей жизни появлялась именно «та» женщина. Такая женщина, с которой ты готов пойти до конца.

Он поднес ко рту черный бокал и замер. В разодетой, нарядной, веселой толпе промелькнуло нечто красное. Промелькнуло – и исчезло. Но Князь был готов руку отдать на отсечение, что это была она.

Розабель.

Они познакомились очень давно, еще в те времена, когда она была ребенком. Худым, угловатым, неуклюжим подростком, угрюмо глядящим на мир сквозь окна интерната.

Он, как попечитель и благотворитель, явился в спецучреждение, желая убедиться, что выделенные им средства пошли на благо детей, а не в карманы сотрудников, потому как после нескольких скандалов появились у него такие подозрения.

Она стояла недалеко от двери, неловко прижимая руки со стиснутыми кулаками к нескладному телу. И с презрением глядела на него и его сопровождающих – дорого одетых мужчин и женщин, благоухающих парфюмами и свежестью сытой жизни. Такие чужие для дома-интерната ароматы, где витали лишь тоска и уныние. В тот миг Князь вдруг ясно осознал, насколько неуместными они здесь выглядят. Он взглянул на мир глазами этой девочки, бледной, с копной волнистых спутанных волос, в сером поношенном платье, которое было ей размера на три велико. И ему стало так тошно, что словами не описать.

Заметив интерес благотворителя к одиноко стоящему в углу ребенку, директриса засуетилась и поспешила увести их в свой кабинет, торопясь и нервничая.

Тогда он не придавал этому значения, но после задумался. И думал об этой девочке несколько дней, в конце концов сообразив, что уже не может выкинуть её из головы.

Князь поехал обратно в интернат. Позже, размышляя над природой своего поступка, он решил, что этот его разовый порыв, более никогда не повторявшийся, был сродни человеческому желанию забрать с улицы брошенного котенка, больного, голодного, умирающего под холодным дождем у

ног безразличных людей...

Встав одним текучим сильным движением, Князь направился туда, где вновь мелькнуло ярко-красное пятно.

Он шел, уверенно рассекая толпу. А ему в спину летели заинтересованно-удивленные взгляды.

Красный цвет её платья был таким насыщенным, что казалось, его вкус можно было ощутить во рту, и в то же время он был чужим здесь. На Бал Дождей не принято было надевать алый, он считался слишком вызывающим, провоцирующим, не уместным для высшего общества.

Красный не вписывался.

Как и Розабель. Она тоже никогда не выписывалась.

Этим и очаровывала.

И возможно...

Только возможно!

Именно Князь сделал её такой.

Именно он сделал её той женщиной, за которой мужчины готовы были идти на край света, даже если там их поджидала верная смерть.

Она стала «той», единственной... для кого-то другого. Но не для него.

Князь медленно приблизился к черноволосой девушке в длинном красном платье с глубоким вырезом на спине, до самой поясицы.

Она беседовала с каким-то парнем, держа в одной руке бокал с шампанским и тихо посмеиваясь в ответ на слова

собеседника. Мужчина лет двадцати пяти с густой, тщательно подстриженной бородой и крупными чертами лица, выдававшими в нем восточную кровь, был поглощен. Не беседой, девушкой. Он смотрел на неё не отрываясь и практически не моргая, зачарованно ловя каждый её взгляд, каждую улыбку, каждый жест и даже каждый вздох.

Князь его прекрасно понимал. Розабель умела быть невероятно прелестной, ровно так же, как она умела быть чудовищно безразличной. И ни то, ни другое не было маской, игрой или притворством. Она всегда была собой, настоящей, не поддельной, искренней во всех проявлениях. И это тоже являлось частью её удивительной личности, словно сочетающей в себе в равных долях и свет, и тьму. И красоту, и уродство. И зло, и добро.

– Розабель, – проговорил Князь.

Бородатый мужчина, который в этот момент как раз пытался рассказать какую-то, по его мнению, очень увлекательную историю, неловко умолк и потерянно уставился на вампира, словно не понимая, откуда тот взялся.

Девушка повела обнаженным плечом и обернулась.

– Ян, – проговорила она ничуть не удивленно, с улыбкой на таких знакомых губах и с искорками смеха в глазах.

Он всё понял шесть лет назад. Тогда её безусловная, уже не детская, а по-настоящему взрослая любовь стала для него открытием, поразительным и чистым, и всё же... безответным.

Он знал, что она здесь ради него. Для него.

– Вы позволите нам побеседовать? – холодного проговорил вампир, обращаясь к мужчине.

– Да, – растерянно ответил тот, словно не зная, как поступить и куда себя деть. – Да, конечно.

Сделал пару коротких шагов в сторону, а после развернулся и спешно направился к столам с закусками.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Ян, рассматривая девушку, которая буквально выросла на его глазах, которую он сам вырастил в своем замке.

– Не знаю, – просто ответила она, и он понял, что это правда. Она никогда не врала ему. – Просто хотела попрощаться и оказалась здесь.

– Прощаться? – сурово переспросил Князь, вздернув бровь. – Куда-то... собралась?

Недовольство и сталь зазвенели в его голосе.

– Да, – улыбнулась Розабель, заправляя прядь волос за ухо. – Есть дела.

Спрашивать какие было бесполезно, не ответит. Это Ян тоже знал.

– Когда вернешься?

– Не знаю, – вновь легко улыбнулась она. – Может быть, скоро, а может быть, никогда.

Ян смотрел на неё и ощущал грусть. Он всегда относился к ней как к ребенку, слабому, непоседливому созданию, не способному выжить самостоятельно. Он не хотел, чтобы

она уезжала, чтобы она оставляла его. Хотя, на самом деле, она оставила его еще почти год назад, когда заявила, что хочет жить отдельно и покинула его замок с одной небольшой сумкой в руке.

Кажется, всё это время он ждал, когда она вернется.

– Давай сфотографируемся на память, – вдруг предложила Розабель, легко подхватила его под руку и повела к фотографу, который работал в специально оборудованной нише, где каждый из гостей мог сделать памятный снимок. – Хочу запомнить нас такими.

Ян не стал сопротивляться, хоть и знал, что ему придется отвернуться от объектива.

– Улыбочку на счет три! – распорядился фотограф, едва только они заняли свои места перед установленной на штатив камерой. Это был маленький забавный человечек в костюме-двойке и смешных круглоносых штиблетах. – Раз, два, три!

Розабель послала соблазнительную улыбку в объектив, а Ян просто стоял и смотрел на неё.

– Фотография – удивительная штука, не правда ли? – повернулась она к нему с улыбкой, от которой должно было замирать сердце. Должно было, но не замирало. – В какой-то степени она помогает достичь бессмертия. В ней остается частичка нас, нашей души, нашей жизни. Мгновение замирает и остается в вечности.

– Ваше фото, – обратился к ним фотограф, протянув толь-

ко что распечатанный на фотобумаге, а потому еще совсем свежий снимок.

– Спасибо, – пропела в ответ Розабель, чем до крайности смутила мужичка. Тот покраснел, пробормотал что-то невнятное себе под крючковатый нос, взъерошил короткие волосы и поторопился уйти, заметив другую пару, также решившую воспользоваться его услугами.

– Мне пора, – вдруг заявила девушка и в её голосе послышалась печаль, тихая, смиренная, которая приходит в моменты отчаяния и остается с тобой навсегда, превратившись в безмолвную попутчицу.

Розабель отвернулась, словно собираясь уйти даже не попрощавшись, и Князь вдруг почувствовал, что теряет её. Это ощущение было таким внезапным и острым, что испугало даже его самого.

– Стой, – он схватил её за хрупкое запястье, на котором болтался тонкий браслет, такой же изящный и легкий, как она сама. Этот браслет Ян подарил ей на совершеннолетие. И с тех пор она не расставалась с ним. И кажется, даже ни разу не снимала.

Розабель обернулась, посмотрела ему в глаза и от этого взгляда мир болезненно дернулся.

– Куда ты? – хрипло спросил он, перебарывая возникший в горле ком.

– Далеко, очень далеко, – тихо проговорила Розабель. А после приблизилась к нему так близко, что он ощутил запах

её кожи. К сладости примешалась горечь, странная горечь, неприятная, которой раньше не было. – Я хочу, чтобы ты знал: я всегда буду помнить о тебе.

Его пальцы дрогнули на её руке.

А Бель железная. Стальная. Мягкая на ощупь, но непробиваемая внутри. И внутри неё кусок скалы.

Это сочетание силы ума и слабости тела... будоражило, а еще напоминало кого-то, кого он знал. Возможно, не очень близко. Возможно, вообще почти не знал.

Но, кажется, очень хотел узнать.

Бель аккуратно освободила свою руку, сжала на прощание его пальцы, улыбнулась ласково, а после стремительно направилась прямо к выходу.

Она ушла, а он остался стоять, ощущая, как разрастается внутри темная, пожирающая пустота.

– В жизни каждого человека звучат колокола судьбы, но не все слышат их звон, – проговорил кто-то позади вампира. Обернувшись, он увидел двух молодых парней. Оба вампиры, оба с характерным выговором, выдающим в них давних жителей далекой островной страны. – Знаешь, кто сказал?

– Ты, – хмыкнул его друг. – А я присутствовал.

– Хемингуэй, – с чувством собственного превосходства поправил его первый. – И суть в том, что надо хватать каждую подворачивающуюся возможность.

– И за какую возможность ты собираешься ухватиться сейчас? – криво усмехнулся второй.

Цитировавший великого американского писателя парнишка вытянул указательный палец руки, в которой он держал высокий черный бокал и ткнул им куда-то в сторону толпы.

– Я собираюсь ухватиться за вон ту малышку, да покрепче!

Ян проследил за направлением, в котором указывал говоривший.

И сперва даже не понял, о чем идет речь. Но вот, двое живо дискутировавших мужчин в возрасте отошли, и Князю открылся взор на девушку, стоявшую в одиночестве в стороне от всех.

Она никого не сторонилась, не смотрела косо и не пыталась принять отстраненный вид, как обычно делали те, кому не хотелось находиться на балу. И всё же, было в ней что-то, что невидимой преградой отделяло её от развеселой, порядком подвыпившей, растрепанной и разгоряченной танцами толпы. Она была частью этого мира и одновременно – не принадлежала ему, как принадлежали все остальные, как будто оставаясь за стеклом.

Ян замер.

Он узнал её лицо, немного непропорциональное, но запоминающееся благодаря необычным чертам. Сочетав на первый взгляд не сочетаемое, природе удалось вопреки всему создать поразительную композицию, чье очарование не мог передать статичный характер фотографии. И только увидев

результат этих трудов в живую, становилось понятно, что её привлекательность была из разряда той, которой требовалось движение, чтобы проявиться в полную силу. Динамичное бурление жизни подчеркивало силу характера и теплоту внутри. То, что на фото казалось плоским, блеклым, в жизни становилось объемным, многомерным, рельефным.

– Хороша крошка, – довольно цокнул языком второй парень, который был ростом чуть пониже первого. Чтобы разглядеть цель своего друга ему пришлось вытянуть и чуть привстать на цыпочки. – Я бы такую повертел... гх-м... в танце.

– Да плевать, как она выглядит! – отмахнулся от него любитель Хемингуэя, шатен с модельной стрижкой, уложенной так, словно её взьерошил ветер, пока он мчал на бал за рулем кабриолета. – Даже, если бы она была страшнее крокодила, я бы всё равно пригласил её на танец. Знаешь, кто это? Старшая дочь Талласа, принцесса и наследница трона. Её муж займет место морского короля!

– И что ты будешь делать на дне моря? – скептически сморщился его приятель, мальчишка с волосами цвета соломы. – Ты даже плавать не умеешь!

– А ведьмы на что? – отмахнулся от его сомнений шатен. – Наколдуют мне какие-нибудь жабры, буду раз в год приплывать к дорогому папаше в гости, а потом, когда он благополучно отвалит к своим предкам на постоянное место пребывания, буду править морем с суши. Неважно! Главное, оку-

читать его дочурку. Ну, как я выгляжу?

И он начал прихорашиваться, ориентируясь на комментарии приятеля: поправлять прическу, одергивать бабочку и проверять запонки.

То, что произошло дальше, Князь не смог объяснить даже спустя время.

Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, он развернулся и решительной походкой направился к девушке. Едва только приблизился, как незнакомка, не ожидая такого стремительного вторжения в её личное пространство, непроизвольно дернулась назад, едва не задев шаткий столик с напитками позади.

В последний момент Князь успел подхватить девушку под спину, восстановив её равновесие и предотвратив столкновение с бокалами, которые неизменно полетели бы на пол, не только испачкав всё вокруг, но и приковав к девушке всеобщее внимание окружающих. И непременно – осуждающее.

– Ох, – выдохнула она, испуганно и благодарно. И подняла на него взгляд широко распахнутых насыщенно зеленых глаз.

Продолжая держать её в своих руках, Ян почувствовал запах соленого ветра. И моря. И горячего песка. И свободы.

Той свободы, которую способна подарить лишь стихия – чистая, яростная, бескрайняя. Вечная.

Тонко, чувственно запела флейта, через несколько томительных мгновений к ней присоединились скрипка и форте-

пиано. В бальном зале зазвучали аргентинские мотивы.

И слова вырвались помимо воли.

– Вы подарите мне танец?

Глава 34

Я создала её такой.

Она – то наследие, которое я собиралась оставить после себя. Вместо себя. Она – мой мемориал.

А всё началось с истории...

С истории, которую все слышали.

Мне её рассказала бабушка, когда я была еще совсем маленькой. Кто-то в неё верил, а кто-то – нет. Но те, кто верили – именно они позволяли Чуме существовать.

Щелкая спицами под неразборчивое бормотания телевизора, бабуля поведала мне легенду о народном мстителе от мира магии. Он стал воплощением справедливости, праведного гнева и независимого правосудия. Он – это отклик на молитвы всех тех, кто жаждал отмщения, но не мог добиться его собственными силами. Кто не мог защитить себя сам или не верил в возможность этой защиты.

Первые упоминания о Чуме появились еще в давние времена, когда не было на этом свете ни бабушки, ни бабушки моей бабушки. Слухи о некоем карателе возникали то тут, то там. Они следовали по пятам за смертью, которая ассоциировалась с тем, кто взялся утолять чужую боль. Даже сложилось поверье: если где-то появился символ знаменитого убийцы – ищи рядом труп. Людей он никогда не трогал, из чего магическое сообщество сделало вывод, что Чума чело-

веком не был и охотился только на себе подобных.

У мстителя имелись принципы, очень скудные, но имелись. И приходил он за теми, кто по его мнению, эти принципы нарушил. Любой, кто перешел черту мог стать следующей целью Чумы. Мститель возникал, будто из ниоткуда, вершил свой суд и исчезал, не оставив никаких следов.

В какой-то момент вокруг личности Чумы сконцентрировалось столько домыслов, что слившись воедино, они породили нечто безразмерно ужасное, чему не было ни объяснений, ни оправданий.

Легенды о нем передавались из уст в уста, на каждом этапе обрстая всё новыми и новыми жуткими подробностями. Лично мне ярче всего запомнилась история о банде оборотней. Звучала она так: однажды Чума поймал насильника-вервольфа и удерживая в неволе больше месяца, каждый день отрезал ему гениталии, заставляя из ночи в ночь обращаться и отрачивать отрезанное вновь. Пытка повторялась до тех пор, пока оборотень не признался, что насиловал не единожды и не один, а в компании высокопоставленных товарищей. Какой была судьба его дружков после того, как их имена стали известны Чуме – неизвестно, но больше их никто не видел. Они по очереди пропали без следа, один за другим. Бесследно испарился и сдавший своих подельников оборотень, когда Чума с ним закончил.

– Думаешь, мститель действительно существует? – испуганно вжимаясь в кресло, пискнула десятилетняя я, глядя

на бабушку, чье лицо, склоненное к груди, скрадывал полумрак, а мягкий свет зажженной позади неё свечи очерчивал силуэт, создавая контраст.

– Он существует потому что есть те, кто в нем нуждается, – в её ответе я услышала мягкую таинственную улыбку, от которой почему-то побежали мурашки по коже и задрожали мышцы.

Бабушка была очень доброй, в этом я никогда не сомневалась, но лишь спустя года поняла, что доброта порой способна приобретать неожиданные формы.

– То есть, мститель был нужен, и поэтому он пришел? – я прижала к себе плюшевого медведя, голова которого была больше моей.

– Мстителя породила народная молва, а потом просто кто-то решил примерить его роль на себя. Так и началась история о Чуме. И в разное время за этим именем скрывались другие имена.

– Но почему именно Чума? – никак не могла успокоиться я.

– Чума – это нечто абсолютное, – поправляя клубок, в котором запуталась нитка, ответила бабушка и продолжила орудовать спицами. – Олицетворение мора, гибели. Что-то, что говорит о невероятном ужасе, о наказании, от которого не сбежать и не скрыться. Давным-давно, в середине пятнадцатого века, когда болезнь, прозванная «Черной смертью» по Великому шелковому пути пришла в Европу, как косой

выкашивая целые народы, летописец из Флоренции Джованни Виллани, описывая в своих исторических хрониках обрушившуюся на его город болезнь, написал в рукописи незаконченное предложение: «Чума продлилась до...». И оставил пропуск для даты, который так и не заполнили. Автор умер. Но в этом незаконченном предложении заключен главный смысл. Чума всеобъемлюща и не конечна.

«Всеобъемлюща и не конечна, – повторила я тогда про себя. – То есть, вечная?».

Нитка опять застряла, натянувшись между туго смотанным клубком и бабушкины спицами. Она вздохнула, неодобрительно покачала головой, пробормотав себе под нос что-то вроде «слишком рано», а после подняла клубок с пола и сунула мне в руки:

– На, поддержи, – сказала она, и продолжила вязание. А я в изумлении уставилась на моток плотной красной нити, которая в тот момент показалась мне живой.

Когда подросла, я стала собирать сведения о Чуме. Одной из примечательных особенностей убийцы было то, что никто не знал, как он выглядел. Даже те, кто утверждали, будто встречались с ним лично, описывали карателя по-разному. Кто-то рассказывал о страшном горбатом карлике, кто-то о высоком лысом мужчине, кто-то вообще утверждал, что Чума – это бодрая седовласая старушка с ледорубом наперевес.

Кто из них был прав – осталось неразгаданной загадкой прошлого, но доподлинно было известно одно: Чума никому

не подчинялся.

Хотя некоторые упорно верили, что мститель – орудие Совета.

Это утверждение вызывало сомнения, ведь у Совета был корволант. Зачем старикам полусказочный мститель-одиночка, если у них под рукой всегда был отряд тренированных бойцов, готовых убивать любого, в кого Совет ткнет пальцем?

Нет, подчинение не укладывалось в схему бытия Чумы, а потому я была уверена – если мститель такой, каким его описывали, то любые виды элит лишь вызывали в нем раздражение и пренебрежение, лишь сильнее подчеркивая образ народного героя.

А герои миру нужны всегда.

Может быть, бабушка была права, и мститель существовал только потому, что в нем испытывали потребность? И именно эта потребность возвращала его вновь и вновь?

Огромное количество вопросов мучило меня после услышанной от бабушки легенды. На самом деле, она впечатлила меня настолько, что я еще долго шарахалась от каждой тени, от каждого резкого движения. Я была напугана. Напугана тем, что однажды Чума может прийти и за мной. Мой страх был близок к страху религиозному, когда детей запугивали карой господней, если они не будут вести себя правильно. Спустя года из таких запуганных детей вырастают не менее запуганные взрослые, которые поступают хорошо и правиль-

но не потому, что хотят, а потому что боятся наказания. Но если страх перед наказанием является основой благочестия и праведности, то такому благочестию – грош цена, ведь идет оно не от душевного стремления, а от внушенного ужаса.

Уникальный рецепт счастья: верить во всё или не верить ничему?

Такой вопрос я задала себе. А потом поняла – неважно, во что верю я, важно во что верят другие. И я собиралась заставить их поверить в себя. Потому что если и была для меня какая-то возможность победить врагов, которые обозначили своё присутствие едва ли не сразу же, как только моя нога ступила на сушу, то только поднявшись выше тех, кто желал мне зла. И не важно, в чем именно это зло выражалось – в смерти, в изгнании или в пленении.

Я собиралась не только забрать себе положенный по праву рождения трон, я намеревалась стать правителем всего мира и превратить мир в своё собственное королевство. Только так я могла защитить себя сразу от всех.

Но для начала мне нужен был кто-то сильный, кто-то сильнее меня нынешней. К тому моменту я уже знала, что звать или не звать Чуму – это всегда выбор. И именно его, осознанно или нет, делали все мои предки. Чума – это сила, которую ты можешь принять или отвергнуть, но не независимо от твоего решения, эта сила продолжит существовать. Просто ею завладеет кто-то другой.

Вездесущего бессмертного мстителя на самом деле нико-

гда не существовало. Была лишь идея, которую воплощали мои праотцы и праматери. На разных этапах жизни каждый из них подхватывал упавшее у предшественника знамя и становился следующим в череде таких же – мстящих и карающих. И имя им всем – Чума.

Я же решила воплотить в жизнь страхи моих врагов, но не просто стать следующей Чумой, а сделать эту силу по-настоящему своей и по-настоящему вечной. Превратить коллективную ошибочность – в коллективное изобретение. Взять миф – и слепить из него новую реальность.

Слепить из него себя.

Поучаствовать должна была и жрица, не по своей воле, конечно, а по принуждению. Она, когда-то отправленная Советом меня убивать, много лет просидела в ловушке, полностью под моим контролем. Старики поставили перед Нуталь задачу – погубить неразумное морское дитя. И сделать это раньше, чем оно вырастет, узнает про возможность призвать силу Чумы и станет опасным. С заданием тварь не справилась. Я не только победила её, перехватив власть над зеркалом, но и заперла тень внутри на долгие-долгие годы, в течение которых копилось моё желание отомстить каждому причастному к открывшейся на меня охоте – отцу, его любовницам, Совету, Князю, любовницам Князя...

С некоторыми из дам вампира я даже специально знакомилась, чтобы посмотреть поближе, что же такого он в них находил. В отношении каждой я строила мстительные пла-

ны, но ни один так и не реализовала, потому что ни одна не показалась мне достаточно любимой Князем. Мне нужна была та, которой он дорожил, а не одноразовый красивый фантик.

По той же причине я не смогла пройти мимо Бель.

Я удивилась, когда увидела её. Это была вторая наша встреча. Во время первой она прощалась. Не со мной, с Князем. А потом уехала.

Повторно судьба свела нас на пляже, вечером, на закате. Примерно за полгода до того памятного понедельника, который начался с трупя ягуара-оборотня в моей квартире.

Была середина осени. Бархатный сезон подходил к концу. Температура воды опустилась ниже пятнадцати градусов. И это отпугнуло даже самых настойчивых и упорных туристов, которым не повезло отхватить отпуск летом.

Пляж был пустынным, но очень красивым. Тени цвета апельсина падали на крыши домов. Вода глянцево блестела, слепя глаза. От горизонта к берегу тянулась солнечная дорожка, будто бы приглашая отправиться в путь.

Я шла по берегу, сняв обувь и зайдя в воду по щиколотки, ощущая триумф стихии. Такие моменты встречи были очень редкими, обычно я старалась держаться подальше от воды, чтобы не переживать каждый раз жестокое чувство разлуки, но в тот день не устояла перед зовом.

Она сидела на берегу, взясь с ластами, маской и трубкой, абсолютно точно не имея никакого представления, куда

и как всё это приладить. Рядом с ней на песке лежал спасательный жилет. Лицо девушки было таким растерянным и сбитым с толку, что я не удержалась от смеха, который она, конечно же, услышала.

Услышала, поглядела в мою сторону, с раздражением тряхнула приспособлением для подводного погружения и надула губы.

– Что смешного? – спросила она, когда я, продолжив путь, поравнялась с ней.

– Ты, – не переставая хихикать, ответила я. – Ты смешная. И красивая.

Она, открывшая было рот, чтобы резко ответить, растерянно вскинула голову и спросила:

– А ты кто?

– Меня зовут Ди, – я подошла и протянула руку для рукопожатия.

Девушке ничего не оставалось делать, как неуверенно потрясти мою ладонь.

Её собственная ладошка была маленькой и чуть теплой.

– Розабель, – проговорила она.

– Мне нравится твоё имя, – улыбнулась я, потому что...

Потому что глядя на неё хотелось улыбаться. Мы были примерно одного возраста, но было в ней что-то такое, отчего о ней хотелось заботиться. Она была как котенок: маленький пушистый комочек, очень милый и очень непоседливый. В ней было то, чем я сама никогда не обладала – трогатель-

ность и непосредственность.

Не спросив разрешения, я села рядом и указала на ласты:

– Хочешь поплавать?

– Да, – пребывая в состоянии легкого замешательства ответила она.

– А не холодновато? Солнце не такое теплое, как раньше. И уже заходит, – сама я могла плавать в любое время года. Как только я входила в воду, всё остальное переставало иметь значение. – Не боишься простыть?

Девушка пожала плечами, что выглядело одновременно и по-женски изящно, и по-детски упрямо. Я вспомнила то, как смотрел на неё Князь там, на балу. Он видел только её. Тогда мне захотелось... захотелось перевернуть весь мир вверх дном.

Лишь бы он на неё так не смотрел.

– Без разницы.

– Зачем тебе это? – никак не унималась я.

Розабель заправила за ухо прядь волос и проговорила, крутя в руках маску:

– Я... я пообещала себе, что буду делать то, о чем всегда мечтала и то, на что раньше не хватало решимости. Мне всегда хотелось научиться плавать, и я решила...

Я кивнула и закончила за неё:

– Решила, что октябрь – самое лучшее для этого время? – мне действительно было интересно.

– Другого, возможно, у меня уже не будет.

Она смотрела на волны, а я смотрела на неё. Смотрела и видела то, что не смогла рассмотреть сразу. А может быть, все-таки рассмотрела и именно поэтому сидела сейчас здесь.

Она была красивой, но в ней жила боль и безнадега. Она была пропитана ими.

«Так вот, почему ты попрощалась с ним, – подумала я. – Вот, почему ты бросила его тогда, на балу, почти три года назад. Теперь я тебя поняла».

Девушка умирала. Сейчас, сидя рядом с ней, я это четко видела. Болезнь сжирала её изнутри. И жить ей оставалось немного. Год. В лучшем случае. Но, скорее всего, и того меньше. Она была сильной, очень сильной, но никакая сила на свете не могла победить то, что уничтожало её тело. Но она боролась. И именно поэтому была еще жива. По сути, лишь невероятная сила воли удерживала её в мире живых. И всё же болезнь была сильнее.

Ян мог спасти её. Мог, но почему-то до сих пор так и не пожелал сделать этого.

Я не помню, когда приняла решение. Я имею в виду, не было какого-то конкретного момента, когда я сделала выбор. Когда выбрала её вместо себя, хоть и зная, что вырвав Бель из лап смерти, я, тем самым, подставлю под угрозу собственную жизнь. Потому что Совет боялся Чуму и только Чуму.

Наверное, я просто делала то, что мне казалось правильным, ведь я хотела, чтобы эта девушка жила.

Глава 35

За месяц до убийства ягуаретта. Третья неделя апреля.
Среда.

«Каждое утро в Африке просыпается газель. Она должна бежать быстрее льва, иначе погибнет. Каждое утро в Африке просыпает лев. Он должен бежать быстрее газели, иначе умрет от голода. Не важно, кто ты – лев или газель. Когда солнце встает, надо бежать».

Беги быстрее.

Или умри.

Потому что где-то в мире, возможно, на другом конце этого маленького круглого шарика есть одна газель, которую ты должен догнать.

Потому что где-то, возможно, прямо за твоей спиной, крадется лев, от которого надо удрать.

– Беги быстрее, – повторила я вслух, – или умри.

Природа не ставит иных целей, кроме выживания. Не важно, кто ты и чему посвящаешь свою жизнь, выжить – вот что главное. Вот, что было моей целью с того дня, как я поняла – Совет хочет моей смерти. Но теперь важно было, чтобы выжила не только я, а кое-кто еще.

Сбежав с утопанной лесной дорожки, я ступила на землю, обильно усеянную осыпавшимися и пожелтевшими иглами, сбавляя темп. Пара шагов – и вот я уже иду меж много-

летними елями, высаженными когда-то аккуратными рядами. Это была так давно, что никто и не вспомнит, когда вошли первые ростки. А теперь некогда слабые зеленые всходы соединялись над моей головой, заслоняя небо.

Я старалась двигаться тихо, не издавая ни звука, но это было почти невыполнимой задачей.

Стояло раннее утро. Где-то там, далеко шумел просыпающийся и вступающий в фазу активной жизнедеятельности город. А здесь, среди многолетних вечнозеленых деревьев никого не было, лишь птицы встречали новый апрельский день разноголосым чириканьем, устроив утреннюю распевку и переключку, в тишине леса походившую на грохотание оркестра. Еловый ковер шуршал и проминался под моими ногами, я чувствовала неустойчивость каждого шага. И чем глубже в лес заходила, тем сильнее колебалась земля под моими ногами. В какой-то момент мне показалось, будто я шагаю по воде, усеянной древесным мусором.

Деревья вокруг меня густели. Количество света, пропускаемого кронами, уменьшалось. Создавалось впечатление, будто день промелькнул как молния и наступили сумерки. Но я знала, что это – лишь наваждение. И упорно двигалась дальше, пока ели вдруг не расступились, и я не оказалась перед густыми зарослями дикого боярышника, росшего беспорядочно – во все стороны сразу. Некоторые разрослись настолько, что лежали на земле, как уроненные плети.

– Серьезно? – пробормотала я себе под нос. – Ладно, будь

по-твоему.

И полезла внутрь зарослей, не очень аккуратно убирая со своего пути ветки, густо усеянные мелкой листвой. Ветки били по лицу, царапали незащищенные руки и ноги, цеплялись за одежду и, казалось, всеми силами пытались меня остановить.

Когда вокруг щиколотки вдруг обвился тонкий пруттик, обжигая и с силой стягивая кожу, я вскрикнула и рухнула на колени. Ко мне змеями поползли другие ветки, желая схватить, связать, обездвижить.

– Если ты оставишь меня здесь, то никогда не узнаешь, зачем я пришла! – выкрикнула я, крепко зажмуриваясь. – И что хочу тебе предложить! А тебе ведь интересно, правда?

Последние слова прошептала, роняя голос до едва различимого стога. Но знала, что буду услышана.

Ветки замерли, покачались в воздухе некоторое время, вновь напоминая змей, но теперь уже тех, чьим вниманием завладел заклинатель, а после медленно отступили.

– Так-то лучше, – кивнула я, встала, отряхнула руки, вытерев их об велосипедки.

Стоило мне сделать шаг, как ветки с шуршанием раздвинулись, и я увидела небольшую полянку с фруктовыми деревьями. Некоторые из них цвели, другие уже дали сочные плоды, что противоречило всем законам равновесия.

Под деревьями густыми гнездами росли грибы. Я была препаршивым грибником, с трудом отличая лисички от мы-

шат. А подберезовик от подосиновика не отличила бы, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Но мухоморы узнала сразу.

Их было много.

И особенно обильно эти опасные грибы росли под скромным домиком.

Простая кладка из белого необработанного камня, чуть поблескивающего на солнце, с промазанными смолой швами. Покрытая мхом крыша. Три фонаря над входом. И столько же деревянных ступенек, ведущих в дом.

Заскрипела дверь, открываясь.

Я оглянулась назад.

За стеной боярышника было невидно леса, зато солнечный свет лился обильно, рассеивая гнетущую атмосферу.

Я прошла мимо яблони, на крепки ветвях которой болтались крупные наливные красные яблоки, так и притягивавшие взгляд.

Рот моментально заполнился слюной. Я тяжело сглотнула и тряхнула головой, отвоевывая свой разум у наваждения.

Ускорилась, взбежала под затрещавшими подо мной ступеньками и вошла в дом.

В одном углу стоял большой чан, балансируя на черной металлической решетке. Законченное выгнутое дно лизали языки пламени. Сам чан был таким огромным, что при желании я могла принять в нем ванну.

В другом углу находилась печь с большим дымоходом. Ря-

дом стояла внушительных размеров метла, которой совершенно точно не мели дом. Здесь же высилась ступа, выдолбленная из цельного деревянного чурбака.

Под единственным, затянутым густой паутиной окном расположился стол, заваленный всякой всячиной. Под столом лежали огромные мешки, плотно набитые чем-то, о чем мне не хотелось знать. На единственной табуретке сидела черная кошка с желтыми глазами.

Животина умывалась, когда я вошла, оглядела меня немигающими желтыми глазищами и громко возмущенно мякнула. Потом отвернулась и продолжила своё прежнее увлекательное занятие.

Протяжно заскрипели половицы. Часть пола, выложенного строганными досками, начала подниматься. Это была крышка подпола, а под ней – скопление непроглядной тьмы. И из этой тьмы выступила та, которая когда-то была богиней.

А теперь довольствовалась обществом своей заколдованной кошки и волшебных мухоморов.

– Привет, – усмехнулась я, глядя на то, как она выкарабкивается из подпола, придерживая рукой в черной перчатке длинный струящийся подол, словно бы сотканный из той самой тьмы, из которой она только что выбралась.

Она не ответила. Опустила крышку, упавшую с глухим ударом, и направилась к печи. Отодвинула заслонку и что-то швырнула в огонь, который моментально вспыхнул ярче, раздражённо зашипел, печь загудела и будто бы даже задро-

жала, а вместе с ней задрожал и весь дом.

– Образ ведьмы тебе идет, – продолжила я беседовать то ли сама с собой, то ли с кошкой.

Последняя меня подчеркнуто игнорировала, намывая усатую морду.

– Зачем пришла? – спросила бывшая богиня, стоя ко мне спиной. Уже не такой прямой, не такой горделивой, как раньше.

Время никого не делает лучше. Оно ложится на наши плечи тяжелой ношей. Это опыт и разочарования.

– За помощью, – кратко ответила я, пристально следя за каждым движением женщины, о силе которой могла лишь догадываться.

Хриплый кашляющий смех взлетел к потолку, напугал вздрогнувшую кошку и приземлился на мою кожу, заставив содрогнуться от ощущения, будто меня прихлопнули грязным пыльным мешком. Одним из тех, что был под столом. И я готова была молиться всем своим предкам, лишь бы никогда не увидеть, что в них.

– И ты смеешь...

– Смею, – прервала её я. – Смею, потому что... у меня нет другого выхода. Тебе ведь знакома эта ситуация, правда? Когда все вокруг тебя сильнее, а ты – маленький и одинокий, словно щепка, отколовшаяся от угодившего в бурю корабля. Идешь на дно и знаешь, что никто не спасет.

– Чего ты хочешь? – после затянувшегося молчания спро-

сила та, что вошла практически во все человеческие легенды. В том или ином образе.

– Хочу узнать, – стараясь скрыть вздох облегчения, начала я, – как можно передать силу... человеку.

Короткий надменный смешок. Она не желала поворачиваться ко мне лицом, предлагая любоваться спиной на фоне печной кладки.

– Тогда тебе не ко мне, – ответила женщину. Когда-то очень давно её изгнали из собственного дома. Из собственного дворца. Наши судьбы были похожими. – Тебе к вампирам или к оборотням. Они на этом специализируются.

– Это не то, – замотала я головой. – Это не подходит. Мне нужен другой способ, у этих слишком много побочных эффектов.

Едва заметный поворот головы. Черные локоны неестественно зашевелились, как будто там, под слоем волос пряталось что-то, что могло действовать, жить, дышать самостоятельно.

– Что я получу взамен?

– Я верну тебе твою жизнь. Бывшая богиня, выращивающая волшебные мухоморы и яблоки, одним из которых отравили Белоснежку? Серьезно? Кому расскажешь – не поверят! Тебя изгнали, отобрав власть. Я помогу вернуть утерянное.

– Моего царства больше нет. Ныне оно не существует.

– Да, но ты можешь получить в своё распоряжение ка-

кой-нибудь небольшой водоем. Будешь там править в своё удовольствие, восстановишь силы, вновь станешь богиней. При большом желании даже найдешь себе последователей, обрешь паству.

– А что получишь ты?

– Спасение, – коротко ответила я.

Она швырнула горсть травы на угли и всмотрелась в позеленевший огонь. Я не знала, какие образы она видела в печи, но какими бы они ни были – они несли в себе правду.

– Всех не спасти, принцесса. Люди болеют, умирают. И это нормально. Это часть их существования. А то, что ты задумала можно будет проверить только раз. Потом сделанного не воротишь. И ответ тебе придется держать перед всем родом, а не только перед бабушкой. Уверена, что готова рискнуть и отдать силу Чумы?

– Да.

– Твоё право.

– Что нужно сделать?

– Чума уникальна тем, что уравнивает абсолютно всех: богачей и бедняков, богов и людей, молодых и старых, мужчин и женщин. Даже самых сильных и самых слабых Чума приводит к общему знаменателю. И никто не может противостать ей. Сила откликается на зов твоего рода, потому что вы с начала времен давали ей то, чего она желала – вездие. Ты сможешь передать силу, только отдав часть себя.

– Как?

– Есть несколько способов. Один из самых действенных – раздробив своё сознание и поместив его осколок в того, кого хочешь сделать своим подобием.

– Что-то мне это напоминает, – скривилась я. – Решила повторить историю с Каем и Снежной королевой? Одного раза было недостаточно?

– Видишь, – я услышала язвительную улыбку в её словах. – Ты уже знаешь, что нужно делать. Но контролировать своё сознание нужно так, как если бы это была твоя рука или нога.

– С контролем у меня проблем нет. Как раздробить сознание?

– Ты же помнишь сказку, – продолжила ухмыляться невидимой мне улыбкой черноволосая. – Всё началось с разбитого зеркала.

– А потом мне нужно найти мальчика, воткнуть в него осколок и заставить сложить из кубиков льда слово «вечность»? – закатила я глаза. – Ты шутишь?

Тяжелый вздох прозвучал от печки.

– Нет, потом нужно одновременно совершить и великое зло, и великое добро.

– А так бывает? – решила уточнить я, потому что у моей собеседницы и раньше были не хилые такие косяки из-за привычки всё усложнять. Вот, например, почему именно слово «вечность»? Покороче ничего не нашлось?

– Требуется спасти и погубить. Столкновение полярных

действий сделает твоё сознание хрупким, и ты сможешь отделить часть.

– Великое зло? То есть, часть задачи – убить?

– Убить невинного, – уточнила женщина, – это самое величайшее зло. Это та самая трансформирующая сила, которая способна поглотить любого, если не сможешь ее обуздать. А ты сможешь, принцесса?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Ладно, с великим злом разобрались. А что по поводу великого добра?

– Самопожертвование.

И она развернулась.

Я встретила её, удерживая на лице смелую улыбку.

– Самопожертвование ради убийства недобитой жрицы культа людоедов подойдет?

– И где здесь великое зло? – прищурилась женщина. – Она не считается невинной душой.

– Невинной душой буду я.

Когда я уже собралась уходить, хозяйка домика спросила:

– Зачем тебе всё это время нужна была Нуатль? Столько сил тратила, просто чтобы удерживать её внутри ловушки, что почти потеряла саму себя.

– Хотела освободить маму, а к змеюке подселить Совет, – честно призналась я. В том, что бывшая богиня знала про зеркало меня не удивило. Это ведь она его когда-то создала. – Показалось забавным.

– Странное у тебя чувство юмора, дорогая племянница.

– Передам папуле от тебя привет! – отсалютовала я и выбежала прочь.

Глава 36

Когда мы в очередной раз встретились на пляже, я спросила Бель, ковыряя песок обломком ракушки:

– Ты веришь в перерождение?

– В буддизме перерождение является одной из основополагающих идей, – скромно ответила девушка. – За каждой жизнью следует смерть, потом новое рождение – и снова смерть. И так по кругу, опять и опять. Цепочка бесконечных перерождений. Сансара. И всё ради достижения высшей цели – нирваны.

– Нирвана – это ведь освобождение, верно? – улыбнулась я, кивая с пониманием.

– Вообще-то, с санскрита нирвана переводится как угасание, – мягко поправила меня Бель. – Угасание, которое освобождает от беспокойства и от результатов прошлых действий, то есть, от кармы, которая является частью сансары.

– Значит, сансара – это что-то плохое?

– Сансара – это результат, – благодарно улыбнулась Бель в ответ на мой интерес к теме. – Результат непонимания своей сути и мира вокруг.

Мы еще долго обсуждали, что есть хорошо и что есть плохо с точки зрения буддистской мудрости.

– Какой же сегодня замечательный день, – я с наслаждением вытянула ноги вперед, упала на спину и раскинула руки

в стороны. Полежала так немного, потом приоткрыла один глаз и просила у Бель: – Может, поплаваем?

– Серьезно? – рассмеялась она. – В конце октября ты уверяла, что там холодно, а в апреле предлагаешь искупаться? Кроме того, – моя новая знакомая смущенно потупила взгляд, – я по прежнему отвратительно плаваю.

– То есть, покупка ласт в этом деле не помогла? – хитро улыбнулась я.

Бель смешно поморщила нос.

– Ну, я немного научилась, – она оглядела собственные острые коленки, стряхнула несколько крупных желтых песчинок, налипшие на её спортивные брюки и договорила: – Вот только училась я в бассейне! Там нет волн и... чаек! И медуз! И акул!

– Здесь тоже нет акул, которые бы позарились на такой суповой набор, как ты! – расхохоталась я. – И не важно, насколько холодная сейчас вода. Моё море не даст тебе замерзнуть!

Брови девушки выгнулись, выражая удивление и сомнение.

В моей адекватности. Но я лишь громче засмеялась, схватила её за руку, вынуждая подняться и побежала к воде, таща девчонку за собой.

Она громко заохала и запрыгала на месте, когда волны захлестнули её бедра, и взвизгнула, когда я, шедшая впереди, дернула девчонку на себя. Ноги её поскользнулись на скольз-

ких камнях, и она с головой ушла под воду. Туда же нырнула и я, не выпуская её руку и заставляя плыть за собой.

Приветливая бирюза мелководья стремительно сменилась на загадочную, темную, глубокую синеву открытого моря. Магия кружила вокруг меня призрачным голубоватым сиянием, плавно направляемым мной и на Бель, чью руку я не отпускала. Она барахталась изо всех сил, рвалась назад, пускала пузыри из-за надутых щек. Глаза её были выпучены и бешено вертелись в глазницах. Она была в ужасе, воздух в её легких заканчивался. Она почти захлебывалась. Я чувствовала нарастающую истерику, которая вот-вот должна была перерасти в неконтролируемую.

Отпустив её руку, дальше я поплыла сама. Удерживать девчонку силой на месте не имело смысла. С этой задачей прекрасно справлялось море. Моё море, которое легко подчинялось даже не желанию, а зачатку мысли.

Вода проникала в неё – в уши, в глаза, в носоглотку. И вместе с водой проникала и магия моря. Я чувствовала, как мои мысли, мои желания, мои стремления, мои силы вливаются в неё, как в пустой сосуд, вытесняя собой то, что убивало её. Те клетки, что болезнь еще не успела сожрать, преобразовывались. Перестраивались цепочки ДНК, менялось число хромосом. А я, стараясь не оглядываться, уплывала дальше, оставляя с ней и для неё магию своего рода, которая обвивалась вокруг тела Бель тугими мерцающими лентами...

В тот день её болезнь была остановлена, но пока еще не побеждена. Лишь убив жрицу, я смогла завершить начатое, а амулеты Табиты послужили проводниками, направив силу Чумы. Я плохо понимала, что создаю, но в одном была уверена твердо – я всё делаю правильно.

***

Рядом со мной всегда было много тех, кто носил не одну, а сразу несколько фальшивых личин. Они напоминали мне гнилой лук – чтобы добраться до целой сердцевины, придется поплакать и скovyрнуть не один слой.

Но если про Макса я действительно узнала от отца, то кто такая муза я знала всегда. Потому что бабушка всегда учила меня быть осторожной и предусмотрительной, не верить ни врагам, ни друзьям.

Я и не верила.

Бабушкины слова окончательно подтвердились, когда я случайно столкнулась с родителями Фирусы в парке. Я узнала их сразу, ведь мы были знакомы.

Они вели куда-то незнакомую мне девчонку. Или, скорее, девчонка вела их.

Я остановилась, чтобы поздороваться и в этот момент подбежала бродячая собака, которую я подкармливала. Дворняга зарычала на незнакомую девчонку. Та шарахнулась в сторону, а в глазах её полыхнули белые отсветы магии. Самой сильной магии, которой коллективно владел Совет.

Уже потом, немного порывшись в архивах, я узнала, что

у родителей Фирусы была еще одна дочь – Симона. И когда спустя года эта девчонка, заметно подросшая и почти до неузнаваемости изменившаяся въехала в соседнюю со мной квартиру я не была удивлена. Мне было одновременно и смешно, и грустно, но удивления не было. Скорее, хотелось узнать, что же они, то есть, Совет затеяли.

О том, что Симона работала на Совет мне рассказала бабушка. Не прямо, конечно. Но о традиции забирать муз-первенцев я узнала от неё. Бабушка была просто кладезем информации. Но не всем бабуля желала делиться. Например, про амулеты она не захотела мне рассказывать. Пришлось добывать сведения самой, а в качестве зверька на побегушках использовать... Нуатль.

Контролировать тень было очень нелегко, приходилось постоянно сжимать в руках поводок, но гадина, пошастав по зеркалам, смогла найти первый амулет. Тот самый, который получила от своей матери Се-Шат, средняя сестра, владевшая талантом влиять на умы посредством слов – написанных и произнесенных. Её амулет я получила первым и долгое время постоянно носила с собой.

Се-Шат жила современной жизнью, работала ведущей авторской программы на одном из крупных телеканалов и не сильно изменилась с тех времен, когда на стенах затерянного среди песков храма были вывешены фрески с её изображением. Она же отдала мне первый из трех амулетов, который оказался ничем не примечательным камнем. Сама Се-

Шат хранила его в аквариуме с рыбками. И пока я сачком вылавливала гуппи и скалярий, Нуталь продолжала рыскать в поисках камня, который принадлежал матери, потому что вопреки уверенности Макса я не знала, где он.

Я понятия не имела, с чего нужно было начать. Самым логичным казалось предположить, что амулет остался в королевстве, во дворце. Однако я знала, что её спальню перedelывали и не раз. Каждая следующая отцовская жена перекраивала покои королевы по собственному желанию и найти в них что-то спустя столько лет было просто нереально.

Я настолько интенсивно думала о поисках амулета, что мне начали сниться очень странные сны. В этих снах я искала камень в собственной квартире. Искала и, что самое странное, находила. Но где именно он был спрятан, мне так и не удалось понять.

А вот Ян сообразил.

Как он всё понял – не знаю. Возможно, вампир за мной следил. А возможно, кто-то донес. Например, муза, ведь они оба трудились на благо Совета. Ни один из этих вариантов нельзя было считать достаточно убедительным, и при этом ни один из них нельзя было вычеркнуть с полной уверенностью. Лишь в одном я не сомневалась – Совет нужно было уничтожить. Или они уничтожат меня. Додумались же старики натравить на меня тень. Кто знает, до чего еще была способна докатиться их фантазия. Нужно было действовать аккуратно, но быстро – посадить всех пауков в банку и за-

ставить их друг друга кушать. А самой неторопливо подчищать хвосты.

Чего я не учла, так это того, что иногда чужие желания могут быть сильнее моего везения...

***

Потоки воды струились во волосам и стекали ниже по телу, смывая пену. Движение воды повторяли мужские руки, которые скользили по изгибам, изучая и поглаживая каждую впадинку моего тела, резко сжимая особо выдающиеся места и почти сразу ослабляя хватку, будто бы показывая, насколько сильным и голодным он может быть.

Каждое движение его рук было в новинку. Загадочным трепетным испытанием, которое пробуждало какие-то глубинные чувства, вынуждая покорно замирать и наслаждаться уверенными прикосновениями.

Такое со мной было в первый раз.

На самом деле, я считала, что вообще не способна переживать такие эмоции. Глубокие, доходящие до пароксизма.

Да, меня лихорадило.

Лихорадило от него, от его рук, от его дыхания, которое тяжелело с каждым вдохом. От ощущения, как он прижимался ко мне сзади, показывая, насколько сильно возбужден и насколько я – желанна.

Конечно, у меня были мужчины и раньше, но всё, что я переживала с ними было лишь тенью, отголоском чего-то настоящего. Я это чувствовала. И они это чувствовали, считая

мне холодной и безучастной ко всему, что происходит в постели.

Я же после нескольких попыток решила, что просто не создана для любви. Есть же люди, которые не умеют петь или фотографировать. Сколько их не учи, а ни Паваротти, ни Картье Брессона из них не выйдет. Наверное, также было и со мной – сколько не ищи любви, а если любить не умеешь, то итог всё равно будет один.

Я умела лишь ненавидеть.

И подделывать эмоции, как некоторые ювелиры подделывали драгоценности.

Но делать так, чтобы они лились из меня чистым щедрым потоком я просто не умела.

А теперь в моей жизни появился человек, который пошатнул мою уверенность в собственной эмоциональной атрофии.

Его руки дрогнули, поддавшись нетерпению и выдав в нем животную неуравновешенность. Таковую, когда хочется рвать, грызть, вцепляться в свою жертву. Не знаю, понравились бы мне подобные игры с кем-то другим, но с ним они казались... естественными.

Всё казалось естественным, правильным, единственно верным.

Он возвышался надо мной больше, чем на голову, прижимая спиной к своей груди. Кожа горячая, почти обжигающая, в противовес моей, которая умела быть только хо-

лодной, как вода. Но вода может быть подвижной, поглощающей. Вода может принять и растворить в себе. И я хотела, чтобы он растворился во мне. Я желала его так, как только способна женщина желать мужчину в первый раз.

Над моим ухом раздалось рычание. Я была так плотно прижата к нему, что от этого рычания завибрировало что-то внизу живота. Я охнула, и закрыла глаза, непроизвольно сжимаясь, пытаюсь спрятаться, защититься.

Резко вспомнилась та ночь, когда мы встретились в первый раз. Когда он стоял передо мной, готовый вырвать моё сердце, а я не видела ничего, кроме темноты, сквозь которую мне на встречу неслась гибель.

– От тебя... воняло, – задыхаясь, с трудом проговорила я. В приоткрытый рот затекала вода, которая была настолько горячей, что всю душевую окутал туман.

– Что? – не понял он. Ему тоже не хватало воздуха. – Чем?

– От тебя несло мокрой псиной, – кое-как выговорила я. Внутри всё горело огнем. И я не могла потушить этот огонь, потому что раздувал и контролировал его он. Контролировал своими руками, бедрами, губами, скользящими по моей шее. Кто бы мог подумать, что шея – настолько чувствительное место.

Решив, что больше просто не в силах это выносить, я попыталась отстраниться. Но меня рывком вернули обратно, пресекая любые попытки к сопротивлению.

Его рука соскользнула с мокрой щеки на шею, погладила

ключицы и отправилась в путешествие ниже, к мягкому животу, застыв там и не дойдя до самого интимного лишь чуть-чуть. Но именно в этот момент я всем своим естеством почувствовала собственную незащищенность.

Вернее, я о ней вспомнила. Всю жизнь старалась забыть, а тут – одно движение и все воспоминания на голову, как град.

Мужчина за моей спиной был злым, жестоким и сильным настолько, что в любой момент из его пальцев могли вырваться когти и закончить то, что начали тогда, у дома Фирусы. Но сейчас, держа руку на моем животе, демонстрируя мне мою полную беззащитность, он просил сделать то, чего я никогда не делала и не умела делать – довериться ему.

Доверие через страх.

Полная уязвимость.

Я подняла лицо, взглянула ему в глаза и оказалась в капкане.

Это страсть или безумие?

– Незадолго до встречи с тобой, я подрался с одним волком, – прошептал он мне в губы.

– Зачем?

– Потому что мне так захотелось. Мне захотелось его убить – и я убил, – он улыбнулся, но улыбку эту я не увидела, а ощутила губами, накрывшими мои. Поцелуй был нежным, ласковым, сладким и тянущимся, как патока, но одновременно невыносимо откровенным, говорящим о многом.

Слишком о многом.

Оторвавшись от моих губ, он рывком развернул меня к себе, толкнул к стене, одновременно прижимая к ней собой. Животом я ощутила красноречивую твердость, которая буквально взорвала мой мозг желанием. Настолько мощным, что перед глазами заплясали разноцветные огоньки. Обняв моё лицо ладонями, он погладил большими пальцами подбородок и сказал, улыбнувшись краешками рта:

– Хочешь уничтожить Совет? Знаю, что хочешь. Когда в секрет посвящены двое – это уже не секрет. А ты кровожадная... Знаешь, как я понял? У тебя глаза акулы на охоте. Восхитительный взгляд! – я увидела в нем восхищение, близкое к поклонению, которое впервые за долгое время немного ослабило чувство вины. – Я сделаю это для тебя. Тебе ведь нужна армия? Я соберу её для тебя. Лучшую армию, какую только видел мир. Я – ягуаретта, в этом нам нет равных.

– Армия? – с губ сорвался горький смех. – Мне не нужна твоя армия! Я всё могу сама!

– Ты хочешь на трон? – оборотень легонько, но требовательно встряхнул меня.

– Хочу, – честно ответила я.

– Я дам его тебе. Но только с одним условием, – его взгляд пробивал насквозь, подавлял и требовал подчиниться. Он был готов весь мир выстелить перед моими ногами, но сама я должна была признать его власть над собой.

– Каким? – шепотом откликнулась я, боясь даже моргнуть.

– Я хочу тебя. Всю, без остатка. Хочешь власть? Ты её получишь. Я дам её тебе. Но взамен я получу тебя. Не торопись с ответом, а сперва запомни вот что – я никогда не уступаю. И никогда не позволю забрать у меня то, что считаю своим. Если не смогу завоевать тебя, то... я уничтожу тебя. Помни об этом.

Я смотрела в его золотые глаза и думала о нас, как о паре. Возможно ли это?

Если да, то наша история не будет трогательной, чистой и прозрачной, как стекло. Она будет подобна канкану на минном поле. И всё же... шанс пережить бурю стоил того, чтобы рискнуть и станцевать.

Он еще раз коснулся моих губ в мимолетном поцелуе, а после отворил створку душевой кабины, схватил полотенце, намотал его и вышел.

Я осталась одна.

Несколько минут просто смотрела, как льется вода из лейки, мелкими брызгами орошая воздух и наполняя его влагой.

Говорят, ненависть создает лучших любовников.

Выключив воду, я, мокрая и голая, роняя на пол водяные кляксы вышла из ванной и пошла на звук заигравшей музыки. Дом, в котором обитал оборотень и куда привез меня после собственноручно подстроенной аварии, вытащив из перевернувшегося джипа, был новым, недавно отстроенным. В нем еще витали отголоски строительных запахов – штукатурки, клея, краски.

В комнате, на дорогом белом диване сидел ягуаретта. При моем появлении он поднял лицо и пронаблюдал за тем, как подойдя, я забралась ему на колени, усевшись поверх бедер. Тело златоглазого напряглось, отреагировав на касание кожи, на тесную близость.

– Зачем тебе это? – спросила я, чувствуя, как то, что было подо мной начало вновь стремительно увеличиваться в размерах. – Зачем тебе я?

Его рука накрыла мою грудь, с наслаждением стискивая и вырывая стон из горла.

– Просто потому что хочу.

Добившись, чего хотел, он разжал пальцы и потянулся вверх, к волосам. Обернув мокрые пряди несколько раз вокруг ладони, он дернул, вынудив запрокинуть голову назад и приникнув губами к шее.

Первым инстинктивным порывом было защититься.

Ладонь сама уперлась в его плечо в попытке оттолкнуть. Но он лишь улыбнулся мне в шею, не сдвинувшись ни на миллиметр. А после положил свою ладонь поверх моей, будто подталкивая осознать и принять, насколько я слабая и маленькая в сравнении с ним.

Это там, под водой, я была повелительницей стихии, а здесь, силой был он.

И кажется, он не собирался позволить мне забыть об этом.

Я могла бы попытаться повоевать, напомнить, что он – наверху только до тех пор, пока я не решу свистнуть и вызвать

цунами. Но он знал, что я не стану этого делать.

– Я согласна, – сказала и нервно дернулась, потому что руки оборотня без предупреждения впились в мои ягодицы, удерживая на месте и вдавливая в себя. Охнув, я договорила слабым голосом: – Ты получаешь меня, а я – весь остальной мир.

– Что будешь делать с Максом и Лозовским? – прошептал он, прокладывая дорожку из поцелуев по ключице.

– С ними-то? – искренне задумалась. – Еще не решила. Надо подумать, посоветоваться с Бель. Ты ведь вернешь мне мою девочку? Пытки очень плохо сказываются на характере красоток.

Он застыл, сжав меня в своих объятиях с такой силой, что я не удержалась и застонала от боли.

– Слышу опыт в твоих словах, – зарычал он мне на ухо и тело откликнулось на этот рык. Будто что-то во мне было настроено на него и реагировало с охотой, которая пугала даже меня саму. – Кто?

– Я не хочу..., – начала было я, но его рука легла на мой затылок, а глаза поймали взгляд. Не знаю, что он видел на моем лице, я на его видеела отражение той тьмы, что умела поглощать без остатка – не только тело, но и душу.

– Кто? – спросил он таким тоном, от которого стало жутко.

Я упрямо помотала головой, не желая отвечать.

– Значит, умрут все, – вынес вердикт ягуаретта.

– Их смерть не решит проблему, – печальная улыбка по-

лучилась помимо воли. – Знаешь, сегодня, похоронив неизвестную девушку под именем своей подруги, я ощутила такую пустоту внутри, что уже была готова всё бросить. И просто исчезнуть. Но теперь... теперь мне кажется, что у меня получится.

– Как пожелает моя королева, – проговорил он, сверкнув жестокими глазами, и потянулся к моим губам.

Враг заигрывал со мной, соблазнял, манил, искушал. Он был повсюду. И ждать спасения... было глупо.

ДОПОЛНЕНИЕ

В конце дня Ян сидел в своем кабинете, с головой погружившись в безмолвное одиночество.

На рабочем столе горела лампа, очерчивая желтый круг.

Его взгляд, сперва бестолково бродивший вокруг, пере-скакивая с одной вещи на другую, зацепился за книжные полки, пробежался по корешкам. Вампир невольно вспомнил, как и когда к нему попал каждый том и чем он ценен. Коллекция была обширна. Имелись в ней как простые, ничем не примечательные издания, так и редчайшие экземпляры, ради обладания которыми пришлось потрудиться. Артефакты человеческой культуры стоили не мало и хранились, как правило, в частных библиотеках очень богатых людей, предпочитавших не выставлять на показ свои богатства. Со многими из них Ян успел познакомиться лично. Князь считал, что если и существовал какой-то смысл в скоротечности их хрупкого существования, то он заключался вот в этом — в произведениях, которые люди способны были создавать.

Неожиданно привлеченный собственными книгами, текст большинства из которых он мог воспроизвести по памяти, Ян встал и приблизился к полкам. А там «Кентерберийские рассказы» Чосера соседствовали с Библией Гутенберга, Трактат о плодовых деревьях теснил «Институты христианской религии» Кальвина, «95 тезисов» Лютера возвышались

рядом со стихотворениями Сафо, Евангелие Генриха Льва прекрасно смотрелось рядом с Лестерским кодексом, а География Клавдия Птолемея неплохо уживалась с «Сезоном в аду» Рембо. Самыми последними в ряду стояли диалоги Платона. К ним Князь и потянулся.

В коридоре послышался шум, источник которого быстро оказался на пороге кабинета Князя, застав последнего склоненным над раскрытой книгой и водящим пальцем по расползающимся перед глазами строчкам.

– Зачем явился? – не поворачивая головы спросил вампир, когда дверь с шумом распахнулась и не ударилась об стену только потому, что в неё успела мертвой хваткой вцепиться Карла. Служанка маячила за спиной незваного гостя, нервно кусая губы и виновато глядя на хозяина.

На вопрос никто не ответил, и вампир соизволил оторваться от книги.

– Простите, – пискнула Карла, поймав мрачный и злой взгляд Князя. – Я говорила, что к вам нельзя, что сегодня вы никого не принимаете! Но он меня не слушал! Я...

Взмахом руки Ян не дал перепуганной девушке договорить и приказал:

– Свободна, дальше я сам разберусь.

Рвано поклонившись, девушка развернулась и умчалась.

– Ты перепугал мою прислугу, – вампир бросил книгу на стол, ленивой, но угрожающей походкой прошелся по кабинету, будто впечатывая каждый шаг в пол, и встал напротив

своего соперника.

Вернее, незванный гость по собственной инициативе назначил себя соперником вампира. Самому Князю никогда не хотелось ни с кем соревноваться, тем более, за женщину. Тем более, за Ди. Соперничество предполагало желание владеть женщиной целиком и полностью, подразумевало стремление подчинить себе всё её существование, а Ян... Ян считал, что морская принцесса, кем бы она ни была в прошлом, какой бы не стала в настоящем и к чему бы не стремилась в будущем была выше такого хозяйского отношения. Да и сам Ян не привык кому-то что-то доказывать. Он считал себя тем, кто не нуждается в подтверждении собственного неоспоримого величия.

– Либо ты успокоишь свою магию, либо я вышвырну тебя в окно, – спокойно и даже чуть небрежно предупредил вампир.

Принц Тэян, буквально пышущий гневом и ревностью, неотрывно глядел на вампира. С его внушительных кулаков сыпались серебряные искры, дорожка вздувшихся на руках вен светилась бледно-голубым, а радужка полыхала ослепительной лазурью.

– Ладно, желание гостя – закон, – с издевательской улыбкой пропел вампир и шагнул навстречу принцу.

Тэян выпрямился, каждая мышца на его внушительном теле напряглась, будто натягиваясь до предела. Он замер на мгновение, а после с шумом выдохнул, ссутулившись.

– Тебе бы отдохнуть, – продолжил недобро ухмыляться Князь, – съездить в отпуск. Трупы в морге пободрее и посвежее выглядят, чем ты. Что, соседство со Змеем не порадовало приятным опытом?

– Да пошел ты, – тяжело выдохнул Тэян, глядя на вампира с ненавистью в успокаивающихся глазах, медленно возвращающихся к своему природному цвету. Вены его потускнели, мышцы если не расслабились, то хотя бы перестали бугриться, наливаясь силой, которую он в этот момент почти не контролировал.

– Я бы пошел, да некуда, – самодовольно развел руками вампир, обводя свой кабинет. – Это мой замок, в который ты вломился.

– Есть повод! – прорычал принц, оттолкнул хозяина кабинета, прошел вглубь и без сил упал в одно из кресел, стоявших напротив стола.

Князь непроизвольно поморщился. Когда-то в этом кресле любила сидеть Бель.

Но промолчал.

Так же молча проследовал к столу и остановился, глядя на уставшего и где-то даже изможденного принца свысока.

– Уверен, что выдержишь? – спустя несколько томительных мгновений, наполненных бездействием, равнодушно бросил Князь. – Змей намного старше и сильнее тебя, держать его в узде будет стоять огромных сил.

– Выдержу! – рявкнул Тэян, неистово потерев ладонями

лицо.

– Нет, – спокойно, но уверенно отрезал Ян. – Не выдержишь. Без неё – у тебя никаких шансов.

– Она ушла, – через силу проговорил Тэян и гулко сглотнул. – Сбежала. Банши ей помогала. Мне донесли, что и муза вновь с ними.

– Знаю, – лениво откликнулся Ян. – Это я сказал банши, где искать.

– Зачем? – стискивая пальцы, процедил сквозь зубы принц.

– А зачем ты девчонку в решето превратил? – вопросом на вопрос спросил Ян.

– Я старался уберечь Ди от музыки и её поганой сестрички! – Тэян вновь принялся тереть лицо. – Она даже не подозревает, кого впустила в ближний круг! Эта дрянь шпионит для Совета не один год!

– Знаю, – невесело хмыкнул Князь, подведя итог чужих бездумных действий. – Думаю, и для Ди это тоже давно не тайна.

Тэян поднял большие чуть припухшие глаза человека, который очень давно не отдыхал.

– Откуда такая уверенность?

– Иначе муза бы не бегала с дыркой в боку, – рассмеялся Ян. – Брось, Тэян, ты хоть и превращаешься в дурака каждый раз, когда речь заходит о ней, но мог бы и догадаться.

– Хочешь сказать, – начал соображать принц, – что в Фи-

русу стреляла Ди?

– Не знаю, – демонстративно развел руками вампир. – Может быть, у тебя есть еще какие-то варианты? Может быть, у тебя есть еще одна знакомая, которая тренируется на заброшенном складе, паля по манекенам?

– Но зачем это ей?

– Мечь. Желание всех запутать. Заставить Совет переживать из-за возможной потери одного из лучших своих агентов. Отвлечь внимание Симоны. Еще вариантов накидать? – с сарказмом любезно поинтересовался вампир.

– Достаточно, – зло и твердо произнес Ян.

– У меня к тебе тоже вопрос, – Ян сел за стол и закинул ногу на ногу. – Ты зачем её к сирене поволок? Зачем было вообще вмешивать её в эту историю?

– Её бы всё равно втянули, – зло рявкнул принц. – Со мной или без меня. Рассчитывал, что если буду рядом, то смогу контролировать ситуацию.

– Забыл, правда, что и без тебя претендентов на роль контролера слишком много.

– Да, – с издевкой протянул Тэян, выравнивая спину. – Забыл... Ты ведь её тоже хочешь. Не хотел бы, не явился бы тогда подслушивать, что же такого Ди узнала в квартире твоей убитой временной подружки, – помолчав, принц уверенно добавил: – Она никогда не поймет эту твою сломанную вампирскую любовь. Ты никогда её не получишь. Как только она поймет, какой ты на самом деле, то сбежит, не огляды-

ваясь. Её разочарование будет безграничным...

Глаза Тэяна сверкнули лазурью в полутьме кабинета. Он улыбнулся с мрачным наслаждением, смакуя, как ему казалось, проигрыш Князя.

– Ты прав, – не стал отпираться Ян, про себя подумав, что никогда раньше не замечал, насколько схожа магия Ди и Тэяна. Принц и принцесса. Оба упрямые, мстительные, оба готовые рисковать и идти до конца ради того, во что верили, даже осознавая всю полноту возможных потерь. Неудивительно, что они стали лучшими друзьями. И могли бы стать отличной парой.

Могли бы. Но не станут.

– Я хочу её, – продолжил вампир, ничуть не стесняясь собственных откровений. – Хочу так сильно, что ты себе не можешь даже представить.

– Но, – начал Тэян, отзеркаливая позу вампира, – та, другая, тебе тоже важна. Уж не знаю, какие у вас отношения, но со стороны выглядит отвратно.

– Аксинья донесла? – выдал кривую неискреннюю усмешку Князь.

Они сидели друг напротив друга, окруженные тьмой старинного замка. Здесь в каждом углу клубилось чье-то чужое воспоминание. Отголосок прошлого, которое не повторить. Здесь каждый паук был порождением магии смерти. Повисшие на чрезвычайно прочных паутинах, они глядели на всех бессмертными белыми глазами. Здесь каждая пылинка со-

держала в себе частичку темной силы, величественной, злой и беспощадной.

И не друзья, и не враги.

Просто двое мужчин, каждого из которых мучили свои призраки.

– Догадался? – коротко спросил Тэян.

– С самого начала, – так же коротко ответил вампир.

– Для Ди она тоже важна, – внезапно проговорил Тэян, испытывающее впиваясь взглядом в лицо Князя. – Не понимаю только почему!?

Ни одна мышца не дрогнула, ни один жестом Князь себя не выдал.

А вот внутри словно что-то оторвалось с липким протяжным звуком и ухнуло вниз.

Отвернувшись, Ян встал и отошел к окну, из которого открывался отличный вид на горы. А еще, на то место, куда она любила приходить.

Ди не знала, но пока она наблюдала за небом, любуясь закатами, он любовался ею.

– Ты любишь, – пораженно прошептал за его спиной Тэян. – Ты действительно любишь их обеих! Серьезно?! Уму не постижимо...

Ян молчал.

– Слов нет, как это безумно!

– Кто бы говорил о безумии, – холодно прервал его владелец замка. – Когда ты явился ко мне в поисках союзников,

я сразу сказал, что нельзя заигрывать с Советом. И нельзя раз за разом пытаться прыгнуть выше своей головы, упорно тычась макушкой в потолок!

– В город прибыл корволант, – Тэян пытался сохранять спокойствие, но удавалось плохо. – Они готовы убить Ди, даже если придется сравнять город с землей.

– Совет будет рад её смерти, – подтвердил Ян, кивнув головой по-прежнему не отворачиваясь от окна. – Они слишком давно этого добивались, хотя и не могли действовать в открытую.

– Какие у нас шансы победить? – взволнованно спросил Тэян. Он искал поддержку, он искал того, кто встанет с ним на одну сторону.

– У нас с тобой – никаких, даже с учетом твоих увеличившихся благодаря слиянию способностей, – произнес Князь вслух то, что Тэян боялся услышать. – Даже если к нам присоединится твой брат.

– Думаешь, корволант так силен? – усомнился принц.

– Если бы корволант не был силен, его бы вообще не существовало, – заметил Князь.

– Таллас велик и могуч! – торопливо проговорил принц. – Он не даст убить его единственную наследницу!

– Армия короля меньше, чем кажется. На самом деле тех, кто может сражаться с корволантом за пределами своей родной стихии в распоряжении Талласа не так много.

– Зачем ему еще кто-то, если сам король – повелитель мо-

рей и океанов?! – с яростью фанатика завопил Тэян, стискивая кулаки.

– И стоит ему только появиться на суше в боевом облачении, как Совет воспользуется своим правом и призовет к себе всех: оборотней, вампиров, банши, кицунэ, онни. Вообще всех, кто обитает на руководимой ими территории. И нас с тобой тоже призовут, как и принца Джэхана! А если мы откажемся, то сразу же будет отдан приказ о нашей казни. Единственное, что нам останется – защищаться. Бросить против них все ресурсы! Ты готов пожертвовать волками? А Джэхан отдаст своих котов на растерзание? Будет бойня, кровавая и бесполезная. И лично я не хочу потерять своих вампиров в борьбе за чьи-то раздутые амбиции. Меня мной делают не замки и не земли, а мои подданные!

– Так же, как и нас. Мы богоподобные пока сидим на троне, – с пониманием кивнул Тэян, который знал, что его статус принца – практически фикция, дань былому величию его предков. И вдруг спохватился: – А если инициировать отставку Совета? Мы ведь праве это сделать и потребовать перевыборов в кланах! Будет избран новый Совет, что даст нам возможность договориться! А может, и перехватить власть!

– Вот именно для того, чтобы этого не произошло они и направили сюда корволант, – с горечью заметил Ян.

– Значит, никаких вариантов? – с отчаянием спросил Тэян.

– Есть один, – Князь развернулся, подошел к столу и вновь

взялся за книгу. – Морская принцесса должна умереть.

– Подожди... ты... ты ведь предлагаешь организовать подлог, я правильно понял? – наконец, смог выдавить из себя Тэян.

– Ди должна умереть. Не только для Совета, но и для всего остального мира. Правда, сперва придется придумать, как избавиться от той, что предана ей полностью и фактически стала её копией.

– Ты говоришь о той девице, чей запах прилип к ней, словно жвачка?

– Да. Бель... она верна своей принцессе, – вынужден был признать Ян. – Ди спасла её от страшной болезни. Передала часть своих сил, тем самым ослабив себя... Я не знал, что нечто подобное возможно. Хотя с другой стороны, если силу можно передавать через укус, то почему то же самое нельзя делать при помощи... утопления? И там, и там в основе лежит насильственная смерть от рук носителя магии.

Тэян некоторое время сидел, рассматривая ковер перед собой.

– Ладно, я согласен, – наконец, объявил он. – Но при одном условии.

– Каком?

– Выбери, – потребовал принц. – Ты не можешь получить обеих сразу. Выбери одну и забирай её себе.

– А если я выберу Ди? – с вызовом предположил Ян, провоцируя собеседника.

– Я это приму, – мотнул головой Тэян. Его лицо исказилось то ли ненавистью, то ли болью. – Твоя Бель мне не нужна, но твой выбор я приму.

И взгляды двух мужчин встретились. Принц по рождению, изгнанный из собственного дома и стремящийся найти другой. И Князь, который не должен был наследовать этот титул и всё же унаследовал, не зная, как править и, что важнее всего остального, как в процессе не превратиться в чудовище.

– Я выбрал.

– И? – поторопил его Тэян.

Ян сел в кресло, закинул ногу на ногу и позволил телу расслабиться. Его лицо окутали тени, а потому, когда он заговорил, показалось, будто заговорила сама темнота.

– Ты ошибся. Моя любовь к Бель – не любовь мужчины к женщине. Я не могу назвать её платонической. Мои чувства, скорее, наиболее близки к любви братской, хоть я ей и не брат.

– Значит, – не выдержал Тэян. – Ты выбираешь Ди?

– Когда слепой ребенок появляется на свет он не знает, что слеп. Пока ему об этом не скажут родители. Так и со всем остальным. Ты не подозреваешь у себя отсутствие чего-то, пока тебя не ткнут в это лицом. Я хотел убить эту девчонку, уничтожить, растоптать. Стереть любое упоминание о ней. А потом случайно полюбил. И не осознавал этого, пока мне не швырнули эту мою бестолковую любовь в лицо, – рассуждал

вампир.

– Что?! – подскочил Макс, бледнея. – Что ты несешь?!

Почти одновременно произошли две вещи. Распахнулась дверь и прогремел выстрел.

– Твоя прислуга нерасторопна, – лениво засовывая руки в карманы, проговорил Гриша.

– За своей следи, – отрезал Ян, вставая с кресла. В его руке в желтом свете настольной лампы блеснул сталью револьвер.

– Слежу, – процедил Гриша, убирая с лица улыбку мальчишки-хулигана. – Но мне не нравится, что приходится еще и за тобой следить. Мы договаривались, что разберемся с ним вместе.

– И мы разобрались, – вампир убрал револьвер в ящик и вышел из-за стола.

Гриша приблизился к Тэяну, лежащему лицом вниз. Присел и всмотрелся в красное пятно, разрастающееся на спине, обтянутой светлой футболкой.

Подняв голову, он заметил:

– Его одной пулей не возьмешь. Он всё ещё жив.

– Я и не собирался его убивать, – и Ян вышел, чтобы позвать охрану. Одна из камер в его подвале уже давно дожидалась своего гостя.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ